

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1981

2

10335
1981

10.335
1981

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

НОДАР ГУРЕШИДЗЕ. В дни, когда созывается Съезд. Стихи. Перевод Сергея Белорусца	3
НУГЗАР БАКАЕВ. Стихи. Перевод Натальи Дардыкиной	35
ГЕОРГИЙ БЕСТАУТИ. Стихи. Перевод Юрия Музалькова	36
ГАФЕЗ. Стихи. Переводы Льва Озерова, На- тальи Гениной	37
ШАМИЛЬ ДЖИКАЕВ. Стихи. Перевод Юрия Музалькова	39
НАФИ ДЖУСОИТЫ. Стихи. Перевод Натальи Дардыкиной	40
ГЕОРГИЙ ДЗУГАЕВ. Стихи. Перевод Генна- дия Фатеева	42
ГЕОРГИЙ КАЙТУКОВ. Стихи. Перевод Льва Озерова	44
АХСАР КОДЗАТИ. Стихи. Перевод Льва Озе- рова	46
ИСИДОР КОЗАЕВ. Стихи. Перевод Галины Павловской	48
ВАСО МАЛИЕВ. Стихи. Перевод Льва Озерова	49
КОСТА МАРГИЕВ. Стихи. Перевод Натальи Гениной	50
БОРИС МУРТАЗОВ. Стихи. Перевод Льва Озерова	51
ГРИС ПЛИЕВ. Стихи. Перевод Льва Озе- рова	54
КАМАЛ ХОДОВ. Стихи. Перевод Льва Озе- рова	55

2

1981

АЛЕКСАНДР ЦАРУКАЕВ. Стихи. Перевод Льва Озерова	57
МИХАИЛ ЦИРИХОВ. Стихи. Переводы Льва Озерова, Натальи Гениной	57
УАСДЖЕ ЦХОВРЕБОВ. Стихи. Перевод Ната- льи Дардыкиной	58

ПРОЗА

КОНСТАНТИН ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Горец вер- нулся в горы. Глава из книги. Перевод Эм- мануила Фейгина ✓	5
ДЕМНА ШЕНГЕЛЯЯ. Февраль. Рассказ. Пере- вод Виктории Зининой ✓	30
ТАМАЗ БИБИЛУРИ. Помоги! — сказал он. Роман. Продолжение. Перевод Ушанги Рижинашвили	60

ПОСВЯЩАЕТСЯ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

ТРИСТАН ЛАБАРТКАВА. «С этого пути не свернуть»	133
ОМАР ЧИХЛАДЗЕ. Такая долгая радость	143

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НИКО АНДРОНИКАШВИЛИ. «Не оставляй без- родным стих...» Заметки о первых книгах мо- лодых авторов	156
ЗАЗА ГОГИЯ. Уруки и его обитатели	164
ТАМАР ЦИЦИШВИЛИ. Пусть Маяковский за- звучит по-грузински!	174
АКАКИЙ ВАСАДЗЕ. К вопросу динамичности поэ- зии. Перевод Нелли Солод	183

К 60-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГРУЗИИ

НИКОЛАЙ ДРОЗДОВ. «Завтрашний день при- надлежит нам» (Публицистические автографы М. Орахелашвили)	192
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

ЛЕОНИД ТЕМИН. Заметки на полях...	203
ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ. Всенародное признание	219
ХРОНИКА	220
ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА	222

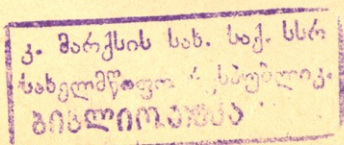
**В дни,
когда
созывается
Съезд**

В дни такие,
когда созывается Съезд
нашей партии,
в дни грандиозные эти —
в такт кремлевским курантам
милльоны сердец
человеческих
гордо стучат на планете.

В дни такие,
когда созывается Съезд,
с высоты его планов, задач и решений
весь народ,
наша Родина
видит окрест
горизонты побед и грядущих свершений.

В эти дни,
с нашим веком идя наравне,
созидаю его,
к новым будням готовясь,
мы уверены:
труд, бескорыстие, совесть
человечеству станут дороже вдвойне!

Мы уверены в святости добрых идей,
мы уверены в том,
что доподлинно нужно
мир беречь,
укреплять солидарность и дружбу
для грядущего дня,
для планеты людей.

Мы открыли дорогу высокой мечте
наших предков —
теперь она явью зовется,
и о нас вспоминая,
потомки — и те
позавидуют нынешним первопроходцам!

Ведь навеки сплотив миллионы сердец,
людям разных народов
и всех поколений
верный путь указал величайший мудрец —
человек
по фамилии
Ленин!

И под знаменем
с изображеньем его
поднимаемся мы на леса новостроек,
и народ —
самый главный на свете историк! —
прославляет делами свое торжество.

И до поздних седин не стареют отцы,
по земле возрожденной проходят крылато,
а уже подрастают бывлые птенцы
и в разведанный космос стартуют — орлята...

В дни такие,
когда созывается Съезд,
с высоты его планов,
задач
и решений
весь народ,
наша Родина
видит окрест
горизонты побед и грядущих свершений.

Перевод Сергея БЕЛОРУСЦА

За художественно-публицистические произведения «Что произошло в Абаше» и «Горец вернулся в горы» Константи́ну Алекса́ндровичу Лордкипани́дзе в 1980 году присуждена премия Совета Министров Грузинской ССР «Летопись пятилетки».

Константи́н ЛОРДКИПАНИ́ДЗЕ

Горец вернулся в горы

НЕМАЛО было на белом свете такого, что не любила Майя — не любила она, например, тяжелые, как сырая вата, осенние туманы. Иногда они с утра до вечера неподвижно висят в ущельях, в такие дни из дому не выйдешь, чтобы на полчаса забежать к Шуко — посплетничать, пошущукаться, и дома за вышивкой не посидишь, и даже в зеркало не посмотришься... Темно. Скучно. И резчики не работают. Где у Тома столько керосина, чтобы целый день горели большие всякие лампы. Противная штука осенний туман.

И еще не любит Майя проходить мимо духана Арсена — обязательно наткнется на какого-нибудь потерявшего человеческий облик пропойцу с бесстыжими глазами и поганым языком. Иногда от этих противных пьяниц такое услышишь, что готова полжизни отдать, лишь бы на одну-единственную минуту превратиться в мужчину. Уж тогда бы Майя этим охальникам показала...

Но больше всего не любила Майя возить сено с горных лугов. Какие умники наши мужчины — придумали

Глава из книги.

еще до всемирного потопа, что махать косой их дело, а наша забота — возить домой сено на этих ды проклятых узких и длинных салазках. С ними уравниваться на отвесных скользких склонах труднее, чем с необъезженным конем... На каждом шагу они норовят свернуть не в ту сторону, поломать тебе руку или ногу, а свою ношу — полстога свежескошенного сена сбросить к черту на рога.

Но что поделаешь, родилась женщиной — терпи... Терпи, пока терпится.

...Майя накормила резчиков, прибрала в доме, и когда трава во дворе перестала блестеть — утренняя роса испарилась под лучами солнца, — она впряглась в свои салазки и отправилась в далекие луга.

Подойдя к дому деканоза, окликнула Шуко:

— Поможешь?

— Помогу.

Перейдя Кохорский овраг по узкому мостику, они увидели на косогоре двух незнакомых молодых людей. «Тифлиские техники. Это про них говорила вчера Сабедо», — подумала Майя. Приезжие были в одинаковых синих куртках и в такого же цвета брюках, заправленных в сапоги. И на головах у них были одинаковые шапки с лакированными, сверкающими, на солнце козырьками.

Различить незнакомцев с первого взгляда можно было только по усам: у одного они были рыжие, пышные, а у другого — черные, в тонкую ниточку, будто угольком нарисованные. Техники устанавливали среди камней какую-то треногу. Точно такую же треногу Майя уже видела на ярмарках у бродячих фотографов.

Чуть поодаль, у поворота тропы, стоял пожилой человек в черкеске и держал перед собой высокую белую рейку с черными полосками. Возле самой треноги на плоском камне сидел старый Антай — казалось, будто он дремлет и ничего не видит и не слышит, но Майя хорошо знала хитрую повадку старика, ее не могли обмануть его закрытые глаза. Сейчас он поднимет голову и скажет: «Эй, девушка, неужто зеленых ниток не хватило? У тебя на левом рукаве два черных крестика. Никуда это не годится, дочка!» А ведь правда, не хватило зеленых ниток вышивальщице. И, конечно, он сюда не дремать пришел, наш старый Антай. Значит,

тут что-то очень интересное происходит. А что? непонятно: на фотографов эти люди в казенных захах не похожи. Ну, а раз Майя что-то непонятно и неизвестно, она уже не в силах пройти мимо.

— Эй, что вы там делаете? — не утерпела Майя.

— Дорогу прокладываем, барышня, — с готовностью ответил рыжеусый техник.

— Дорогу? А это разве не дорога? — искренне удивилась она.

— Это овечья тропа, барышня. А мы такую дорогу построим... широкую, гладкую, чтобы приехать на фэтоне и похитить тебя, красавица.

— А ты присылай сватов. Может, я и пешком пойду за тобой.

Молодые люди рассмеялись.

— Ну, братец, кинем жребий, кто будет сватом, кто женихом, — сказал рыжеусый техник своему товарищу.

— Квдайте, — сказала Майя. — я пока посмотрю в вашу подзерную трубу. — И, не дожидаясь разрешения, она вскарабкалась наверх и прищипнула глазом к нивелиру.

— Ой, боже, чья это коза? Она рубаху стянула с веревки... Дядя Антай, посмотри!

Антай не спеша подошел к треноге.

— Пропала у нашего Лазаря новая рубаха, — сказал он огорченно и, старательно вытерев ладони о ноги, обеими руками взялся за треногу, пытаясь ее повернуть в сторону Лашарского ледника.

— Не смей трогать! — заорал на него рыжеусый. — С точки собьешь.

— На старших здесь не кричат, Гогги, — слышался чей-то громкий властный голос, и Майя, повернув голову, увидела, как из мелкорослого орешника вышел почти совсем седой человек в кожаной желтой куртке и в желтых зашнурованных до колен сапогах. В руках у него была записная книжка.

Майя подивилась тому, как легко, словно горец-охотник, камушка не сдвинув с места, ни разу не скользнув, спускался по склону этот седой горожанин, но когда он подошел ближе, Майя увидела совсем еще не старое, красивое и спокойно-строгое лицо. У молодого

священника, служившего молебен в Алавердском храме, оно было такое же красивое и строгое.

— Здравствуйте, я инженер Варден Бакурадзе, — сказал он и так приветливо улыбнулся Майе, будто долго и повсюду искал ее и вот, к радости своей, наконец нашел.

«Хороший человек, — подумала Майя и почувствовала, что краснеет. — Хоть бы не заметил», — испугалась она, но Бакурадзе уже повернулся к Антаю:

— Вы извините, пожалуйста, моего помощника, — сказал он. — Хотите еще посмотреть — смотрите.

— Хорошая штука, — со сдержанным восхищением сказал Антай. — Не продадите? Десять овец дам.

— Зачем тебе? — удивился Бакурадзе.

— Будь у меня такая труба, ни один тур от меня не уйдет.

— Сейчас не могу, дорогой охотник. А вот построим дорогу, подарю тебе эту трубку... Овец мне твоих не нужно.

— Да, дорога — большое счастье, — сказал Антай. — А то ведь как живем! Годами не видим людей из долины. Не знаем, что делается на свете. Спросите у Майи, какой царь сидит сейчас на троне, — не скажет.

— А вот скажу! Николай Второй. Я еще египетскую царицу Клеопатру знаю, — похвасталась она. — Хотите, расскажу, как она умерла...

— Потом, милая барышня, потом расскажете. А сейчас я должен поговорить с этими людьми, — сказал Бакурадзе и сбежал с косогора. Майя обернулась: по мостику гуськом пробирались Тома Джаларидзе и его подмастерья. В руках у резчиков были топоры, а на плече у Тома покачивалась и тихонько позванивала большая продольная пила.

— Надеюсь, вы не в лес идете, — сказал Бакурадзе.

— В лес, куда же еще! — удивился Тома.

— А разве старшина не зачитал вам вчера бумагу?

— Какую бумагу?

— Из канцелярии заместника. Все здешние леса правительство продало английской фирме. За каждое срубленное дерево я буду строго наказывать...

— Продали? Божий лес продали? — замер на месте Тома, и даже пила на его плече перестала звенеть.

С незапамятных времен пользовались люди богатством этих лесов, и вдруг объявился неведомый хозяин, который обрекал орбельских резчиков на разорение и нищету.

— Не пойму, о чем вы говорите, господин. Разве можно божий лес продать?

— Не божьим он был, а бесхозным! Кому не лень, тот и рубил.

Бакурадзе перемахнул через каменный забор и быстро вернулся с горящей головешкой в руке. — Посмотрите, чем тут очаги топят! Это же тис! Тис! Красный негной! — прокричал он, размахивая головешкой перед носом Тома. — Если понадобится хворост — пожалуйста к объездчику... Я распорядился отпускать его всем бесплатно, — более спокойно добавил Бакурадзе.

Джапаридзе побледнел.

Хворост на топливо! А он мечтает найти трехсотлетнее красное дерево для Алавердской гробницы. Он мечтает возродить древнее искусство своего народа. Но для этого нужны и красный негной, и хмелеграб, явор и кавказский клен... А их продали англичанам. Значит, все кончено.

— Я буду жаловаться, — сказал Тома, — я поеду к епископу.

Бакурадзе усмехнулся.

— Жалуйтесь, но это ничего не изменит. Прощайте.

Бакурадзе сказал правду: одна старая английская фирма затратила немало денег и усилий, чтобы получить концессию в Грузии на ценнейшую древесину. Красный негной давно исчез в Западной Европе, а из него в Англии строили самые дорогие, быстроходные яхты.

Яхты?! Майя не знала, что это такое, она, как и многие орбельцы, никогда не видела моря. И бог с ним... Но что будет с отцом? И с нами что будет? Она повернулась к Антаю и сказала с горечью:

— А ты говорил, что дорога — большое счастье. Вот построят они дорогу, увезут наш лес, что ты тогда скажешь, дядя Антай?

— А это мы еще посмотрим, как они построят дорогу, — сказал Антай. — Это еще у нас надо спросить...

— Я уйду, Майя, — крикнула снизу Шуко.

— Иду, подожди меня. — Майя хотела прыгнуть с камня, на котором стояла тренога, но заколебалась. Выйди соко.

Бакурадзе протянул ей руку.

— Позвольте...

Майя хотела было воспользоваться помощью, но что-то удержало ее. Повернулась и прыгнула. Подхватив салазки, девушки скрылись за поворотом. И только тогда Майя опустилась на землю и заплакала.

— Что с тобой? — удивилась Шуко.

— Ногу подвернула. Болит.

— Дай посмотрю.

Майя опустила шерстяной чулок и, как только подруга прикоснулась к ее лодыжке, вскрикнула от боли.

— Я видела, человек тебе помочь хотел, а ты...

— Помочь? — огрызнулась Майя. — Не хочу я от него помощи. — Она еще что-то хотела сказать, но вдруг за ее спиной послышался голос Цоги:

— Шуко! Можно тебя на минутку? Ты, Майя, не обижайся. Я не надолго похищу твою подругу. Погляди пока за дорогой.

В руках Цоги держал берданку и дорожную сумку, а на поясе висела вышитая бисером кожаная фляга.

— Убьют меня когда-нибудь из-за вас, — пробурчала Майя, но все-таки взобралась на поросший мхом валун. Отсюда вся тропа была как на ладони.

ЦОГИ: Тебе отец ничего не говорил?

ШУКО: Я сегодня не видела его. С утра за сеном пошла.

ЦОГИ: Выгнал твой отец моих сватов.

ШУКО: Смерти он моей хочет.

ЦОГИ: Не горюй, Шуко, дай мне еще две недели. А там посмотрим, как он их опять примет.

— Ты куда собрался, Цоги? — спросила Шуко, словно только теперь заметив, что он снарядился в дорогу.

— Орхевцы на охоту идут и меня позвали.

— На охоту? — разочарованно сказала Шуко. — Думаешь турьими рогами моего отца задобрить?

— Турьими или не турьими, это уж моя забота. Ты только верь в меня и все хорошо будет.

— Ой, Цоги... кому же мне еще верить, — всхлинула девушка.

— Я не надолго.

— А разве я тебя когда-нибудь торопила, Цоги? Я готова тебя до смерти ждать.

— Наговорились, бесстыдники? Хватит! Кто-то идет! — прокричала Майя.

Девушки впряглись в салазки и, быстро сойдя с тропинки, затерялись в кустарнике. Майя не соврала. Сверху спускался человек. Цоги взгляделся и, узнав Антая, тоже попытался скрыться. Но от Антая не так-то просто уйги.

— А ты все в прятки играешь, Цоги... Смотри...

— Отстань от меня, дядя, — сказал Цоги. — Что ты за мной по пятам ходишь?

— Уже и по дороге нельзя ходить человеку. Я там с техниками разговаривал и вот иду себе домой.

Цоги усмехнулся.

— Надоели мне твои хитрости, дядя Антай. Ну зачем ты позавчера в духан зашел? Подглядываешь, дядя Антай, с кем я стакан вина выпью, с кем на улице постою. Ты чего боишься? Чего трясешься надо мной? Я не маленький, коза меня не забодает.

— Ну и дурак же ты, парень, не над твоей дурной башкой я трясусь. Мне Сабедо жалко и твоего несчастного брата. Любят они тебя. А ты не жалеешь свою мать. Знаю, на какую охоту ты идешь.

— А что мне делать? Живым себя похоронить? Нет, дядя Антай, сейчас вам меня не удержать.

— Вижу, Цоги, что не удержим, — вздохнул Антай. — Но ты еще подумай.

— Устал я думать. А ты, прошу тебя, не пугай мать. Я ей сказал, что на охоту иду.

— Постой, Цоги, возьми мои «кошки», они стальные, на льду хорошо держат.

— Спасибо, Антай. Ты один меня понимаешь.

Цоги перекинул «кошки» через плечо и, не оглядываясь, пошел к лесу.

Горную дорогу Варден Бакурадзе начал строить одновременно в нескольких местах — и в районе деревни Орбели, и внизу за рекой Алазани, вблизи старого почтового тракта.

В Орбели нахлынули новые люди — землекопы, подрывники, каменотесы, мостовики. Пошли на дорож-

ные работы и некоторые жители высокогорных деревень. Бакурадзе платил хорошо. Горцев набралось много — большинство мужчин еще находилось на зимних пастбищах, но инженер был рад и тем людям, которые к нему пришли. Он готов был платить им еще больше, нежели пришлым рабочим, чем немало удивил своего помощника, старшего дорожного мастера Василия Круглова.

— Варден Александрович, — сказал он однажды Бакурадзе, — я понимаю... они ваши земляки... люди они хорошие, гостеприимные, но работники, извините, никудышные. Кирку и лопату не для их рук ковал кузнец. Дорого они нам обходятся, Варден Александрович.

— Мне их руки не нужны, милый Василий Васильевич, мне их сердца нужны. А сердца дорого стоят.

Пошли в гору дела духанщика Арсена. Пришлые рабочие засиживались за столом до поздней ночи — только успевай варить хинкали и разливать вино по бутылкам. А вскоре за прилавком Арсена появилась смазливая девица, в которой, к своему ужасу, Тома Джапаридзе узнал обитательницу второго этажа ахмедовского заведения. Когда девице давали чаевые, она с милой улыбкой благодарила: «Мерси, котик», а пьяных крикунов строго обрывала: «Потише, вы не в отдельном кабинете».

А поиски тиса упорно продолжались. Одного за другим посылал Тома Джапаридзе своих учеников и за перевал, в непроходимые дебри Нобийских лесов, и даже в предгорья Дагестана. Чтобы не привлекать внимания объездчика Варамашвили, они уходили из деревни с пустыми руками: ни одного топора, ни одной пилы. За спиной только котомка с хлебом и сыром, да два-три пустых хурджина, — будто не в поход за тисом они собрались, а собирать каштаны и желуди. Однажды и Майя увязалась за ними.

— Ох и бедовая ты у меня. Сломаешь где-нибудь ногу, а хромоножку замуж не возьмут, — сказал Тома.

— Не беспокойся, отец. В старых девах не останусь. Правда, Бердиа?

Юноша смущенно улыбнулся и быстро закивал головой.

— Ну, ладно, что с тобой поделаешь, иди... Бердиа, ей много воли не давай. Не забудьте заглянуть в Кори. Помню, отец говорил, что видел там одно красное дерево, такое, что резчикам и во сне не приснится.

— Я везучая, отец. Найдем. Но кто его из ущелья вытащит?

— Вы сперва найдите, а там соседи помогут. Вся деревня сейчас за нас горой стоит. Ну, с богом, идите.

Проходя мимо своего дома, Бердиа немного отстал от товарищей, вынул из кармана бубенец и громко позвонил. На крыльцо тотчас выскочила Сабедо.

— Уже идешь, сынок?

Бердиа кивнул головой.

— Цоги заходил к тебе?

— Был, — губами сказал Бердиа.

Сабедо сразу поникла. «Со всеми попрощался Цоги — и с Шуко, и с Антаем, и с братом, а мне и слова не сказал, ушел, побоялся, что слезами его удержу».

— Господи, верни мне моего сына, — прошептала она и, кажется, впервые забыла вынести младшему кусок любимого пирога на дорогу.

...Было уже за полдень, когда резчики подошли к перевалу. Верхушки деревьев качались от могучих невидимых взрывов. С приближением лета работы по строительству дороги развернулись вовсю. Даже самые старые орбельцы ходили к перевалу поглядеть, как люди рушат скалы, перекидывают огромные бревна через бурные потоки, стремясь соединить то, что сам бог разъединил, — соединить людей гор с людьми долины, горные тропы с большой дорогой.

На поваленном дереве сидел Бакурадзе. Перед ним на пеньке лежала развернутая карта. Увидев инженера, Майя как-то растерялась, спряталась за плечо Бердиа и тут же одним, почти неуловимым движением прошла рукавом по мокрой от пота шее, поправила выбившиеся из-под шапочки волосы...

Бердиа внимательно посмотрел на Майю. Вся она как-то натянулась, словно струна. Но почему? Ведь только что еще весело балагурила с ребятами и вдруг неузнаваемо притихла. Постеснялась чужих людей? Но она не из робких. И на людях глаза не прячет... Но сколько Бердиа не ломал голову, он не нашел ответа

на этот вопрос. И хорошее его настроение как-то сразу ушло.

Бакурадзе поднял голову.

— Здравствуйте, попрыгунья, как нога? Уже не болит?

Майя вскинула брови.

— Нога? Когда она у меня болела?

— Оставьте, барышня, я хоть и старик, но все вижу.

— Ну, тогда смотрите. Нравлюсь? — то ли от смущения это у нее вырвалось, то ли просто захотелось подразнить городского человека. Но, сказав это, она совсем уже растерялась.

— Ну и злючка вы, барышня, — ласково сказал Бакурадзе. — Не надо на меня сердиться, мы еще будем друзьями. Будем?

Майя ничего не ответила. Зато Бердиа бросил на него такой взгляд, что Бакурадзе, усмехаясь, подумал: «Ревнует, дурачок».

Молодые люди догнали ушедших вперед товарищей.

Первый раз в жизни повезло Цоги.

Отчаявшись, Цоги решил принять предложение Казгирея — угнать одну из отар Гугуташвили в Дагестан. Затея была рискованной. Все пастухи братьев Гугуташвили были хорошо вооружены и не раз уже отбивали нападение скотокрадов; участвуя в таком деле, Цоги мог потерять голову, а сейчас угодил всего на два месяца в телавскую тюрьму. А случилось это так: Цоги, как было условлено, встретился с главарем шайки скотокрадов в духане Ахмеда. Когда они сидели за ужином, нагрянула полиция, она давно разыскивала Казгирея. Вместе с ним схватили и его.

Казгирея под усиленным конвоем увезли в Тифлис, а Цоги заперли в кутузку на время следствия.

Допрашивали Цоги, били, устраивали очные ставки и, хотя никакого обвинения не могли предъявить, все же держали пока за решеткой.

Все это Цоги рассказал Антаю, которому за небольшую взятку — двух баранов и кувшин водки разрешили свидание с заключенным.

— Подними голову, племянник! — подбадривая Антай. — Ты же мужчина. Я говорил со следователем — хороший он человек, сказал, что вины за тобой никакой нет и скоро тебя домой отпустят.

— Дядя Антай, ты хочешь для меня доброе дело сделать?

— Все сделаю, Цоги. Последнего барана продам, до уездного начальника дойду. Ты только не унывай, мальчик... С человеком всякое случается.

— Никуда не нужно ходить, дядя Антай. И баранов своих не продавай. Ты только попроси своего хорошего следователя, чтобы он меня отсюда не выпускал. Пусть меня подольше в этом дворце держат!

Слова Цоги озадачили Антая. Что с мальчиком? Болен? Или с горя разум помутился? Люди из тюрьмы на волю рвутся, а он...

— Успокойся, Цоги, все будет хорошо.

— Не будет хорошо! Не выпускайте меня отсюда... Понял, дядя Антай? Не выпускайте. Добра от меня не ждите...

Все это Цоги сказал будто беззлобно, не поднимая голоса, но от этого Антая стало еще страшнее — он почувствовал, как под ударами судьбы ожесточилась душа этого в сущности славного и доброго человека.

Старик ушел из тюрьмы с таким подавленным видом, словно его племянника только что приговорили к смертной казни, хотя он знал, что Цоги выйдет на волю.

Отставному солдату — объездчику орбельских лесных угодий Варамашвили пришлось пережить немало страха за эту неделю. Человек не из робкого десятка — за японскую войну удостоенный солдатского Георгия, — он сейчас просто-напросто перетрусил. Потому что уже не знал, где проходит линия фронта, где друг и где враг. Один раз во время ужина чья-то пуля разбила стоявшую возле него лампу. Варамашвили сразу сообразил, что стрелявший человек не промахнулся. Не убить он его хотел, а предупредить — убирайся, мол, подобру-поздорову. Скоро Варамашвили получил второе предупреждение. Когда он объезжал кабский участок, меткий выстрел срезал над его головой ветку.

Варамашвили понял: третьего предупреждения не будет. Его просто убьют.

— Отпустите меня, господин инженер, ^{сказал} он утром Бакурадзе. — Не берите греха на свою душу, у меня семья, дети. Ни одного часа я здесь не останусь.

— А ты никого не подозреваешь? — спросил Бакурадзе.

— Не знаю и знать не хочу, господин инженер! Дайте расчет и отпустите с миром.

— Значит, бросаешь меня, Димитрий? Нехорошо! — упрекнул его инженер.

— Не обижайтесь, мой господин... И послушайте моего совета: пришлого человека объездчиком не назначайте. Выживут его отсюда. Найдите местного жителя. Сумеете отбить его от своих — он будет служить вам, как верная собака.

Совет Варамашвили понравился инженеру, и он стал присматриваться к орбелым, не пропуская ни одной сельской сходки, ни одного храмового праздника. Но когда он предложил одному чабану должность объездчика, тот рассмеялся ему прямо в глаза и сказал:

— А вы знаете такую поговорку, господин инженер: «Когда ресница колет свой глаз, ее выдергивают»?

Бакурадзе решил съездить в соседние деревни — может, там найду, — но в это время приехал нарочный. Господина Бакурадзе приглашал к себе епископ Алавердский Димитрий.

Это был уже не тот епископ, которого видел в маленькой скромной келье резчик Тома Джапаридзе, — в большом, богато обставленном кабинете епархиальной управы инженера Бакурадзе принимал князь церкви при всех регалиях, высокомерный аристократ, который сразу дал почувствовать Бакурадзе, что тот только подрядчик английских купцов, сын кутайского скотопромышленника, разбогатевший правдой и неправдой во время русско-японской кампании.

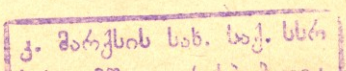
Много недобрых слов о себе услышал в тот раз Бакурадзе от епископа. Обиженный инженер уже готов был уйти, и только боязнь нажить могущественного врага удерживала его в этом кабинете.

— ...А сейчас забудьте, что я епископ, — вдруг предложил Димитрий, стараясь разрядить обстановку. — Давайте будем говорить, как два грузина-интеллигента, по-сыновнему любящих свою родину...

— Я все время так и говорил с вами, ваше пресвященство.

— Давайте рассмотрим этот вопрос с другой стороны... Давно бы Грузия исчезла с лица земли и жестоким ветром истории разметало бы нас по всему миру, не будь Шота Руставели, не будь наших древних зодчих, резчиков, чеканщиков. Они и только они удерживали народ на этой многострадальной земле. Почему все нехристи-завоеватели не могли одолеть Грузию? Мы, бывало, проигрывали сражения, нечестивые брали и разрушали наши крепости, но ни одному завоевателю не удалось покорить грузин. Разве могли дикие, непросвещенные варвары подчинить себе духовно строителей Вардзии и Гелати, переписчиков «Вепхисткаосани», безымянных резчиков по камню и дереву. А пока душа не сломлена — народ не покорен. Бывало и так, что рука варвара не поднималась на творения наших художников, и, пораженный красотой фрески или орнамента, завоеватель сам оказывался в плену у побежденного народа. Сейчас, когда на нашей земле не бушуют войны и народ, наконец, обрел некоторый покой, мы должны собрать, изучить, возродить все виды нашего древнего искусства. Иначе Грузия никогда не займет подобающего места в семье просвещенных народов. А мы не нищие — нам есть что внести в сокровищницу мировой культуры. Но посмотрите, чем занимаются сейчас наши лучшие умы. Бесконечные интриги и распри, как грибы растут новые направления и партии. А для чего? Чтобы тратить время на бесплодные дискуссии. И это вместо того, чтобы всем народом позаботиться о великом наследии наших предков. Ведь многое погибло в лихолетья, да и сейчас гибнет, брошенное на произвол судьбы. Недавно я побывал в Лазистане. Недаром наш историк Вахушти Багратиони писал о лазах: «Умельцы они великие работать по дереву». Еще много веков тому назад на византийских рынках высоко ценились изделия грузинских резчиков. И что же осталось? Я не нашел ни одного строения работы

старых мастеров — все разобрали на досточки, распро-
дали, пустили по ветру...

— Согласен с вами — мы обязаны бере-
дние предков. Но я инженер, ваше преосвященство, а не
сторож при руинах. Я прокладываю дороги, и, если
руины мне помешают, я их снесу.

— Вы прокладываете дорогу иностранному капи-
талу, господин инженер, а что английским, француз-
ским, русским купцам до нашей истории... Вы современ-
ные варвары! Вы хотите оторвать народ от его про-
шлого.

— Но согласитесь, ваше преосвященство, — бы-
вают случаи, когда прошлое мешает народу двигаться
вперед.

— Мы с вами сейчас рассматриваем не тот слу-
чай, господин инженер! Чем мешает вашему прогрес-
су, например, мастерская Тома Джапаридзе? Искус-
ство резьбы по дереву приходит в упадок. Талантли-
вых резчиков можно сейчас по пальцам пересчитать. А
вы, образованный грузин, добываете последних моги-
кан радостного искусства. И вам не стыдно, молодой
человек? Вот, смотрите...

Епископ взял со стола ларец работы Бердиа Ци-
карашвили и протянул его инженеру.

— Вы хотите погубить это чудо!

Бакурадзе достал из нагрудного кармана трубку,
хотел зажечь спичку, но сообразив, что здесь не курят,
досадливо поморщился. Ему уже надоел этот спор, и
он решил высказаться до конца — не очень вежливо
это будет, но отступать некуда.

— А вы думаете, сейчас нашему народу очень
нужны эти безделушки? Все эти резные украшения?
Они вам нужны — князьям церкви и кучке пресыщен-
ных аристократов. Этим несчастным горцам нужны про-
стые, дешевые тарелки, а не резные блюда, нужно де-
шевое полотно — они от рождения до смерти ходят
без исподнего белья. Им нужен дешевый керосин —
они до сих пор палят лучины. А дорога, которую, как
вы изволили заметить, ваше преосвященство, я строю
на иностранный капитал, принесет этим бедным гор-
цам все блага современной цивилизации. Сейчас фаб-
рики нам нужно строить, ваше преосвященство, а не
ставить заплатки на дряхлые развалины. Двадцатый

век на дворе! Нам нельзя отставать от него. Не то мы потеряем и прошлое и останемся без будущего.

— Мы говорим на разных языках, господин иер. А что касается орбельского леса...

— Орбельский лес продан англичанам, ваше преосвященство, — перебил его Бакурадзе. — Насколько я знаю, православная церковь не посягает на права частной собственности... Так что разрешите откланяться.

— Может, останетесь отобедать? — вдруг предложил епископ как ни в чем не бывало. — Отдохните немного после трудной дороги, погуляйте по парку...

— К сожалению, я должен поспеть к тифлисскому поезду, — сказал Бакурадзе.

Епископ усмехнулся.

— Что ж, двадцатый век. Время — деньги, как говорят ваши англичане.

На большие конные состязания обычно собирались все девушки из окрестных деревень. Но на этот раз Шуко осталась дома. Отцу так и не удалось ее уговорить пойти на праздник, и он попросил это сделать Майю.

— Не уговаривай меня, Майя. Он в тюрьме сидит, а я буду в чатаре играть.

— Тогда я тоже не пойду. Останусь с тобой и буду плакать.

— А тебе зачем плакать?

— А что, у меня сердца нет? Может, меня там моя судьба ждет... А я должна с тобой тут сидеть.

— Иди, кто тебя держит!

— Сказано — без тебя я не пойду.

— А правда, тебя кто-нибудь там ждет?

— Может, и не ждет: может, его и не будет там...

Но я хочу его видеть.

— А я его знаю? — улыбнулась Шуко.

— Не спрашивай, Шуко. Будь моей сестрой, пойдём.

— Хорошо, пойдём.

Подруги вышли из дому и, взявшись за руки, побежали по тропинке.

...Чатара была в самом разгаре, когда на поляне появился Варден Бакурадзе. Он только что вернулся

из Тифлиса и, даже не переодевшись, а только сменив коня, поспешил на это поле, чтобы не пропустить игру, о которой так много слышал. Ему говорили, что в летних конных состязаниях участвуют молодые горцы со всей округи, и Бакурадзе хотел потолкаться среди этих людей, посидеть с ними за чашей пива... Совет Варамашвили не выходил у него из головы.

На людях Бакурадзе был по-прежнему весел, добродушен, все так же почтительно здоровался за руку со всеми — взрослыми и детьми, но кое-кто из орбелцев уже не встречал его с тем радушием и приветливостью, как раньше. Да и сам Бакурадзе, если приглядеться к нему внимательно, был насторожен и собран. А когда он проехал мимо резчиков, которых хозяин мастерской Джапаридзе угощал на лужайке хинкали и пивом, в глазах инженера вспыхнул злой огонек. Он выехал на опушку леса, и здесь его вдруг остановил девичий голос:

— Здравствуйте, господин инженер.

— А, здравствуйте, попрыгунья, — повеселел Бакурадзе. — Хочу посмотреть чатару.

— А зачем смотреть? — хихикнула Майя. — Конь у вас хороший, и вы еще не старик. Вот и покажите, какой вы джигит.

— Тогда берегись, попрыгунья. Меня с коня не стащишь, я крепко сижу в седле.

— Посмотрим! — вызывающе сказала Майя.

У подножия небольшого холма подзадориваемые криками разгоряченных зрителей молодые горянки стойко отбивали прутьями очередную атаку всадников.

Особенно выделялась в этой жаркой схватке статная красавица Майя Джапаридзе. И Шуко рядом с ней с длинным прутом в руке, но она почти не принимала участия в игре.

Готовилась к атаке вторая лава. Среди молодых всадников выделялся на рослом скакуне Варден Бакурадзе.

— Это он? — спросила Шуко подругу. — Твоя судьба?

Майя не ответила. Она в кольцо сомкнула гибкий прут и сразу выпустила один конец...

Девушки отбили вторую лаву. Многих стащили лошадей и бросили в овраг. Зрители освистали опозренных джигитов.

В числе немногих удержался в седле и Варден Бакурадзе. Игра захватила его, но он немного устал. Надо передохнуть. Варден сошел с коня и прилег на траву. И тут его внимание привлек какой-то молодой человек, давно не стриженный, небритый, в мятой, совсем неподходящей для праздника одежде. Человек этот стоял за деревом, и по всему было видно, что сейчас он сторонится людей, не хочет быть замеченным. Но, проследив за его взглядом, Бакурадзе понял, что человек этот пришел сюда не на гулянку: жадно, не отрывая глаз, он смотрел на подругу Майи. Кажется, ее зовут Шуко.

А между тем игра продолжалась. Многие всадники пытались выхватить Шуко из девичьих рядов, но гибкий прут служил ей надежной защитой. Когда какой-нибудь смельчак слишком приближался к Шуко, парень, стоявший за деревом, мгновенно преображался: подавшись вперед, он судорожно сжимал кулаки, и казалось, еще миг, и он бросится на всадника.

Такому человеку, как Бакурадзе, нетрудно было догадаться, какие страсти сжигали сердце этого молодого горца. Кто он? Откуда? Вардену ни разу не приходилось его здесь видеть.

— Как тебя зовут? — спросил Бакурадзе, подойдя к парню.

— Никак... Надоели мне следователи!

— Я не следователь, милый мой, я инженер Бакурадзе. Почему ты не играешь?

— Пешему там нечего делать, — мрачно ответил горец.

— А хочешь, я одолжу тебе своего коня?

— А вы? — удивленно спросил он.

— Я уже наигрался. Садись — и с богом.

Цоги не сразу поверил своему счастью.

— Бери, парень, — подбодрил его Бакурадзе. —

Смелей!

И вот уже Цоги Цискарашвили налетел на заслон, пробился к Шуко, не успела она опомниться, как парень подхватил ее на седло и умчался.

— Цоги! Боже мой! — крикнула Майя и, бросив прут, кинулась за ними.

— Подожди, попрыгунья, — остановил ее Бакурадзе. — Кто этот парень?

— Господи, какое счастье! Это же наш Цоги! Цикарашвили... Его выпустили из тюрьмы. Побегу к тетушке Сабедо, обрадую. — Она бросилась бежать, но снова остановилась. — Хороший вы человек, господин инженер, — тихо сказала она, смело глядя ему прямо в глаза. — Помогли бедному парню!

Далеко за деревней Цоги остановил разгоряченного коня, спешил и снял девушку с седла. Она покорно замерла в его руках.

Только в поздние сумерки Цоги вернул коня инженеру Бакурадзе. На усадьбе старшины, у дверей конюшни, инженер и молодой горец разговорились.

— Ну как, не подвел тебя мой конь? — спросил Бакурадзе.

— За такого коня жизнь отдать мало, — сказал Цоги.

— Слишком большую цену ты предлагаешь, парень... Я тебе дешевле отдам.

— А у меня ничего нет, ни копыя, — растерянно сказал Цоги. — Не то что такого коня купить... на одну подкову не соберу.

— Мне говорили, у тебя конь погиб. Что ж, судьба.

— Свернуть бы шею этой судьбе.

— Значит, нравится тебе мой жеребец?

— Чего вы меня дразните, господин?.. Нехорошо так шутить.

— И не думаю. Он будет твоим, если захочешь.

— Моим? — Цоги удивленно посмотрел на инженера.

— Да, твоим, — сразу подтвердил Бакурадзе. — Я подарю его тебе, но с одним условием... Мне нужен смелый и верный человек. Этот паршивый трус, мой объездчик, сбежал, и леса остались без присмотра. Ты понимаешь?

Да, конечно, Цоги понял, чего хотел от него инженер Бакурадзе.

— Я назначу тебе хорошее жалованье. И даже за полгода выдам вперед. Кроме того, объездчику положены казенные сапоги и бурка. Не прогадаешь, парень.

— Значит, против своих пойти? Ловить порубщиков?

— Да, ловить порубщиков. Чтобы знали, что чужое нельзя трогать.

— Нет, ищите себе другого, — сказал Цоги. Он хлопнул жеребца по крупу и прикрыл за ним дверь конюшни. — А за то, что на чатару коня одолжили — большое спасибо. Я ваш должник.

— Постой, парень, не торопись. Ты еще подумай над моими словами. С матушкой своей посоветуйся.

— Я уже советовался с кем нужно.

— Я понимаю... ты говоришь о своей совести. А воровать чужое добро разве не бессовестно?

— Прощайте.

— Что ж, не смею удерживать. Но знай, если задумаешь... жеребец в этой конюшне будет стоять. В любое время приходи и забирай.

— А вы не бонтесь, что я убью вас, господин инженер?

— Нет, не боюсь.

— На грех вы меня толкаете.

— Все мы грешные, парень, — рассмеялся инженер. — Не согресишь, в рай не пустят. Слышал такое?

— Слышал, не слышал, но Цоги Цискарашвили в этом деле вам не слуга, — сказал Цоги и, поклонившись инженеру, удалился быстрым шагом. И по тому, как быстро, не оглядываясь, он уходил, и по тому, каким нервным голосом, словно сжигаемый лихорадкой, он отказался от его предложения, Бакурадзе понял: парень далеко от него не уйдет.

Было уже далеко за полночь, но Бакурадзе еще не спал. Он сидел у очага и рассеянно просматривал новые заграничные журналы. Время от времени он поднимал голову, прислушиваясь к каждому звуку, доносившемуся со двора. Он уже устал от этого напряженного ожидания, но не хотел сдаваться. Неужели он просчитался, неужели он так плохо знает людей, что поставил не на ту карту?

Сведения, которые он успел собрать о Цоги Цискарашвили, как будто подтверждают, что сделан правильный выбор: беден, любит дочку зажиточного человека... Все свое достояние отдал за одного коня, а через несколько часов остался только с уздечкой в ру-

ках... Спутался с бандитом, сидел в тюрьме. Кажется человек с таким прошлым в совести копать не будет.

Бакурадзе посмотрел на часы. Скоро рассвет. Пожалуй, уже не стоит ждать. На сей раз вы проиграли, господин Бакурадзе. А жаль! Парень что надо. Бакурадзе поудобней устроился в кресле, прикрыл колени медвежьей шкурой и задремал. Через некоторое время он отчетливо услышал, как кто-то вошел в конюшню. Бакурадзе вскочил, подбежал к окну и распахнул его.

Не поднимая головы, Цоги вывел неоседланного жеребца из конюшни и набросил на него попону. На лице Бакурадзе появилась самодовольная улыбка. Игра сделана. Теперь ни одно драгоценное дерево в лесу не пропадет.

Цоги сел на коня и, прежде чем выехать со двора, повернулся к окну и сказал своему новому хозяину:

— А вы рано радуетесь, господин. Убить вас я всегда успею.

— Ружье и патроны положишь в конторе, — спокойно сказал Бакурадзе. — И — в лес! Слышишь?

Цоги не ответил. Он тронул коня и рысью выехал на улицу.

Верный совет дал старый солдат инженеру. Новый объездчик Цоги Цискарашвили оказался божьим наказанием для орбельских крестьян, особенно для резчиков мастерской Джапаридзе. К каким только хитростям они не прибегали, в какие лесные тущобы не заходили, чтобы срубить нужное для работы дерево — но всегда их настигал вездесущий Цоги. Он знал в этих лесах каждую тропинку и слух у него был, как у молодой совы: застучит где-нибудь топор, а он уже стоит над порубщиком.

Началась жестокая, не знающая пощады борьба между объездчиком и орбельцами.

...По узкой тропе пара быков с трудом тащила нагруженные хворостом дровни. До зимних снегопадов еще далеко, но на колесах здесь не проедешь. Пожилой орбелец, весело покрикивая, погонял идущих в гору быков.

На тропу верхом на подаренном жеребце выехал Цоги.

— Здравствуй, Гия, — сказал он крестьянину.

ЭТН. АРХИВ

— Здравствуй. Цоги, — приветливо ответил тот, хотя по всему было видно, что не по душе ему встреча.

— Что ты везешь? — спросил Цоги.

— Сам видишь — хворост, — и вовсе растерялся Гия.

— Хворост? — переспросил Цоги. — А что это твои быки так запарились? Больно тяжел твой хворост, братец.

— Хворост как хворост, — пробормотал крестьянин.

Не слезая с коня, Цоги дулом карабина разворошил хворост и зло засмеялся.

— А ну, разгружай дровни!

— Помилуй, Цоги... сына женил, тахту для молодых хочу сделать.

— Разгружай, говорю.

— Заплачу, сколько хочешь, — сказал крестьянин, доставая из кармана кошелек.

— Меня уже купили. Дважды не продаюсь.

— Дешево ты продал свою душу, парень.

— Помолчи, Гия! По-хорошему прошу, оставь чужое добро и иди своей дорогой.

Крестьянин сердито раскидал хворост и обнажил саженный ствол с обрубленными сучьями.

Цоги спрыгнул с коня и помог крестьянину сбросить бревно.

— А хворост возьми, разрешено.

— Подавись ты своим хворостом!

Так бывает в жизни — оступился Цоги, но худо стало его близким. Соседки перестали здороваться с матерью, и к Бердиа изменилось отношение со стороны товарищей: его любимый брат стал им поперек дороги. Но больше всего страдала Шуко. Отец запретил ей даже думать о Цоги. Она все же встретила тайком с любимым и попыталась уговорить его бросить позорную службу у подрядчика.

— Ты думаешь, мне легко? — признался Цоги. — Мне стыдно смотреть в глаза людям. Но я ради тебя пошел на эту пытку, чтобы у нас был свой дом, чтобы твой отец не называл меня нищим батраком.

— А кто переступит порог такого дома? — печально возразила Шуко. — Люди отвернутся от нас.

— И пусть! — он выкрикнул эти слова с такой ненавистью, что девушка невольно отшатнулась от него.

— Мне никого не нужно, кроме тебя, Шуко.

Шуко заплакала.

— Если хочешь, я оставлю отца. Убежим отсюда, — сказала она. И это были не просто слова — она и в самом деле решила оставить одинокого отца и пойти за Цоги куда глаза глядят, лишь бы спасти любимого человека от презрения односельчан, а может быть, и от худшего. Ведь кто-то же стрелял в прежнего объездчика?

— Нет, Шуко, куда мы, нищие, денемся. Потерпи немного, я своего добьюсь. В конце концов люди поймут, что если уйду я, то придет другой объездчик. Леса все равно проданы, без охраны их не оставят.

— Послушай, Цоги, сердце мое обливается кровью, когда вся деревня называет тебя отступником. Умоляю тебя, отдай коня инженеру, сними эту позорную кокарду и вернись к своему народу. Мать свою пожалей, люди говорят, что она волка выкормила своей грудью.

Цоги вздрогнул. Он знал, что Шуко говорит правду, но он уже не хотел смотреть этой правде в глаза.

— Молчи, Шуко, молчи... Я жить хочу. Надоело мне гоняться за куском хлеба. Видишь, — он показал рукой на ущелье: там, далеко внизу, словно в муравейнике, копошились люди, укрепляя берег реки, по которому пройдет новая дорога. — С утра до ночи животы надрывают, а что им платят? Двугривенный... Довольно на мне поездили! Сейчас я на коне.

Он обнял плачущую девушку.

— Перестань слезы лить. Доверься мне.

Шуко попыталась увернуться от его объятий и поцелуев, но куда уйдешь от него?

Молодой резчик Бердиа тяжело переживал измену старшего брата. Вместе с Майей он продолжал поиски красного негноя для гробницы святой мученицы Кетеван. Они нашли долгожданное дерево в далекой чаще, за перевалом. Тома не мог нарадоваться удачной находке своего ученика. Поговорив с односельчанами, резчик решил срубить и вывезти дерево из леса в одну из ближайших ночей.

Майе и Бердиа велели стоять на тропе, чтобы они могли вовремя предупредить порубщиков, если явится Цоги.

Была теплая беззвездная ночь. Цоги Цискарашвили уже закончил объезд далеких участков и возвращался домой. Выхав на тропу, он услышал приглушенный стук. Дятел? Конские копыта? Нет, топор. В этом он никогда не ошибется.

Объездчик повернул жеребца. И тотчас кто-то преградил ему дорогу.

— Кто тут? — спросил Цоги и потянулся к карабину.

Послышалось какое-то невнятное мычание. Цоги сразу узнал брата.

— Ты не путайся у меня под ногами, мальчик! — раздраженно крикнул он. — Отойди!

— Не кричи на него, Цоги, — сказала Майя. Он почувствовал, как она умоляюще положила на его колено руку. — Ты не поедешь дальше, прошу тебя.

— Я сам знаю, куда мне ехать. Отойдите!

— Не нужно, Цоги. Там отец с ребятами. Дай ему срубить это дерево. Он большое дело задумал.

— Уйди, Майя, это не женское дело, — сказал Цоги и пришпорил жеребца. Но жеребец не тронулся с места. И тут только Цоги понял, что это брат крепко держит коня под уздцы.

— Пусти!

Опять что-то невнятное промычал Бердиа, но поводья не отпустил. В темноте Цоги не видел, как с губ негомого брата срывались беззвучные слова, полные трепетной мольбы.

О чем молил Бердиа любимого брата? Все о том же: чтобы вернул коня подрядчику и вернулся к честной жизни.

— Отпусти поводья! Некогда мне тут с вами разговаривать. — Цоги огрел коня нагайкой, и тот рванулся вперед. Бердиа не успел отскочить в сторону. — конь толкнул его в грудь, и, не удержавшись на ногах, юноша свалился в пропасть.

— Бердиа! — закричал Цоги. Он соскочил с коня и кинулся к обрыву. Единственное, что он услышал — далекое позвякивание бубенца. Должно быть, бубенец

выпал из кармана немго и теперь катился по каменному склону следом за ним.

Катился и звенел.

И Сабедо проснулась. Она услышала звон бубенца. Немного удивилась — почему в такой поздний час зовет ее Бердиа.

— Сейчас, сынок, — проговорила она. Торопливо накинув на себя полушалок, Сабедо выбежала на крыльцо. Во дворе никого не было.

— Бердиа! — позвала она.

Никто не ответил.

— Бердиа! — в великой тревоге закричала женщина. И вдруг сотни, тысячи бубенцов зазвенели вокруг. Сабедо заметалась в этом вихре звуков и, словно полушалок, мягко, бесшумно упала на землю посреди двора.

А когда над Орбели забрезжил туманный рассвет, какой-то седой человек появился во дворе инженера. С виду он был похож на обычного просителя, из тех, которые приходили к Бакурадзе в самые неурочные часы, и сторож беспрепятственно пропустил его в башенную комнату. Но когда человек в два прыжка взлетел вверх по узкой каменной лестнице и ногой вышиб тяжелую дубовую дверь, сторож кинулся за ним.

Он не сразу узнал в пришельце молодого объездчика Цоги Цискарашвили — убитого горем, поседевшего за одну ночь. Но когда понял, что это он, было уже поздно. В завязавшейся схватке Цоги тяжело ранил его кинжалом, и только подоспевшие люди помешали ему ворваться в комнату Бакурадзе.

Цоги связали, перекинули поперек неоседланной лошади и, не дожидаясь, пока туман сойдет с горной тропы, повезли в Телави.

...Потрясая обвешенной колокольчиками белой хоругвью, навстречу застывшим в молчаливой скорби орбеляцам вышел из молельни деканоз.

— Дорога принесла нам несчастье, — тихим дрожащим голосом сказал он. — Она посеяла между нами раздор и вражду. И вот — брат пролил кровь брата. Не будет теперь на этой земле нам жизни. Уйдем от

сюда. Уйдем туда, где нас никогда не найдет дорога идущая из долины.

— Уйдем! Уйдем! Будь проклята дорога! — закричали орбельцы.

Через несколько дней, похоронив Бердиа, они стали навьючивать ослов и коней домашним скарбом, собираясь уйти еще выше в горы, в бездорожье, но не успели. Губернское начальство уже предрешило судьбу горцев. Чтобы спокойно, без шума и крови вывозить драгоценную древесину, жителей Орбели и всех окрестных деревень, от мала до велика, переселили в далекие, безводные Самухские степи.

На погибель, на вымирание переселили — трудно, а то и просто невозможно горцу дышать этим жарким, как белый огонь, воздухом. Вздох — и все внутри объято пламенем... И многие сгорали в этом пламени, и многие гибли от непривычного, убийственного для горцев здешнего климата, от изнурительного и пока бесплодного труда на здешней земле, которая из года в год ничего не родила — хоть слезой ее орошай, хоть потом, хоть кровью, — и не обещала родить, обрекая людей на голод. И еще гибли они от мучительной, терзающей разум и сердце тоски по родному заоблачному краю.

* * *

Вот и окончена печальная повесть о горной деревушке Орбели. Но рано на этом ставить точку. Пришло другое время. Мой спутник Захарий Надибаидзе считает, что она только начинается — добрая повесть о новой жизни орбельцев.

— Вы только посмотрите, с кем постаревший Цоги Цискарашвили вышел строить ту самую дорогу, от которой когда-то горцы хотели бежать. Это же его односельчане, это и дети и внуки переселенцев! Они построят эту дорогу, потому что никогда, никогда она не приведет к ним в горы врага и грабителя! Горец вернулся в горы...

1980.

Перевод Эм. ФЕЙГИНА

Известный грузинский писатель Демна Шенгелая скончался в конце прошлого года. Один из зачинателей грузинской советской литературы, он на протяжении шестидесяти лет был ее беззаветным рыцарем. Сегодня, в юбилейные для Советской Грузии дни, появление на страницах «Литературной Грузии» в новом переводе написанного еще в 1925 году рассказа «Февраль» напоминает нам не только о рождении нового общественного строя, но и о рождении новой грузинской советской литературы. Не сомневаемся, что наши читатели воспримут этот рассказ как символ жизненности и действительности творчества замечательного грузинского писателя.

Демна ШЕНГЕЛАЯ

ФЕВРАЛЬ — Рассказ

В морозную февральскую ночь гарнизон меньшевистской гвардии покидал Мцхета. Изредка откуда-то доносился глухой грохот пушек, но никто не понимал, кому нужна сейчас эта пальба — ведь уже нет ни армии, ни войны.

Оживился, пришел в движение некогда тихий и безмятежный дачный поселок, через который бежит меньшевистское правительство, отступают войска, один за другим следуют эшелоны.

Воинский порядок вконец нарушен, все отдано во власть божью. Брошены на произвол судьбы остывшие паровозы, разгромленные вагоны, фургоны, орудия. Кругом гвалт, крики, анархия, все смешалось и не понять, кому что нужно. Казалось, даже это серое, мрачное небо, покореженное, словно усохшая drankа, в недоумении косится на поселок.

А земля под ногами усеяна яблоками. Это дезертиры разграбили склад, и теперь все то и дело спотыкались о яблоки — турашаули, кальвиль, ранет, шафран...

Повсюду пылали костры, потрескивали в огне ящики из-под патронов. Какой-то гвардеец сунул в костер свою винтовку и с тупой, бессмысленной улыбкой смотрел, как горел приклад и как постепенно докрасна раскалялся ствол.

Вдруг где-то в отдалении раздался клич военной трубы, но никто не обратил на него внимания, и труба, прохрипев еще раз, умолкла.

На платформах навалены ящики со сморщенными овощами, разворошенные тюки, пулеметы, пушки, автомобильные покрышки... Откуда же взялась здесь шибак, трубка, что подкладывают младенцу в колыбели, дабы тот не замочил пеленок? Гвардеец, копошившийся на платформе, наступил на трубку, наклонился, поднял, удивленно вскинул брови и вдруг ударился в рев, как ребенок, у которого внезапнохватило живот.

— Эй, ты там, чем дурака валять, сбросил бы ящик, не видишь, огонь вот-вот потухнет! — крикнул ему детина с выпяченной губой, сидевший, съежившись, у костра.

Гвардеец тотчас умолк, наклонился, содрал крышку с ближайшего ящика, высыпал из него патроны, сбросил ящик и следом спрыгнул сам.

Вдалеке снова послышалась пулеметная чечетка.

За станцией, в снегу, лежала брошенная на произвол судьбы роженица и истошно кричала. Какая-то сердобольная старуха хлопотала возле нее. Женщина кричала не переставая, но никому не было до нее дела. Поодаль, словно черный лакированный сапог, торпорщился металлический остов швейной машинки, на нем золотыми буквами было выведено «Зингер и К^о». Возле машинки сидел белый сеттер и, задрав коленкорый нос, выл на линияное небо.

— Вконец извел, окаянный! — процедил сквозь зубы лежавший у огня губастый гвардеец, встал, не переставая материться, взял винтовку и выстрелил. Собака, взвизгнув, подскочила и, словно куль с ячменем, тяжело грохнулась в грязь и — более не шевелилась. Роженица тотчас умолкла, вероятно, разрешившись от страха. Солдат поправил потник и снова лег.

Сидевший рядом с губастым пожилой солдат с узкими добрыми глазами брезгливо взглянул на уюй-цу.

— Можно погреться? — услышали они вдруг голос возникшей перед ними девчухи лет пятнадцати.

Пожилый солдат оглядел ее, в добрых его глазах вдруг засветилась печаль. Девочка стояла перед ними, переминаясь с ноги на ногу, чтоб согреть стынущие на морозе ноги в рваных башмаках.

— Я потеряла маму... и вот... — произнесла она несмело, и голос ее, еще ломкий, задрожал, к глазам подступили слезы. Она хотела добавить что-то, но, вероятно, испугавшись того, что заплачет, предпочла молчать.

— Катись отсюда, сопливая! Иди, пусть тебя офицеры согреют! Нам не до этого, да и кто нам позволит! — отрезал гвардеец с выпяченной губой и махнул рукой в сторону гогочущих офицеров, которые, не переставая жевать яблоки, резво заигрывали с какой-то проституткой. У каждого в руке была зажата бутылка коньяка, полученная ими от «комитета помощи фронту».

— Замолчи ты, боров, чего пристал к девчонке, не хватит ей своего горя! Бедняжка совсем продрогла, — разозлился пожилой солдат и, повернувшись к девочке, ласково добавил: — Иди, доченька, согрейся!.. Подходи, подходи, не бойся! — Он подвинулся, уступив место рядом на потнике. — У меня такая же, как ты, дочь, Кесанэ зовут... Ждет не дождется меня... Слышала про такое село — Аскана? В Гурии оно, доченька, в Гурии... Там сейчас небось горы зазеленели...

Девочка так покорно, так доверчиво примостилась рядышком, что у всех, кто сидел у огня, невольно сжались сердца.

Стало тихо. Девочка отогрелась, широко открытые черные глаза ее заблестели, и она вдруг зашептала старику, тихо, чтоб другие не слышали:

— Как мне быть, дяденька? Мама уехала с тем поездом, которым увезли арестованных большевиков... И папу увезли... Его тоже арестовали и увезли... Что творилось! Я так и не смогла пролезть в вагон.

— Ничего, доченька, со мной ты не бойся, — уселся к ней старик, достал из кармана бутылку, налил немного коньяка в алюминиевую флягу и протянул девочке:

— На, выпей, здорово согревает...

Девочка отпила, но коньяк так обжег ей рот, что из глаз у нее брызнули слезы.

— Ой, не могу!.. — Она вернула флягу солдату, тот, пожалев выливать живительную влагу, допил ее, потом снова засунул руку в карман и на сей раз вытащил три черствых печенья и протянул их девочке.

— Ты ешь, доченька, ешь, не стесняйся! А как зовут-то тебя?

— Тина... — тихо произнесла девочка.

— Тина... — повторил старый солдат, потом добавил: — Ты ешь, Тинико, ешь, доченька, проголодалась ведь...

Девочка сначала робко надкусила печенье, потом, осмелев, так жадно, по-детски торопливо стала грызть печенье и яблоко, что солдаты заулыбались.

— Не пойму, — проговорил про себя старый солдат, — что нужно этим большевикам, что так наседают...

Тина взглянула на него с недоверием и опаской, потом перевела взгляд на других солдат. У всех были честные, добрые глаза. У девочки отлегло от сердца, и она вдруг по-детски торопливо зачастила:

— Папа мой, например, хочет, чтоб все жили хорошо... Однажды он сказал мне: я готов погибнуть за общее дело, и ты ничего не бойся... Я и не боюсь... Разве что чуточку... А вы будете стрелять в папу?.. Не стреляйте, ради бога, не стреляйте, он всем вам хочет добра!

— Э-э, затархтела... Знаем, знаем, что ты за птица... — вскочил вдруг губастый и вскинул винтовку.

Девочка пристально посмотрела на него, глаза ее в эту минуту были полны недетского гнева и решимости.

— Да уймись ты, нашелся, тоже мне, герой!.. — обрезал губастого старый солдат, потом спокойно сказал девочке: — Ты рассказывай, доченька, рассказывай, не бойся...

Девочка повернулась к губастому спиной.

— Мой папа — друг Ленина, — продолжит она доверительно. — А Ленин... Ленин — друг бедняков. Вы не видели Ленина? А я видела его на фотокарточке... Он смеется...

Девочка увлеклась и не замечала, что все внимательно слушают ее. Сидевшие в отдалении стали придвигаться, и вскоре солдаты сидели вокруг нее плотным кольцом. Девочка рассказывала и рассказывала, а солдаты смотрели на нее так, словно в ней была искра надежды. Солдат, сидевший в одиночестве и, казалось, не слушавший ее, тоже придвинулся поближе, достал вдруг из кармана яблоко и протянул ей. Девочка благодарно улыбнулась ему и робко взяла яблоко. Она все еще говорила, то и дело откусывая яблоко, говорила, но бессонные ночи взяли свое. Да еще те несколько капелек коньяка, что она выпила, приятным теплом разлились по телу... Девочка умолкла, пристроилась у колен старого солдата и, точно котенок не выпуская из рук надкусанного острыми зубками яблока, неожиданно уснула. Солдаты замерли. Один из них потянулся, дрожащей рукой бережно поднял ее косичку, подержал, словно взвешивая, потом осторожно опустил и прошептал:

— Смотрите-ка, какая у нас Тинико!

Он вздрогнул, услышав собственный голос, огляделся и, заметив, что все смотрят на него, застеснялся и, сам не зная почему, рассердился вдруг на себя за этот сентиментальный порыв и сердито сплюнул в сторону.

Все понимающе улыбнулись.

Догорали, потрескивая, последние доски, в отдалении по-прежнему валялся убитый губастым сеттер и по-прежнему громко гоготало на весь перрон вдребезги пьяное офицерье.

Сегодня в гостях у «Литературной Грузии» поэты Северо-Осетинской АССР и Юго-Осетинской АО. Разумеется, подборка стихов, предлагаемая читателям, не претендует на полное отражение картины современной осетинской литературы, она лишь в какой-то степени дает представление о состоянии осетинской поэзии наших дней.

Нугзар БАКАЕВ

ЛАСТОЧКА

Рукоплесканье горных вод плыло
Над лесом соловьиного моленья.
Стихотворение —
Твое крыло,
А песня —
Белой шейки оперенье.

О черноокая, лети сюда скорей,
В деревню, под навес, тобой любимый,
И в радости своей
Летай и рей —
Зовет и ждет тебя порог родимый.

Поверь, приволье нашего двора
Грустит давно по твоему полету,
Слагая песни,
Всходят вечера,
Пропой и ты пронзительную ноту.

Ты улетила маленьким птенцом —
В семье моей раздался голос сына.
Лети скорей,
Пусть озарится дом
Цветеньем лета,
Радостью единой.

Не забывай родного очага,
Здесь свет луны —

Светильником над нами.
В родных горах,
На гранях ледника,
Играет солнце чистыми лучами.

Смотри, ребенок руку протянул —
Из колыбели он к тебе стремится.
И над рекой стоит веселый гул
И тренькает твой старый друг —
Синица.

И водопад здесь плещется светло,
И соловей — лесного чуда вестник;
И словно стих
Мелькнет твое крыло
И оперенье белой шейки —
Песня.

Перевод Натальи ДАРДЫКИНОЙ

●

Георгий БЕСТАУТИ

КОСТА

С утеса на утес, с горы на гору
Восходит великан, поющий жгуче.
Его напев, как солнце, ткет узоры
Во тьме. Его напев горит над тучей.

Под эти звуки расцветают розы,
С фиалковых хребтов заря смеется,
Под эти звуки цепенеет воздух
И чернобровка-тучка легче вьется.

Все горы, горы... Гром грохочет дикий,
Края небес косым дождем закрыты,
И молния рвет облачную тину,
Титана космы бури рвут сердито.

И холодно хрусталь смеется горный,
И туч стада — в пространствах сумасшедших.

Луч солнца — стрелка. Время — вечность. Гордо
Идут часы небес. Нет ярче шестивий!

С утеса на утес, с горы на гору
Восходит великан, поющий жгуче.
Его напев, как солнце, тклет узоры
Во тьме. Его напев горит над тучей.

Перевод Юрия МУЗАЛЬКОВА

ГАФЕЗ

ГДЕ ЧЕЛОВЕК, ТАМ И МИР

Костер притих, Подбрось в него поленья!
Сквозь лес дорога ждет нас завтра, впрямь.
Гори, костер! Пусть филина моленье
Не прозвучит, пусть не придет медведь.

Пусть свет костра заблещет в речке горной,
Согреет скулы темная скала,
Сосна взмахнет своею гривой черной
И песнь расправит сильные крыла.

Костер горит над полночью слепую.
В какую глушь ни ступит человек,
Он мир несет, как факел над собою,
И озаряет путь свой, землю, век.

* * *

Свистит коса,
Звенит коса,
Мотай себе на ус:
С косою жизнь моя — краса
И сладок хлеб на вкус.

Коса из вековечной тьмы
Пришла к нам,
Людам гор.
И сигареты курим мы,
И слышен нам мотор, —

Машины косят
В наши дни,
Коса от нас ушла.
Стрекочут тракторы одни
У каждого села.

Видать,
Что больше не нужна
Коса с недавних пор.
Но горцу говорит она,
Как песня наших гор.

Трава с прозрачною росой —
Отрада из отрад.
Траве, что скошена косой,
Как прежде,
Горец рад.

* * *

Ты — ветер, ты под небосводом
Летаешь близко-далеко,
Тебе легко и пешим ходом
И на машине так легко.

Задумал и — без промедленья
Ты превращаешься в орла.
Задумал и — в одно мгновенье
Расправил сильные крыла.

Обнимешь ледники и горы,
Лесов коснешься и вершин.
Тебе подвластны все просторы,
Ты невидимка, ты один.

Нежданно из-за поворота
Появишься, взрывая тишь.
Летишь в Аланские ворота,
Охотно к Тереку летишь.

Ты гладишь гриву водопадов
И волны зреющих полей,
Твоим повадкам сердце радо, —
Еще подуй, еще повеи!

Летаешь по родному краю,
Но и меня не упрекай:
И я над всей страной летаю —
Из края в край,
Из края в край.

Перевод Льва ОЗЕРОВА.

БУДУЩЕЕ

Что будущим мы именуем?
Дно морское? —
Его ни глаз не сыщет, ни рука...
Или оно — то марево седое,
тот водопад, что заслонил века?
А может быть, оно — то совершенство,
что не дано достичь нам?
Та весна —
та женщина, что боль, а не блаженство
приносит нам, судьбой отдалена?
А может быть, оно — мечта о жизни?
Раздумья человека о судьбе —
на празднике рождения, на тризне?..
И все ж —
другой ответ я дам себе.
Дню завтрашнему —
рук и душ усилья.
Тебя, дитя, мы носим на руках.
Мы даже будущее сочинили,
за жизнь твою испытывая страх.

Перевод Натальи ГЕНИНОЙ

Шамиль ДЖИКАЕВ

* * *

Я как старик, что на исходе лет
Глядит в тоске на сына-шелопута.
Печаль о слове, ты мне боль и свет
И утешенье в горькую минуту.

Я как мужик, клянуший свой же труд
И говорящий с неподдельной мукой:
«Я солнечную рожь посеял тут,
А вырос вместо ржи ехидный куколь»...

Печаль о слове — свой несносный рок —
На жизнь я налагаю, как вериги...
Чтобы из глины выжать сладкий сок,
Ногами землю месят уаиги¹...

* * *

Где так зеркальны сланцевые скалы,
Где свет заката тронул шелком алым
Танцующую пену речки горной,
Где гнутся отчужденно и узорно
Изящные мечтательные ивы,
Где по песку цепочкой сиротливых
Сердец твои следы бегут в безвестность,
Где нашу серну мы искали вместе —
Там голуби летят с забытой башни,
Роняя перья на луга и пашни,
И этот след зовет мою бессонность
К оленьей шкуре мха, под руки сосен.
Там крики диких голубей встречают
Вас, милые мои, мои печали!

Перевод Юрия МУЗАЛЬКОВА

Нафи ДЖУСОЙТЫ

НА РУССКОМ КЛАДБИЩЕ

Видно, мертвым не нужны границы,
Все свершилось — нечего желать.
Глухо плачет женщина, и мнится:
Это плачет осетинка-мать.

¹ Уаиги — сказочные великаны.

Сколько кладбищ-ран землей хранимо!
Жизнь и смерть идут рука к руке.
Каждой матери любовь неповторима,
Плачут матери на общем языке.

ПЕСНЯ ГОРЦА

Путник я. Мой путь не гладкий —
Добираюсь до вершин.
Не ищу я жизни сладкой,
Доброй славы для души.

Но добром мой путь означен,
Свет вершин с собой беру.
По умершим горько плачу,
А пою я на пиру.

Увлекает восхожденье,
Для себя навек избрал
Белой выси наслажденье,
Радость граней черных скал.

По горам мои дороги,
Где снега всегда чисты.
Если мне изменят ноги —
Доползу до высоты.

Словно тур, я в поднебесье
Выбрал горные гряды:
Наверху — простор для песни,
У подножья — для еды.

Путник я. Мне тут просторно.
Коль погибну на ходу,
Все равно к вершинам горным
Я глазами припаду.

* * *

Были дни — мечта под вечер жгла,
Нам, влюбленным, все слагало гимны.
Мы не знали — жизнь бывает зла,
Нам добро казалось неизбывным.

Были дни — о вечере мечтал,
Вечера о счастье говорили.
Головой к тебе я прикичал —
Звездами глаза твои всходили.

Были дни — мечта под вечер жгла,
Ковш луны ходил в молочной пене.
Мы летали, чувствуя крыла —
Слышат так свое сердцебиенье.

Вечера любви закат унес,
Молчаливый, ухожу под крышу,
Голову на лапы, словно пес,
Я кладу и голос сердца слышу.

Скрылись за горами вечера.
Небо меркнет — чей-то плач оттуда.
Вижу: жизнь была не так добра,
Вспоминаю доброе, как чудо.

Все ушло, и вечера ушли,
Но томится сердце, как и прежде,
Вечная доверчивость души
Вновь глядит на небеса с надеждой.

Все, душа, ты проиграла бой,
Ночь земли с тобой, а звезд не видно.
Мир не в дружбе с вечной добротой —
На земле лишь горе неизбывно.

Перевод Натальи ДАРДЫКИНОЙ

Георгий ДЗУГАЕВ

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

БАЛЛАДА

Горит огонь над вечною плитой
Во славу невернувшихся из боя.
Здесь жизнью не насытился никто.
Большую радость не забрал с собою.

Смеркается. Огня священен лик,
Светло как днем и сумраку нет места.
Сюда свое волнение принесли
Жених темноволосый и невеста.
Припали на колени у огня
И молятся ему, как будто богу.
И просят, чтоб с сегодняшнего дня
Всю жизнь семье он озарял дорогу.
Чтоб клятву их любовную хранил
И сделал их союз, как сам он, — вечным.
Чтоб радовались дню всегда они,
Пусть даже и наступит жизни вечер.
И, словно мамы добрая ладонь,
Их согревает в этот миг огонь.
Но вдруг сквозь пламя из глубин земли
Раздался голос, и другой, и третий:
«Спасибо, что в свой праздник к нам пришли,
Пусть солнце в небе вашем вечно светит.
Пусть будет в доме шумно от детей,
А путь — безбедным и счастливым самым.
Пусть сердце для Осетии родной,
Горит свечой, всю жизнь не угасая».
Пылает пламя. Словно в волнах, в нем
Плывут герои, светятся огнем.
А девушка приветствует зарю,
Героям шепчет, возлагая астры:
«Я вам, друзья, как братьям, говорю:
На свадьбу нашу приходите завтра.
Наполним пеньем, плясками свой дом,
Почетные бокалы вам нальем».
И слышится из пламени в ответ:
«Сегодня в мире нас счастливей нет.
Ковром зеленым весь покрылся край,
Пройти б с косой по молодому лугу.
Запеть бы полной грудью далалай,
Чтобы трава ложилась полукругом.
Пускай рубаху ветром разовьет,
А на лице чтоб — капельками пот.
Когда бы нам гулять на свадьбе той,
Мы подняли бы руки, будто крылья,
И закружились на носках юлой,
Полнеба мы плечами бы закрыли.

Увидели б своих красавиц мы,
И сердце б млело, словно масло, тая.
И, лихо наши шапки заломив,
Плясали б симд, наш благородный танец.
Как мы ни просим, сколько ни хотим,
Уже не возвратиться нам к живым.
Не петь нам вместе с вами, не плясать
И легконого не идти по тропам.
Мы сгнули в болотах и лесах,
Собою заслонили всю Европу.
Уже поднялась медная луна,
Домой вам возвратиться не мешало б.
Зачем так немо смотрите на нас?
Не стонем мы, не расточаем жалоб.
Мы не жалеем, что ушли с войной,
И если бы судьба дала сто жизней,
Мы в нужный час их разом до одной
Все положили б на алтарь Отчизны».
Умолкли голоса солдат войны,
Исчезло их короткое виденье.
Вот так порою говорят они,
Встречая молодое поколение.

Перевод Геннадия ФАТЕЕВА

Георгий КАЙТУКОВ

ГОРА И ТЕРЕК

Смогу ли любопытство одолеть я?
Стоит гора над Тереком, стара.
Глядит в упор. За многие столетья
Налюбовалась Тереком гора?

БИТВА ОБЛАКОВ

Идут бои на небосклоне,
Строй облаков в районе гор.
Одни — в железной обороне,
Другие — атакуют бор!

Одни на подступах к Ростову,
Другие — *Курская дуга.
По знаку первому, по зову
Вот-вот рванутся на врага.

Строй облаков. Отряд к отряду,
Бой разгорается сильнее.
А на земле такая радость —
Весенний ливень бьет по ней.

* * *

Сколько замков на равнине
Понаставила зима.
Убеленная до сини,
Удивляется сама.

Плотные платки тумана
Кинула на склоны гор.
Строит быстро, строит рьяно.
Страсть! Уверенность! Напор!

Ухмыляется прохожий,
Стал он так розовощек,
Будто тер его по коже
Налетевший холодок.

Но прошли для стужи сроки, —
Пробудилась ото сна
И ледовые постройки
Разом рушила весна.

— Посмотрю-ка я, — сказала, —
На владения свои. —
И природу расковала,
И толкнула с гор ручьи,

И стряхнула с веток иней,
Растопила лед в воде,
И зеленое на синем
Обозначила везде.

Я люблю весны заботы,
Весь ее победный путь.

Я люблю ее работы
Очистительную суть.

КОСТА И ПУШКИН

Коста и Пушкин, здравствовать вам долго!
Без вас он был бы пуст, мой отчий дом...
Аул мне показался книжной полкой, —
Над саклей сакля,
Как над томом том.

Два гения, вы поднялись над веком,
Неся ему души своей дары.
Я одного из вас
Сравню с Казбеком,
Другому имя дам
Эльбрус-горы.

Перевод Льва ОЗЕРОВА

Ахсар КОДЗАТИ

ПОДНИМАЯСЬ НА ПЕРЕВАЛ

Лукавая петляет нить дороги.
А горы сверху вниз глядят, как боги.
Устали ноги. Мне идти вперед
Над пропастью? Отчаянье берет.
Как мне взойти на перевал? Попытка —
Не пытка. Я давно от чувств переизбытка —
Иду вперед, начало позабыв.
Как сладок был мне первый мой порыв!

Внизу Туаце. Родина! В деревне —
Мой дом — хадзар. Там в колыбели древней
Кольшутся мечтанья детских лет.
Одни еще со мной, других уж нет.
Ослеп хадзар мой — стар — прошли все сроки.
Давно сопрела крыша из осоки.

Огромен мир и как не знать о том!
Глазами сердца вижу отчий дом.

Моя весна, прощай! В душе тревога.
«Пойди и не вернись» — моя дорога,
Дорога сказок. Я на перевал
Принес с собой все, что умел и знал.
О, середина дней! На перевале
Коня попрिдержу. Мне ближе стали
Вершины гор. Я в свете этих гор
Полней увидел весь земной простор.

Грядущее и прошлое — два ветра¹ —
Как туры встретились в потоках света.
Терпи и будь, что крепость на горе,
Или как крот сиди в своей норе.
Забыв про злобу, зависть, месть и смуту,
Клади на землю ношу на минуту
И вновь кати к вершинам камни дней,
Чтоб строить радость из таких камней.

ПРЕДСМЕРТНЫЙ МОНОЛОГ ВАН ГОГА

Хозяин, властелин, владетель благ,
чего еще вы от меня хотите?
Мой день окончен. В прах истерся путь.
Моя звезда испепелилась в небе,
а стебелек мой высох на корню.
Ледник тяжелый, грохоча, с горы
уносит день мой в узкое ущелье.
Здесь на земле был пилигримом я:
один, как перст. Бродяга. Без жилища.
Кров на вонючий омут променял.
С бродягами надолго подружился.
Я сердце, как бокал, по жизни нес,
всех встречных щедро потчевал добром я,
за что в меня бросали камни. Так
сдавил мне горло душный-душный город.
Железные, знать, у меня бока,
что схвачены стальными обручами.

¹ Замечено, что на перевале сталкиваются два противоположных ветра.

Такая притча есть: явился кот,
сел на подол черкески у пророка
и задремал. Будить? О, нет. Пророк
отрезал вмиг подол своей черкески.
О, человек... Я на него глядел
глазами прорицателя... И что же?
Руками подметал его пути,
за что прослыл безумцем. Да, безумцем.
Мое жилище — сумасшедший дом,
Детишки потешались над Ван Гогом.
(Тот, кто ни разу не был без ума,
видать, и при уме ни разу не был).
Властитель мира! Прямо мне скажи
перед моим уходом: на том свете
меня что ожидает? Ад? Но я
уже там побывал, да не припомню,
что видел — ад иль сумасшедший дом,
Рай? Полноте, властитель мира,
спасибо, я узнал восторг мечты.
Я был на высях творчества, — и сердце
сполна им насладилося.
Пусть теперь
загробный рай вкусят другие...

Перевод Льва ОЗЕРОВА

Исидор КОЗАЕВ

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ВТОРЫМ СЕДОКОМ

Мы на этой земле постоянно в пути,
Но не всем он дается легко:
Кто-то мчится верхом — он всегда впереди,
Кто-то с ношей плетется пешком.

Ты промчался, как ветер, и скрылся вдали.
Я шагаю один, налегке,
И не знаю, с кем буду сегодня делить
Скромный завтрак в дорожном мешке.

Я взбираюсь на кручи, встречая рассвет.
В горы, в горы, где искрится снег!
А внизу, под деревьями, в теплой траве,
Ждет меня и приют, и ночлег.

И всегда впереди незнакомая даль —
Я немало вершин одолел...
Чтобы сел я с тобой на коня?! Но тогда
Кто отыщет мой след на земле?

Ты скачи без оглядки, не жди меня, друг!
Целый мир обойду я пешком,
Ноги в кровь изотру,
На дороге умру,
Но не буду вторым седоком!

* * *

В горах немало счастья я встречал,
Хлебнул и горя на земле родной.
И годы камнем приросли к плечам,
И мгла зимы нависла надо мной.

Судьба не слишком берегла меня,
И труден был порою каждый шаг.
Но темной ночью искру из кремня
Я высекал, рассеивая мрак.

Смерть целится мне в грудь, с моих седин
Не сводит глаз. Но я не сдамся ей!
И жертвой смерти станет лишь один —
Последний из моих последних дней.

Перевод Галины ПАВЛОВСКОЙ

Васо МАЛИЕВ

НАЗЫМ

Памяти Назыма Хикмета

Сердце твое болело, нет слов,
Болело, как рана, от тяжких оков.
Я тоже болен болью твоей,
Огнем рассвета, пыланьем ветвей,

Росой на травах, криком дитяти,
 Стоном умершего на закате,
 Горем твоим (в нем тишь и гром),
 Нашей планеты злом и добром.
 Тебя спрошу я — ответь, Назым,
 Что делал ты, если часом ночным
 Вдруг просыпался, а бездна зияла
 Бедой, как горы после обвала,
 Опустошенный, с болью в груди?
 Поэт, ты мысль мою разбуди:
 Разве счастье художника в том,
 Чтоб в жизни бездонные глуби тайком
 Душою уйти?.. Скажи, не твое ли
 Надвое сердце давно раскололи
 Стамбульской саблей?.. Двадцатый век,
 Твое двуединство вобрал человек —
 Он стал небесным, он стал земным,
 Теперь отдохни от мучений, Назым,
 В объятьях Отчизны моей тебе спится.
 Отдохни, Назым, как слеза на реснице.

Перевод Льва ОЗЕРОВА

Коста МАРГИЕВ

ОДИНОЧЕСТВО

Среди небес — высокий дуб, листвою шелестящий.
 Еще не встретился орел, над кроной той летящий.

Пронизана земная плоть сосудами-корнями...
 Он почвы пламенем рожден, чтобы взойти над нами.

Стоит он так, неколебим. Прошло веков немало —
 то тьма сгушалась, то над ним голубизна играла.

Он гнут ветрами был, как прут, ореховый,
 ненастья ненасытный грай звучал по всей округе.
упругий, —

И треск могучего ствола был сумрачен и тяжек,
но был глоток небес глубок и жизни час —
протяжен.

Так время шло, сгибался ствол... Стареее все
еще в нем боль заключена, еще в нем нет покоя.

Но одиночества простор одолевает сердце —
оно не может больше жить в простом своем
усердстве.

И — на холме стоящий дуб себя тоскою мучит,
в далекий вглядываясь лес, зеленый и дремучий.

Промчится властный ураган иль ветерок
и радость и беда — одна для тех, кто вырос в
чаще.

Не страшно в будущем пропасть — среди дорог
И с долгой грустью дуб глядит с высот своих
небесных.

И старость кажется близка, и боль тоски —
Но одинокая душа по-прежнему свободна.

Перевод Натальи ГЕНИНОЙ

Борис МУРТАЗОВ

КЛЯНУСЬ ЗЕМЛЕЙ!

Слова бывают как свет,
Как огонек над золой.
Мне говорил мой дед:
«Клянусь землей!»

Поля из конца в конец
Скованы жесткой зимой.
Мне говорил отец:
«Клянусь землей!»

Незыблем закон земной
Под светом и подо мглой.
Мой сын, повтори за мной:
«Клянусь землей!»

О ВДОХНОВЕНИИ

Когда ты долго не являешься ко мне,
Бываю удручен, как при потере друга.
Хожу как бы по выжженной стерне,
Не вырвавшись из замкнутого круга.

Приди, дай выбраться за свой предел,
Встать помоги мне над самим собою.
А нет тебя, и весь я не у дел,
Как воин без ружья в разгаре боя.

* * *

Ныхас — то место, где сидел совет,
Совет мужчин аула в старину.
И тот на нем терял авторитет,
Кто дважды новость рассказал одну.

Поэт, не такова ль твоя судьба?
Неведомое ты поведай людям,
Не то прервется дней твоих тропа,
И мы тебя наверняка забудем.

В ДАРЬЯЛЬСКОМ УЩЕЛЬЕ

Весна над Военно-Грузинской дорогой.
И вот я опять озираю просторы:
С веселой отвагой, с пытливой тревогой
Народ отовсюду съезжается в горы,

С подножья Казбека глядит в поднебесье,
Как будто на дальний заманчивый берег.

Индийскою речью и чешскою песней
Сегодня увлекся стремительный Терек.

Берлинец берет «Осетинскую лиру»¹
И сердца Коста ощущает удары.
И Моцарт раздольно плывет по эфиру
По радио с башен царицы Тамары.

Автобус в пути догоняет «Победу».
А пропасти — рядом, как вечность бездонны.
Румын продолжает с индийцем беседу.
Их смех оглашает Кобинские склоны.

Шотландцы толкуют о том осетине,
Кем сыгран Отелло, и рады удаче,
По просьбе поляков, что нас посетили,
Мы начали песню душевную «Тауче».

Мы счастьем дышали, как путник у цели,
И речь нашу русскую даль повторяла...
Как было нам тесно в Дарьяльском ущелье!
Весь мир поместился в ущелье Дарьяла!

* * *

Улыбчиво, как бабушка на внуков,
Взглянуло солнце на вершины гор.
После дождя за лесом, полным звуков,
Односельчан моих раздался хор.

С отцом мы пашем землю. Он впервые
Вести мне самому позволил плуг.
Как подымались борозды живые!
Как все по нраву было мне вокруг!

Босые ноги по земле ступали,
Душа вкушала волю и простор,
Богаче в жизни был ли я? Едва ли.
Горжусь богатством этим до сих пор.

Перевод Льва ОЗЕРОВА.

¹ Книга Коста Хетагурова.

ПЯТЫЙ КИНЖАЛ

Много лет прошло со дня победы,
Но со мной виденья той поры:
Годы горечи, походы, беды.
Вижу опустелые дворы.
Сын уходит в бой. За молодчину
Вастырджи¹ упрасивает мать
Сохранить ей жизнь родного сына.
Он черкеску снял. Шинель под стать
Молодому, если молодчина.
В дерево вонзил кинжал — как знать? —
Возвратится ли?

...Молчали горы.
Безучастно снег на них лежал:
Сакли нет такой, перед которой
Не торчал бы в дереве кинжал.

Сын погиб — нет горше горя в мире.
Матери как одолеть беду?
Во дворе пустынном все четыре —
В дереве кинжалы на виду:

У нее один остался — мальй,
Он носил с достоинством кинжал.
И она лишь одного боялась,
Чтобы он до срока не сбежал.

Стережет она меньшого участь,
И едва прорежется рассвет, —
К четверем, — следит она, измучась, —
Пятый не прибавился ли? Нет.

И в один из дней, когда над садом
Новый встал рассвет, зловеще ал,
Мать невидящим схватила взглядом:

¹ Покровитель путников у осетин.

С четырьмя оплаканными рядом
Новый — пятый — маленький — сверкал.

Перевод Льва ОЗЕРОВА

Камал ХОДОВ

ВСПОМИНАЯ ОТЦА

Когда впервые я увидел свет,
Ты был на фронте, был в окопах темных,
И утешал товарища тех лет,
В его беде и в болях неумных.

Когда бесценный треугольник твой
Читала мать, лежал я в колыбели,
Но кажется, что дым пороховой
Шел на меня из огневой метели.

Когда я на ноги впервые встал
(Мне не было тогда еще и года!) —
Как срубленное дерево, ты пал
На землю, чтоб была на ней свобода.

Когда закрыла смерть твои глаза,
Ты что-то вымолвил. Чего хотел ты?
Какое слово ты успел сказать?
Сказать какое слово не успел ты?

Перевод Льва ОЗЕРОВА

Александр ЦАРУКАЕВ

* * *

В глубину затона смотрит ива,
Холодна осенняя вода.
Над лесами тянется лениво
Облаков косматых череда.

Но порой сквозь облачные щели
Солнце властно кажет пятерню.
Как мы все согреться захотели! —
Потому и тянемся к огню.

...Вот и мы вошли с тобою в осень,
Но по молодости не грустим.
Взгляд твой так целебен, плодоносен,
Что все дни мои согреты им.

* * *

Как вскрикнула ёлоли — птица ночная,
Так песню запел — в первый раз — и скворец.
Лиса убежала — жилица лесная,
Лес бурку откинул свою, наконец.

Над балкою стелется дым, и в лощинах
Туман проплывает у самой земли.
От нежного шороха крыл голубиных
Еще не прокинулась серна вдали.

И ветры вершин не спустились в долины,
Бурьян над обрывом ушел в полутьму.
Из нитей жемчужных на листьях малины
Усталое солнце не ткёт бахрому.

Дремучий мой лес, я твой сон не нарушу,
Пусть дремлют и граб, и береза, и клен.
Дыханье твое, твой покой, твою душу
Я чувствую с давних начальных времен.

* * *

Родился — и небо увидел я издалека.
А не потому ли, как небо, душа широка?

°С высот я увидел скалу. Над скалою — орлы.
А не потому ли мой дух непокорней скалы?

В леса уходил я и думал о судьбах земли.
А не потому ли морщины на лоб мой легли?
Река серебристо текла — я видал с высоты.
А не потому ли мечтанья мои так чисты?

Взлетевшей стремительно птице я молвил: лети!
С тех пор и зовут меня властно дороги-пути.

Я с детства шагал с земляками по общей тропе.
С тех пор и причастен, Отчизна, к твоей я судьбе.

* * *

Небо до восхода солнца — чище нет на свете.
А душа ребенка — это вправду чистота.
Небо сажай, не измажешь — безотказно светит,
А к ребенку не пристанут ложь и клевета.

Я в свой жребий верю с детства, мінут дни
ненастья,
О своей судьбе я миру песнь пою, любя.
Песнь моя, ты голос сердца, ты источник счастья,
И ничто уже не сможет замутить тебя.

Перевод Льва ОЗЕРОВА

Михаил ЦИРИХОВ

ЗИМА ПРИБЛИЖАЕТСЯ...

Зима приближается... Вот за спиной
Я слышу рыданье метели.
Я взгляд ее вижу жестокий, стальной.
Страшит. Испугаюсь? Ужели!

Зеленой весной на дорогах страны
Сажал я деревья с друзьями.
Я чувствовал теплую тяжесть земли
И не уставал месяцами.

Зима. Побелела моя голова,
Но ствол еще крепок и ветви —
Глядите, какая трепещет листва,
Кипит в налетающем ветре.

Испытаны дни молодого огня,
Земные, небесные недра.
И если весна обходила меня, —
То осень моя была щедрой.

Зима приближается... Вот за спиной
Я слышу рыданье метели.
Но я отгоню ее дых ледяной,
Чтоб дни мои не оскудели.
Очаг мой горит и, как прежде, со мной
Пыланье рабочей недели.

Перевод Льва ОЗЕРОВА

РОДНИК

Скала закрыла роднику дорогу,
под землю загнала его, подмяла,
и все ж — не много в этом было проку:
он знал, что над землею солнце встало.

Зимой и летом путь на свет искал он,
словно на пашне буйвол, все трудился —
и расступились немощные скалы,
когда родник запел и заискрился.

Он напоил безгласные пространства
той песней, что сберег в тюрьме подземной.
Пусть выжжена, мертва дорога странствий —
родник живет, бесстрашный и нетленный!

Перевод Натальи ГЕНИНОЙ

Уасдже ЦХОВРЕБОВ

РОДИНА

Вершу свой путь и не болею славой,
Мне б оплатить свой долг перед страной!
Я скромный сын эпохи величавой,
Нести добро — вот мой удел земной.

О Родина, ты мать моя большая,
К тебе припасть, как мальчик, я готов,
Я лодочка, что путь свой совершает
В твоей реке — она без берегов.

Не честолюбье — долг зовет в дорогу
Достичь высот, чтоб видеть далеко:
В твоей реке от моего порога
Пространство необъятное легло.

Ведь ты — река, лесная даль, вершина,
Ведь ты — простор космический, сквозной.
И быть большим — вполне достойно сына:
Не примешь ты судьбы моей иной.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Я помню ночь, когда ты подарила
Мне свой портрет, он был так чист и мал.
Лицо твое луна вдруг озарила,
И ветер в волосах твоих играл.

Весна прошла, но я не беспокоюсь:
Мой дух не примет холод бытия.
Ты снишься мне, моя любовь и совесть,
Любя, молчу — лишь в том виновен я.

Перевод Натальи ДАРДЫКИНОЙ

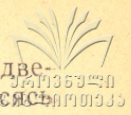
ПОМОГИ! — СКАЗАЛ ОН

Р о м а н

Рясы я не снял... И я знаю, что с того дня Хирчла даже видеть меня не может. С того самого дня я стал для него чем-то одушевленным, оказавшимся здесь по какому-то недоразумению. Для Хирчлы-Хечины все всегда было ясно на этой земле. Но теперь он впервые растерялся, не уразумев, зачем селению священник, если нет в нем церкви. Тогда за Хирчлой не водилось грехов, кроме этого. А я счел его грехом и то, что он походил на Хечину. Какое я, спрашивается, имел право подумать плохо о человеке, свалившемся с неба, пусть даже он походил на Хечину? Однако я уже говорил, что все предчувствовал заранее. И Хирчла явился как раз участником той повести, которую я прочитал заранее. Мне не требовалось изучать этого человека исподволь, все глубже и глубже проникая в его природу. Для меня все было ясно, как божий день: человек этот вошел для участия в действе. Этот человек должен был оказаться в самой гуще событий, стать стержнем повести.

Человек этот походил на Хечину. И как только пришла мне в голову эта мысль, страх исчез. Я уже не страшился Хечины, Хечина был повержен, показав свое истинное лицо, и настоящий Хечина был не столько страшен, сколько жалок. И если и этот человек Хечина — я не боюсь его! Это не я, это он должен бояться меня, ибо я постиг его до глубины души. Стоило мне поду-

Продолжение. Начало в № 1.

мать об этом, как рука моя тут же потянулась к двери, закрытой на засов. Трясущаяся рука, не спросив меня, нашаривала засов. Рука смелела все больше и больше, и вот уже дверь распахнута настежь.

Я стоял на пороге и смотрел наружу.

Хирчла по-прежнему стоял там.

Наши взгляды скрестились.

Хирчла повернулся и ушел.

Это была крохотная победа, но даже она наполнила меня гордостью. Мне казалось, что я выбрался из темного глухого угла и уверенно встал лицом к лицу с человеком, который вошел в повесть в качестве главного действующего лица. Я бесстрашно скрестил взор с этим человеком, и это было уже не просто созерцание или стояние в темном глухом углу. Я стоял на виду у всех, ожидая, когда вновь покажется Хирчла, дабы еще раз скрестить с ним взор.

Хирчла показался на следующий день, и мы встретились с ним на прежнем месте.

Не обратив на людей никакого внимания, он остановился и посмотрел на меня. Остановился и я, и мы вновь уставились друг на друга.

Но на сей раз он не отвернулся: он стоял и смеялся.

Я повернулся и пошел к своей башне.

Хирчла по-прежнему смеялся, неслышно, про себя, незаметно для других, но я увидел этот смех и устыдился. Теперь я казался себе спесивым петухом или приникшим к забору крохотным щенком, который, надеясь на забор и хозяина, облаивает пастушьих псов, степенно шествующих мимо забора. Хирчла, подобно пастушьему псу, степенно шествовал своей дорогой, искоса поглядывая на меня и смеясь. В этом смехе таилась вера в собственные силы и угроза. Да, я был смешон, и он посмеялся надо мной. Я бросился к забору в надежде на своего хозяина. Хозяином этим был мой друг Георгий Балнаури, и в том, что с того дня Хирчла не обмолвился ни словом, был повинен мой хозяин. Хозяину ничего не стоит спасти своего щенка, пусть даже он бросается на всех овчарок в мире. Меня укрывали хозяин и забор, отделявший меня от псов, шествующих по дороге. Хирчла смеялся, но это не был всепрощающий и великодушный смех человека, стоявшего выше

меня. Это был угрожающий смех, и я тотчас же угадал скрывающуюся за этим смехом веру в ^{отмщение} ~~смирение~~. Хирчла отчетливо увидел тот один прекрасный день, когда он заставит меня горько раскаяться в том, что я дерзнул скрестить с ним взгляд. Тем более, что, по глубокому убеждению Хирчлы, не дело священника вступать в схватку с кем бы то ни было. Священник должен быть покорным, терпеливым и набожным, к тому же священник не настоящий, священник села, не имеющего церкви.

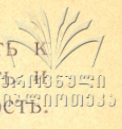
Из тех дней больше всего осталось в памяти ожидание. Все мы чего-то ждали. Ждало селение, но ждало, само того не чувствуя. И старейшина ждал, но сам он прекрасно знал, чего ждет. Ожидание еще более обострилось во мне с появлением Хирчлы. Хирчла пришел! Хирчла появился! А Хирчла никогда не приходит без событий. С его появлением должны были произойти события, либо злые, либо добрые. Хирчла не сможет раствориться в селении — вроде бы он есть, а вроде — нет. Явно или тайно, силой или угрозой он должен навязать селению свою волю и долго рести его туда, куда подсказет ему собственная страсть. А в конце концов, когда Хирчлы не станет, опомнившееся селение должно как бы спросонья протереть глаза и подумать о том, что селение было вовсе не таким, каким оно казалось доньше.

За появлением Хирчлы последовала история... Это была история с молодым стражником. Хирчла увидел юношу, когда тот горделиво скакал на коне. Он тут же осведомился, чей это юноша... Ему ответили, чей он и откуда.

На следующий день юноша сделался стражником старейшины.

Через месяц юноша исчез...

Исчезновение юноши прошло незаметно для селения. Первой хватилась сына мать. Она день-деньской ходила к крепостным воротам старейшины, дабы насладиться созерцанием собственного чада, охранявшего сельского главу. Для матери это было новостью и притом новостью, переполнявшей гордостью ее сердце. Шутка ли, именно ее сына выделили среди многих других юношей и поставили возле этой устрашающей кре-

постной стены. Отныне никто не смог бы проникнуть к предводителю села без соизволения ее сына. Видеть, представлять это даровало ей несказанную радость. Стоило наступить утру, как она спешила к башне старейшины, дабы еще раз увидеть собственными глазами возжеленную сцену: при виде посетителя сын брал саблю на изготовку, потом, полный достоинства, делал шаг в сторону и впускал посетителя в таинственную дверь, открыть которую мог в селении не каждый.

В тот день, когда юноша исчез, мать его охватила еще большая радость. Она вообразила, что сына ее впустили внутрь, за ограду, и поставили прямо у дверей предводителя. По мысли матери, это еще больше возвышало ее сына, ведь тем самым благодарный старейшина оказывал ему высокое доверие и осыпал почестями. Мать по-прежнему стояла у крепостных ворот и, хотя не видела всего этого собственными глазами, картина была столь отчетлива, что счастьем ее не было границ. Она с нетерпением ждала дня, когда огромные ворота крепости отворятся и сельский люд столпится у ворот, ожидая появления старейшины... Старейшина выедет верхом на коне, а среди приближенных, конечно же, будет и молодой стражник, ее сын. Так стояла она на самом видном месте у крепостной стены и, вытянув шею, ожидала появления старейшины и его приближенных.

А когда народ и вправду столпился возле крепостной стены, мать, заранее предвкушая встречу с сыном, наслаждалась сознанием того, что сельского старейшину и отмеченного им ее сына увидит не только она одна, но и весь народ.

Крепостные ворота отворились, но коня старейшины еще не было видно. Открытые настежь ворота довели любопытство собравшихся до крайности, и когда нить ожидания натянулась сверх всякой меры, появился, наконец, сельский старейшина, Георгий Балиаури, верхом на белом коне.

Мать, боясь, как бы толпа не оттеснила ее, развела руки в стороны, чтобы сдержать любопытных. Ведь они могли помешать ей насладиться великой минутой. Женщина лихорадочно искала среди приближенных старейшины своего сына. Но юноши, стоявшего на часах возле крепостных ворот, нигде не было видно.

Мать перепугалась, было, но тут же попыталась успокоить себя, вообразив, что старейшина, доверяя пределы крепости, оставил ее сына охранять свой дом и сокровища, ибо доверял ему, как самому себе. Она и представить себе не могла, чтобы у старейшины не было сокровищ, а коль скоро сокровища были, то для их охраны требовался преданный страж. И теперь женщина укоряла себя, глупую, как же это не пришло ей в голову раньше, ведь сыну ее несказанно повезло и он удостоился чести, которая даже не снилась его сверстникам.

Через два дня старейшина со своей свитой возвратился обратно. Вновь распахнулись крепостные ворота, и старейшина исчез за крепостной стеной. Ворота затворились, и около них остался на часах страж. Но это был уже не тот юноша, которого с таким нетерпением ждала мать, а совершенно другой, приведенный и поставленный здесь совсем недавно.

Женщина осмелела и подошла к стражнику.
— Здравствуй, сынок, — сказала она.

Стражник даже не взглянув на нее, молчал.

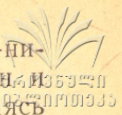
Женщина изумилась. Она впервые видела человека, не отзывавшегося на приветствие, и это изумило ее. Решив, что стражник глух и нем, она подняла руку в знак приветствия.

Стражник даже бровью не повел.

Женщина испугалась и стала озираться по сторонам, как бы ища подмоги. Но вокруг не было ни души, и женщине не у кого было справиться, кто этот глухонемой юноша, которого она никогда до того не видела. А если он слышит и говорит, то что же она сделала ему такого, что он даже на приветствие не желает отвечать. И перепуганная женщина пошла домой.

В тот день женщина ходила по соседям и жаловалась, мол, так и так, сын исчез без следа, нет его у крепостных ворот, да и из-за ограды о нем ничего не слышать. Сунулась, мол, я к стражнику, а он ни гу-гу. Что теперь делать, куда идти и у кого спрашивать?

Соседи ничего не смогли ей посоветовать. А одна соседка, не сказав ни слова, даже захлопнула дверь перед самым ее носом, оставив женщину ни с чем. Вторая, встреченная ею по дороге, сославшись на то, что

очень торопится, посоветовала ей обратиться к кому-нибудь другому, откуда, мол, знать мне, где твой сын, и что с ним. Третья, приложив палец к губам и озираясь по сторонам, пригласила ее к себе и закрыла дверь на засов... Потом шепотом, словно кто-то подслушивал у дверей, предложила женщине молчать и никого ни о чем не спрашивать. Женщина перепугалась еще сильнее. Ничего больше за этой запертой дверью ей узнать не удалось. Кого только она не спрашивала, но на все ее вопросы ответ был один — не знаем, а в конце напоминали, чтобы она особо не распространялась: думай, мол, про себя, а вслух никому ничего не говори.

Женщина не спала всю ночь. Едва рассвело, она встала и опять поспешила к крепостным воротам старейшины. На сей раз у ворот стоял другой стражник, и женщина обрадовалась: если тот, вчерашний, был глух и нем, может, хотя бы этот окажется христианином, если и не впустит внутрь, может, посоветует, куда пойти, к кому обратиться. Женщина в страхе огляделась по сторонам, согнулась в три погибели и уменьшилась в росте. А когда вокруг не оказалось никого больше, подошла к молодому стражнику и сказала ему одно только слово — «здравствуй», — как и тому, преждему.

Но и этот молодой стражник, подобно вчерашнему, оказался безъязыким и глухим. Он даже бровью не повел на приветствие женщины, стоял себе как камень и молчал. А женщина не знала, что и подумать. И где только нашли таких юношей — то ли камень, то ли скала, ни слова из них не выжмешь. А разве сын мой не стоял тут, разве не улыбался он весело каждому, разве не отвечал на приветствие, разве не махал рукой в ответ на мой знак, разве не перебрасывался задорными шутками с девочками? Не то что эти идола безъязыкие... И женщина сочла за благо ждать, вняв вчерашнему совету молчать и никому ни на что не жаловаться. Стояла женщина в сторонке и думала про себя: вот дождусь полудня, пока не встанет на часы другой стражник, авось хотя бы от него толк будет, ведь недаром говорится, что бог троицу любит.

Стояла женщина и ждала...

Вокруг сновали люди, но никто даже не взглянул на нее.

Когда наступил полдень, мимо женщины прошла соседка, та самая, что вчера посоветовала ей молчать и никому ни на что не жаловаться. Женщина обратовалась и бросилась к ней, но та, испугавшись, дала ей знак, чтобы она не подходила, и, повернувшись к ней спиной, прошагала дальше.

— Все село, никак, помешалось, — заключила женщина.

Внезапно она вспомнила о муже и стала упрекать себя, почему не подумала о нем раньше, почему не рассказала ему обо всем. На то ведь он и мужчина, чтобы заниматься мужскими делами. Муж ее пас овец в горах, и женщина подумала, что в вечернюю пору по дороге этой пройдут пастухи, вот она и передаст с ними весточку мужу, чтобы тот спустился с гор и сам поискал сына. Подумав об этом, женщина немножко приободрилась, теперь она была не одна, спустится с гор муж и они вдвоем примутся за поиски. Муж казался женщине всемогущим, и теперь она еще пуще укоряла себя за то, что действовала в одиночку все эти три дня, не удосужившись обо всем сообщить мужу.

В вечернюю пору по дороге прошли пастухи. Они шли медленно, лениво погоняя скотину. Женщина подошла к старому пастуху, сказала ему, чья она жена, и попросила передать мужу, чтобы тот без промедления спустился в село, сын, мол, пропал, ни слуху о нем, ни духу...

Старый пастух, едва заслышав о пропавшем сыне, повернулся, изумленно поглядел на женщину, отскочил от нее, как от прокаженной, и, не сказав ни слова, погнал стадо дальше.

Женщина осталась в одиночестве. Она опять огляделась по сторонам. Никому до нее не было дела, все избегали ее.

Женщина вдруг задрожала и закричала во весь голос:

— Помогите!

Услышав крик женщины, люди стали суетливо разбегаться кто куда.

Женщина стояла одна и кричала:

— Помогите!

33
33

На крик женщины распахнулись крепостные ворота, вышли два стражника с ружьями, схватили женщину и увели ее в крепость.

Крепостные ворота тяжело захлопнулись.

Крик заглох.

Площадь опустела.

Стемнело. На сумеречную площадь вылетел вдруг конь без всадника, застыл как вкопанный посреди площади, осмотрелся, пересек площадь и растворился на узкой тропинке, петлявшей между башен. Потом показался маленький мальчик, тоже застыл посреди площади и огляделся по сторонам. Мальчик искал коня. Никого ни о чем не спросив, мальчик пересек площадь и растворился на узкой тропинке.

Женщина исчезла. Не появилась она ни на другой, ни на третий день. Никто не осмеливался сказать что-нибудь, но все селение только об этом и думало: почему сначала исчез юный стражник, а потом, куда и зачем увели мать юного стражника и почему ее до сих пор не видно. И отчего кричала она «Помогите!» посреди площади, хотя никто даже не взглянул на нее и не подошел к ней. В этих раздумьях пребывало напуганное село, когда появился муж той женщины, пастух.

Пастух сбросил с плеч дорожную суму, умылся и пошел по соседям искать жену с сыном. Сказали ему лишь то, что сначала исчез сын, а потом жена. Больше не было сказано ни единого слова, все замолчали, как воды в рот набрали, и заперлись по своим башням. Мужчина, недолго думая, опоясался кинжалом и направился к крепостным воротам башни старейшины. Он долго ходил вокруг да около стены, но никто не сказал ему ни слова, никто не впустил его в ворота. Мужчина и без того был человеком неразговорчивым, всю жизнь общаясь лишь со скотиной. Поэтому он без лишних слов уселся прямо на площади напротив крепостных ворот. Сидел человек и смотрел на ворота, которые то открывались, то закрывались. У ворот стоял молодой стражник, словно высеченный из камня.

Мимо человека, усевшегося на площади, проходили редкие прохожие. Пройдут, посмотрят искоса и, не сказав ни слова, шмыгнут дальше, стараясь держаться в стороне от сидящего.

— Что это за селение? Может, я попал куда-то / в другое место?.. — думал мужчина и ждал.

Наступила ночь, а мужчина по-прежнему сидел на площади напротив крепостных ворот.

На рассвете кто-то навис над ним.

Мужчина поднял голову, но не узнал подошедшего.

— Ты что здесь делаешь? — спросил незнакомец.

— Да ничего, жду жену с сыном, — ответил мужчина.

— Встань и убирайся отсюда, — приказал незнакомец и, не дождавшись ответа, ушел.

Мужчина встал и огляделся по сторонам.

Незнакомец уже ушел.

Вокруг было темно.

— Я или во сне, или и впрямь пришел не в то село, — думал мужчина, понуро шагая к дому.

Прошло время, и женщина вновь объявилась. Сначала ее видели возле крепостных ворот, сразу же, как только она вышла из ворот. Ворота захлопнулись, и женщина осталась одна, словно ее выдворили. Женщина пересекла площадь и пошла по узкой тропинке. Народ высыпал к оградкам, смотря ей вслед, но никто не осмелился вымолвить ни слова. И женщина шла, ничего не говоря, словно вокруг было темно и она никого не видела.

Женщина подошла к своему дому и вошла во двор.

Во дворе ее встретил муж. Он спросил:

— Что тебе сказали?

— Не спрашивай... — ответила женщина.

Мужчина не спросил больше ничего. Они вошли в дом и заперли дверь. Когда стемнело, ко двору пришли соседи. Долго стояли они так, не осмеливаясь позвать. Наконец ото всех отделился один, одолел лестницу и постучал в дверь. Никто не отозвался на стук. Сосед постучал снова. Все остальные стояли поодаль и ждали. Но никто не мог понять, что поглотило запершихся — земля или небо. Никто не отзывался ни на стук, ни на оклик, из-за двери не доносилось ни звука. В полночь соседи разошлись, но утром они вновь собрались во дворе и принялись ждать. Дверь дома по-прежнему не отворялась. Когда подступил полдень, соседи решили открыть дверь силой — может, они померли или подались куда. Не успели они это сказать,

как дверь закрипела, будто сидящие взаперти догадались о намерении соседей. На порог вышла женщина. Женщина оглядела двор и, словно не заметив никого, взяла кувшин, спустилась по лестнице и очутилась во дворе. Словно только сейчас увидев соседей, она прошла мимо них и тихо сказала:

— Не спрашивайте меня ни о чем...

Соседи вновь перепугались насмерть и разбрелись по домам.

С того дня женщина так и ходила... Возьмет, бывало, кувшин и пойдет, опустив глаза, к роднику. Или взвалит на плечи хурджин отнести харчи пастухам, а встретит кого в дороге, не остановится, не поздоровается, пройдет себе молча мимо. И если не удастся уклониться, отвертеться от назойливых встречных, женщина, потупясь, тихо прошепчет, бывало:

— Не спрашивайте меня ни о чем.

Никто ни о чем не спрашивал женщину, и эти слова все больше и больше походили на бред безумной. Село подумало было, что тем и закончилось все, и, намотав эту историю на ус, притихло. Никто не спрашивал, что случилось с юным стражником, где он и куда подевался, и отчего мать прекратила поиски сына. Село даже не ведало, что думают мужчина и женщина, забыли они сына или продолжают его искать, не зная, что и как предпринять. У селения была тысяча других забот, тысячи событий обдумывались в долгие бессонные ночи. Селение как будто и думать позабыло о мужчине, женщине и их пропавшем сыне. Но однажды ночью, неожиданно для всех, мужчина и женщина спокойно, не торопясь подошли к площади, вытянулись во весь рост и закричали:

— Помогите!

Селение растерялось. Давным-давно позабытый возглас уже залеченной и исторгнутой из памяти раны казался в глазах селения неожиданным, неуместным и немного даже смешным. Что помutilo им разум, — думало селение, — неужели они ничего не поняли, чего они разорались посреди ночи, да еще на площади?

А мужчина и женщина по-прежнему стояли и кричали:

— Помогите!

Селение не смело приблизиться к ним и ждало, чем это кончится.

Словно бы услышав этот крик, крепостные ворота распахнулись и показались верховые.

Мужчина и женщина, не обращая внимания на верховых, стояли как слепые и выкрикивали одно-единственное слово:

— Помогите!

Впереди на коне восседал Хирчла. Он стегнул коня и подъехал к женщине.

Я растолкал толпу и вышел вперед.

— Чего они орут? — громко спросил Хирчла.

Народ безмолвствовал.

— Вы что же, оглохли, не слышите, о чем я вас спрашиваю? — рассвирепел Хирчла.

Народ стоял и, не говоря ни слова, во все глаза смотрел на него.

Хирчла осмотрелся, увидел меня и, соскочив с коня, направился ко мне.

— Чего они орут? — спросил он, останавливаясь передо мной.

— Они ищут сына! — ответил я.

— Сегодня же найдите им сына! — крикнул Хирчла, вскакивая на коня.

Народ заволновался. Задние напирали на передних, пытаясь выяснить, что сказал первый советник старейшины, что он приказал приближенным. Передние кричали задним: «Сегодня же найдите им сына!». Заслышав это, Хирчла выпрямился во весь рост и теперь уже с коня крикнул:

— Сегодня же найдите им сына!

Народ зашумел, испустил клич, кто бросил шапку в небо, кто на радостях кинулся к коню и поблагодарил всадника. Шум нарастал, и круг, в середине которого стоял Хирчла, все больше сужался. Благодарное селение гладило руками скакуна Хирчлы, стараясь задобрить и приласкать его. Приближенные прокладывали в толпе путь коню Хирчлы.

Вдруг все позабыли о мужчине и женщине, ищущих сына, и вспомнили лишь тогда, когда Хирчла скрылся с глаз.

Мужчина и женщина стояли на прежнем месте и по-прежнему кричали:

— Помогите!

На сей раз изумленное село окружило неблагодарных супругов, которые не вняли словам Хирчлы и не поверили, что их сын будет сегодня же доставлен к ним.

Мужчина и женщина замолчали.

Народ принялся веселиться.

С той ночи никто не видел мужчину и женщину.

Селение вновь укрылось по башням и затихло. Но с того дня Хирчла все же сделался истинным Хирчлой — восседающий на белом коне добрый герой приказал, чтобы родителям нашли пропавшего сына... Селение словно бы навсегда запомнило эти слова, и годы были бессильны смыть их. И даже то, что с той самой ночи селение и в глаза не видело тех мужчину и женщину, ничего не убавило в великом благе этих слов. Хирчлу ни в чем не винули, Хирчла был уже героем, и слова героя были уже им сказаны. И если что-то случилось не так, как повелел герой, то в том была вина кого-то другого, но не героя. Селение не знало, кто был тот некто, и ему было не до того, ибо оно наслаждалось героем... Хирчла перестал быть человеком ниоткуда, человеком без прошлого, он сразу сделался здешним, сыном здешних мест и корней, а отныне — хозяином всего, правой рукой сельского старейшины. Хирчла, подобно крепостной стене, вознесся между старейшиной и селением. Сельский предводитель еще больше отдалился от селения, а Хирчла был тут же, разъезжал на коне среди народа и отдавал на глазах у всех вожделенные приказания: сегодня же найдите им сына!

Я, устранившись от доброго Хирчлы, заперся в своем доме и уединился со своими бумагами. С бумаг на меня угрюмо глядели буквы, словесный хаос требовал упорядочения. И буквы тоже походили на людей: встречались друг с другом, уединялись, сбивались в кучи, толпились и вновь расходились порознь. И все это вместе взятое — уединение и сборища, хождение парами и в одиночку создавало повествование, создавало народ и селение, весь мир. И в этом безбрежном хаосе рука человеческая наводила маленький порядок, буквы складывались на бумаге и спокойно шли за повестью:

Жил народ и было селение. Селением правил старейшина — мягкого и миролюбивого нрава, и селению как будто были по душе мягкость и миролюбие. Но в один день, когда старейшина отошел в мир иной и на смену ему пришел новый предводитель, селение словно бы подменили: ему приелись мягкость и миролюбие. Новый предводитель испугался, испугался самого себя, селения, всего мира, и испугавшийся предводитель решил подавить страх. По мысли предводителя, побороть страх можно было лишь запугав других, и он начал запугивать других. После того в селение приходили и вновь исчезали чужие люди. Исчезали сыновья, и матери ни у кого не могли спросить, куда подевались их сыновья. Люди стали избегать друг друга. Люди боялись друг друга. Маленький образцовый порядок, наведенный рукой человеческой в хаосе, вновь обращался в хаос. Селение словно бы перестало думать и лишь чего-то ждало в страхе... Селение знало, что у любой истории, происходящей в подлунном мире, был свой добрый или злой конец, и селение безропотно ожидало конца. Это было покорное ожидание, когда вовне еще ничего не видать, и лишь внутри, в скрытой глубине пробуждается жизнь, как пробуждается земля под снежным покровом накануне весны. А весной это покорное ожидание разольется половодьем, и человеческая рука вновь выведет селение из хаоса...

Я взял в руки бумагу и посмотрел на буквы.

На бумаге все казалось простым.

Я смял бумагу, потушил свечу и вышел. На дворе была ночь, луна скрылась за вершинами башен, звезды холодно глядели на меня. Предо мной высилась тяжелая серая крепостная стена с наглухо закрытыми воротами, а за ней виднелась высокая угрюмая башня старейшины. В башне не горел свет, лишь погруженный в дрему и окаменевший стражник стоял возле крепостных ворот.

Я вышел на площадь и присел тут же на камень.

Вокруг стояла тишина, словно весь мир погрузился в глубокий сон.

Только я задремал, как кто-то положил мне руку на плечо. Я поднял голову. Предо мной стоял незнакомец.

— Что ты тут делаешь? — спросил незнакомец.

— Ничего... Я спал... — прошептал я.

— Спи... — сказал незнакомец и удалился.

Я сидел, слушал ночь, а в ушах по-прежнему раздавался голос незнакомца, разбудившего меня прикосновением руки. Этот незнакомец ходил по селению, обходил проулки, подбирался к оврагам, взбирался на плоские кровли и шептал:

— Спи... спите...

И селение видело сладкие сны.

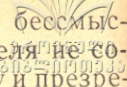
Я поднялся и, словно идя по следам незнакомца, пошел по узкой проселочной дороге села. Я шел во мраке. Я переходил с тропинки на тропинку, вглядывался в темноту, то и дело оборачиваясь назад. Я прислушивался к спящим домам и, затаив дыхание, ждал рассвета.

Я вышел из темного проулка и вновь присел на камень возле площади. Прокричал петух. За ним заголосили другие. Я снова погрузился в дрему, и вновь кто-то положил мне руку на плечо. Я поднял голову. Передо мной стоял давешний незнакомец, пристально разглядывая меня.

— Говорю тебе, спи... — сказал незнакомец.

Но в ту ночь, когда весь мир спал, был один человек, ни на мгновение не смыкавший глаз, и теперь я, сидя на камне возле сельской площади, думал о том человеке. Тот человек был мой друг Георгий Балиаури. В жизнь его вместе со страхом ворвалось новое слово — измена. Изменником был тот гордый юноша, стоявший возле крепостных ворот и канувший невесть куда. И селение диву давалось, куда мог исчезнуть юноша, а с ним и его родители, звавшие на помощь весь мир — «Помоги-ите!». Хирчла, всевидящий и всезнающий Хирчла, застиг юношу возле самых дверей предводительских покоев и отобрал у него кинжал, запрятанный под одеждой. Хирчла еще раз спас жизнь Георгию Балиаури...

Всю ту ночь Георгий Балиаури провел без сна. Погруженный в раздумья старейшина никак не мог уразуметь, какую обиду таил на него юноша, лицо которого он увидел впервые лишь тогда, когда Хирчла швырнул юношу к ногам предводителя, заставив его выдать из себя глухое — «простите»... Но никакого

прощения быть уже не могло. Беспричинно и бессмысленно поднятый меч вызвал в душе предводителя не сострадание, а презрение, презрение к изменнику и презрение к трусу, вымаливающему теперь прощение. Старейшина повернулся к юноше спиной, а это значило, что прощения быть не может, раскаяние запоздало, и этим все сказано. Юношу увели, и с того дня старейшина больше не справлялся о нем. Юноша исчез навсегда, словно его и вовсе не было. Все было так, пока с площади до слуха старейшины не донесся обреченный крик, крик женщины и ее мужа, призывавших на помощь. Крик этот был подобен воплю смертельно раненных оленей, и старейшина вновь призвал Хирчлу. «Это вопят родители предателя»,—был ответ. И внезапно исчезнувший юноша вновь ожил. Позабывтое, как ужасающая мысль, лицо юноши вновь осветилось желтым светом солнца мертвых и вошло в покои старейшины. «Уберите от меня этого юношу!» — взревел старейшина, но никто не услышал его крика. Зато крик явственно доносился с сельской площади, где два голоса молили о помощи весь свет. Старейшине померещилось, что отныне ничто не сможет заглушить два этих голоса и что они всю жизнь будут преследовать его в память о предателе. Однако Хирчла, всевидящий и всепонимающий Хирчла безошибочно улавливал мысли старейшины. Хирчла понимал, что пока в селении кто-то зовет на помощь, селение никогда не станет тем селением, которое постепенно росло и принимало зримые черты в его воображении. Тогда Хирчла заглушил эти крики, и старейшина вновь пришел в восторг — Хирчла все делал без лишних слов и к тому же без промаха и безошибочно: никакие звуки не доносились больше из селения, никто больше не молил о помощи. Наступила первая спокойная ночь. Теперь уже никто не смог бы оживить того юношу, и родители того юноши уже не смогли бы напомнить старейшине о грехе исчезновения того юноши, тяжким грузом легшем на его плечи... Но почему обязательно о грехе? Где тут грех и кто грешен? Почему бог считает грехом наказание грешного? И кто более достоин жалости — предавший, легковверный, безусый юнец или безвинно пронзенный кинжалом предателя старейшина села? Стоило старейшине подумать об этом, и его сердце вновь пере-

полнялось гневом. И взбешенный какой-то непонятной, глухой болью старейшина с омерзением смотрел на селение. Это было дотоле неиспытанное и неслыханное чувство — отвращение к селу, — и старейшина испугался этого чувства. Старейшина не желал, чтобы все село было тем юношей, чтобы все село смотрело на него глазами того юноши-предателя, и он вновь испугался воскрешения юноши. За первой беспечальной ночью, если можно назвать беспечальным мертвецкий сон, вновь последовала иная ночь, заряженная раздумьями и растянутая, за ней последовала еще одна такая же, пока гнев старейшины вновь не сменился страхом, заставившим старейшину выйти из дому в полночь. Он словно тень побрел по проулкам и, скрываясь в тени оград, стал искать дом, где некогда жили этот безусый юнец и его родители. Старейшина помнил тот дом, и теперь он со страхом ждал встречи с ним, как ждут встречи с живым существом, с тем существом, которое требует тебя к ответу и от которого ты ждешь страшного суда. Старейшина не знал, зачем он, бессонный и отягченный раздумьями, бредет в полночь к этому дому; что двигало им, жажда мести или раскаяние виновного; что скажет он тому дому и что предпримет, оставшись лицом к лицу с ним и укрывшись от глаз и ушей всего мира; преклонит ли он колени пред этим домом или сам заставит его стать на колени. И, задыхаясь от этого волнения, брел он, шаря рукой по оградкам, пока не свернул с дороги и не очутился перед тем домом. Но старейшина остался ни с чем — дома не было... Там, где старейшина ожидал увидеть дом, высились лишь ограда да груда камней.

— Хирчла! — крикнул старейшина.

И Хирчла возник из ночи.

Старейшина испугался и оглянулся.

Этот человек, словно тень влачившийся за ним в ночи, знал все на свете, и старейшину испугало это всезнание. Подобное всезнание ставило преданность Хирчлы выше собачьей. Да, такое всезнание повергло старейшину в смущение и изумление... Но все случилось в одно мгновение — изумление, страх и смущение... Мгновение спустя старейшина свысока глянул на своего преданного друга и гневно процедил сквозь зубы:

— Иди спать!

Хирчла исчез. Старейшина повернулся и направился к своей башне. Груз, до сих пор угнетавший его, сразу упал с плеч — уже не существовало ни того безусого юноши, ни его родителей, просивших о помощи у всего света, ни того дома, где они некогда жили. Их не было на этом свете, они не являлись и не уходили с этого света... А коль скоро их не было, то ничего не случилось. Ничего не видели ни эта луна, ни эти звезды. Ничего не видело селение, а то, чего оно не видело, вряд ли запомнится... Стоило только подумать об этом, и на душе сделалось легко. Старейшина пересек дорогу, вошел в башню и закрыл двери своих покоев. «Трус!», — сказал он себе и вновь позавидовал Хирчле, который знал все на свете и без промаха бил по цели.

— Позвать Хирчлу! — крикнул он юноше, стоявшему на часах возле дверей, и Хирчла тут же явился. Он словно бы стоял у дверей и только того и ждал, когда его призовет старейшина.

— Завтра трогаемся! — сказал старейшина.

Хирчла уже знал: завтра начинается поход.

День тот был схож с раскрасневшимся сумасшедшим. Войско выступило на рассвете, когда солнце еще не взошло и роса блестела на травах. Я перенесся мыслью туда, куда направлялось это войско и где никто не гадал, что в это мирное утро, когда чистое небо ждало восхода солнца, где-то за горами готовятся люди, дабы разграбить и предать огню чужое селение. Я взобрался на плоскую кровлю дома и посмотрел оттуда на селение. Перед моим домом словно бы неслась разлившаяся после дождей мутная река, а по берегам этой реки двигалось все селение от мала до велика, то смешиваясь с нею, а то вновь с улюлюканьем выскакивая на берег. Нет, это было уже не то крохотное селение, которое мы увидели некогда, взобравшись на вершину хребта. Селение выросло, возмужало, прибавило в весе, налилось силой и страстью, и теперь ему уже было все равно, куда и на что потратить эту избыточную силу. Войско смеялось, словно шло оно не в поход, а на пиршество. Войско было похоже на сватов, а селение, kloкочущее по берегам,—на свадебных

гостей, высыпавших на проводы сватов. Свадебные гости подзуживали, подбадривали сватов, расхваливали их одеяние, целовали, что-то нашептывали на ухо, чем-то клялись. Женщины держали на руках детей. Босоногие и заспанные мальчишки путались под ногами у воинов, старики сдергивали шапки, старухи размахивали черными шальями.

Высочивший на дорогу кузнец с горящими глазами, в рубахе нараспашку, весь в саже, бежал за своим сыном. Он то смешивался с войском, то выскакивал обратно, громко окликая сына. Сын молчал и даже не глядел на отца. А кузнец все не мог угомониться, все бежал за сыном и кричал:

— Смотри у меня, оружие не забудь, слышишь, оружие, говорю! Я на тебя надеюсь, так и знай... А коли еще чего прихватишь... Ну, богом!

Облысевший старик в драной войлочной шапчонке, сбившейся на затылок, бежал за внуком. В руках он держал посох и размахивал им, словно саблей. Не сводя с внука глаз, боясь, как бы не отстать от войска, он, запыхавшись, орал внуку снизу вверх:

— Скотину, скотину не забудь, сынок, там где все-нее, там и твое! На что ни положишь руку — все твое, так и знай! Не бойся! Как увидишь, тут же и гони!

За стариком поспешала крохотная старушка. Она то исчезала в людской реке, то вновь выныривала на поверхность. Старик делал ей знаки, чтобы она не забегала вперед, но старушка, не обращая на него внимания, норовила пролезть поближе к войску. Старик хватал ее за руку, пытаясь удержать, но старушка вырывалась и вопила тоненьким, леденящим душу голоском:

— Веревок и овечьей шерсти привези, сынок! Не оплошай! У них, сказывают, овец вон сколько! С пустыми руками не возвращайся, так и знай.

Одна высокая женщина в пестром платке тащила за собой девушку, то и дело подталкивая ее к движущейся реке войска. Девушка упиралась, закрывала лицо руками, тщетно упрашивая женщину оставить ее в покое. Но женщина не унималась: она пыталась оторвать руки девушки от лица, отыскивая одновременно кого-то в удаляющейся реке войска. Тот «кто-то» то появлялся, то вновь скрывался с глаз, и женщина, задрав

голову, успевала и смотреть на войско, и ругать девушку. Но девушка все упрячилась... Тогда женщина ухватила девушку за руку, вытолкнула ее вперед себя и устре- милась за войском, крича во все горло:

— Сынок, смотри, не забудь ожерелья и бусы, дурная эта не попросит, хоть я тебе накажу! Гляди, чтобы и там тебя не обскакали, раскрой глаза пошире, не ребенок уже, скоро у самого дитя родится!

Один входящий в силу мальчишка с выпученными глазами и пушком на верхней губе, обливаясь потом, спешил за верзилой, шагавшим в войске. Озираясь по сторонам, как бы никто его не улышал, мальчишка, дрожа от возбуждения, шептал верзиле свистящим шепотом:

— Привези мне девчонку, слышишь, одну девчонку привези, так и знай!

Шепот мальчишки был слышен всем. Народ, гогоча, бежал бок о бок с верзилой и просил в тон мальчишке, смотри, мол, не подведи, исполни его просьбу, что тебе стоит, не обдели мальчишку, видишь, немоготу ему, бедняге. И мальчишка, подбодренный поддержкой, не заботясь уже о чужих ушах, орал в полный голос:

— Одну девчонку, слышишь! А не привезешь, на глаза не показывайся, понял?

Верзила, хохоча во все горло, кивал головой, народ гоготал, а мальчишка, до-прежнему обливаясь потом, с трясущимися губами и блуждающим взором, словно та девчонка была у него уже под рукой, повторял в забытьи:

— Девчонку! Девчонку привези, слышишь?

И когда мальчишка обернулся, я заглянул в его мутные глаза... В глазах этих горело мучительное и голодное вожделение. Точно такие же глаза были у селения, когда оно топало по дороге в пустыне и, науськивая взбешенных псов, гнало девчонку к реке. Это были бессмысленные, безжалостные и лишенные даже проблеска мысли глаза, глаза человека, чья плоть содрогается, а в содрогающемся теле душа не находит себе места. Я устранился этих глаз и всего селения, у которого в это чистое и ясное утро были такие же глаза. Я отвернулся от мальчишки и сказал в сердцах:

— Господи, спаси селение!

Но поток уже вышел из берегов, и теперь никто и ничто не могло спасти селение, пока не завершится по-

ход, пока оно не добудет трофеев, пока этот кузнец в рубахе нараспашку не дорвется до оружия, пока этот облысевший старик в войлочной шапчонке не разживется скотом, пока эта крохотная старушка не заполучит овечьей шерсти и веревок, эта смущающаяся, брюхатая невестка — ожерелья и бусы, а дрожащий от вожделения, оголодавший мальчишка — девчонку... И пока селение не погрязнет с головой в своей же добыче и в своем вожделении.

В эти мгновения я был провидцем, и я искал в этой истории отведенное мне место. Никто не звал меня в поход, остановить селение мне было не под силу. Единственное, что мне оставалось, так это — в полном одиночестве и уединении думать о селении и судить о его поступках. Селение обманули! Таково было мое первое суждение... Обманутое селение споткнулось, и лавина смешала друг с другом дома и ограды, кровли и башни, дворы и сапивно¹, больших и малых, мужчин и женщин. Селение позабыло селянство, добро было погребено, и теперь свободное ото всего, опустошенное и раскованное селение сломя голову несло куда-то. Спасти взбаламученное селение было невозможно, и мне судилось только ждать. Место мое виделось мне в конце, после конца всего я должен был пасть на колени и оплакивать сраженное и опозоренное селение. Но все это случится много позже, и селение тогда уже не будет таким огромным, возмужалым, вошедшим в силу, с перехлестывающим через край вожделением, нет, оно располовинится, съезжится, смутится и испугается. Мне полагалось оплакивать располовиненное и опозоренное селение... Да, это случится не завтра, не после первого, второго или даже десятого похода. Завтрашний поход сулит селению только победу, вожделенную добычу и богатство. Богатство еще больше разохотит и введет во вкус селение. А разохотившееся селение можно повести куда угодно. За первой победой последует другая, за второй третья, а после третьей победы селение возомнит себя всемогущим... Я устрасился всемогущего селения, и, оглядевшись по сторонам, вновь прошептал:

— Господи, спаси селение!

А вокруг приподнято гомонило селение. Гомон все на-

¹ Место сельского схода.

растал, на площади собрались стар и млад, узкие проулки превратились в реки, и эти реки впадали в море. И море наполнилось. Еще немного, и волны захлестнут берег, грозя все разнести в щепы.

Идя на поводу у самого себя, селение мнило себя богом и горланило на всю вселенную. Я утратился этого ора и в страхе отступил назад... Я шел, а по пятам меня преследовали мутные глаза оголодавшего мальчишки. И в глазах этих бесновалась тысячекратно усиленная злоба. Это были глаза, в которых все уже было вычитано, все увидено, и теперь, обуянный жаждой мести, мальчишка следовал за мной по пятам, пытаюсь одновременно прикрыть свою обнаженную душу. Так в лесной чаще преследует свою жертву разъяренная пантера. Но вокруг не было леса, вокруг были люди, и мальчишка мучительно страдал...

Я поднялся на ограду своего дома и посмотрел вокруг. У подножия ограды гомонило селение.

Внезапно кто-то отделился от этого людского моря, подобно волне приподнялся над ним и крикнул:

— Спустись вниз, поп!

Все село разом повернулось ко мне:

— Благослови войско, поп! — крикнул теперь другой голос.

Третья волна усилила две предыдущие и прогремела над головой селения:

— Прихватим-ка его с собой! Он нам сгодится в походе!

Народ загомонил пуще прежнего, и тысячи голосов мужчин и женщин смешались друг с другом.

— На коня его, на коня!

— С каждого дыма велено мужчине брать, поп!

— Пойдем с нами, коли не трус!

— Пошли, коли мужчина!

— А коли трус, брюки с него долой!

— Натравите псов, коли он трусит!

Я уже не слышал ничего, кроме этих двух слов, давным-давно слышанных и насильно позабытых слов... Натравите псов! Натравите псов! Натравите псов... Перед моими глазами теперь возникла пустыня, а в пустыне гомонящий народ с батогами, плетями, копьями и вилами, преследующий насмерть перепуганную девочку. Девочка держалась словно кукла и вот-вот гро-

1959-20
1959-20

зились упасть, но стоило ей склониться, как люди тут же хватали ее, вновь ставили на ноги переломленную надвое куклу и подгоняли батогами чуть поостывших псов с высунутыми языками. Палило солнце. Пот градом лил с людей, и вихри пыли, принесенные из пустыни ветром, мешались с клубами пыли, взбитой бегущими ногами селения. В этой круговерти, в этом лесу вил, батогов и кольев, в этом мутном водовороте то исчезала, то вновь появлялась потрепанная кукла. До меня глухо доносился людской вопль: сюда ее, сюда! В воду ее, в воду! В пустыню ее, в пустыню, пусть солнце спалит ее дотла! К дереву ее вяжите, голышом! К дереву! Голышом!..

Я открыл глаза. Теперь предо мной стоял лишь мальчишка, обливающийся потом, с горящими глазами и осипший. Стоял, уставясь на девчонку, и дрожа шептал: голышом... голышом... голышом... Да, это был тот мальчишка, вынырнувший из зноя пустыни, бегущий за войском, оголодавший и вероломный, как разъяренная пантера. Этот парень полз теперь по моей ограде и, как бы хоронясь в кустах, не сводил с меня глаз. Народ гомонил, подбадривая мальчишку, научая чему-то, издеваясь над ним. А мальчишка дрожал и неловко, но настойчиво взбирался по ограде.

— Иди, не бойся, — кричала толпа, — ведь он поп, а не бог, сними с него рясу и брось нам ее сюда... А мы разберемся!

Мальчишка наконец взобрался на ограду. Запылавшись, остановился он передо мной, криво ухмыльнулся и, не переводя дыхания, шепнул:

— Скидывай рясу, поп!

Я пристально поглядел на него, в глазах мальчишки я вновь увидел прежнее мучительное вожделение... Крики и гогот сотрясали пустыню. Кто-то что-то кричал мне, кто-то тянул за рясу, подталкивая к одеревеневшей кукле, застывшей в центре круга, кто-то совал мне в руку кол, подбадривая, иди, мол, не бойся. Кто-то прорезал толпу плетью и пинком втолкнул меня в середину круга. Беззубая, сморщенная старуха протянула мне вилы... На! — шамкала старуха. — Держи, не бойся. Я отступал назад, а старуха, хохоча и тыча вилами, преследовала меня... Коли, коли эту бесстыжую! Я ничего не видел вокруг... А этот дрожа-

щий мальчишка с выпученными глазами шептал прерывающимся от вожделения голосом: «К дереву голышом... голышом...»

Я поднял руку и влепил мальчишке пощечину. Мальчишка слетел с ограды.

У моих ног гомонило село. Я закрыл лицо руками... Я ни перед чем не испытывал страха, страх мне был уже неведом, я не боялся никого, кроме себя самого, да, я страшился лишь себя самого. Я ударил человека! И теперь я покорно ждал, как покарает меня за грех рука человеческая. Ждал, как хлынет ко мне это селение, подобное морю, как стащит меня с ограды и затопчет, сразу, во мгновение ока. Селение имело на это право, а правом своим селение всегда пользуется безошибочно. Но проходили мгновения, а никто не вымолвил ни слова. Народ, еще недавно клокотавший подобно морю, безмолвствовал. Это было предгрозовое молчание, и я по-прежнему ждал, закрыв лицо руками...

Боже, помилуй! Я ударил вожделение, несущее зло и застывшее в глазах мальчишки, да еще то село, топчущее в пустыне, темное и душимое злобой. Боже, ты знаешь лучше меня — мрак вечен, если не осветить его светом, все тонет во мраке. А света мало, все светлое гаснет, свет надо беречь...

Окрест стояла тишина, и вдруг кто-то нарушил тишину:

— Молодец, поп!

Я оглянулся. Это был Хирчла...

Мы уставились друг на друга.

— Молодец, поп! — взревело селение.

Мальчишка, стоявший у подножия ограды, смотрел на меня со слезами на глазах.

Мальчишка молчал, до боли сжав губы.

Я спустился по лестнице и подошел к мальчишке.

А вокруг шумело селение, били барабаны, трещали бубны, визжала волынка, пищала зурна, ржали кони, ревели волы, каркали вороны, завывали роги, потрескивали костры, возженные на вершинах башен. Я стоял перед мальчиком и глядел на него. Вожделение угасло в его глазах. Теперь это был обычный мальчишка, плачущий навзрыд и оскорбленный.

— Попомнишь, попомнишь... — услышался голос мальчишки.

Я подошел к мальчишке, наклонился к нему и припал губами к его лбу.

— Молодец, поп! — крикнул кто-то.

— Молодец, поп! — единодушно подхватило селение.

Селению теперь было все равно, селение свихнулось и бурлящим, мутным, взбаламученным потоком несло вниз по склону.

— Господи, спаси селение!

— Попомнишь, попомнишь... — слышалось за моей спиной.

Три дня и три ночи в раздумьях и молитвах провел я, сидя взаперти в своей темной обители. А через три дня на вершинах башен взметнулись костры. Это были костры победы. Факелы обежали проулки и улочки. Вновь ударили барабаны и воззвали роги, градом посыпались удары бубна, раздались завывания волюнок. Победивший сатана вприсядку плясал над селением, перепрыгивая с башни на башню, с кровли на кровлю. А я, как неблагодарный и ненасытный сын селения, со страхом обвел глазами свою темную обитель и с тем же страхом убил в себе мысль, которая с головы до ног с трепетом обежала меня: победа селения меня огорчила...

Я запер дверь на засов, и теперь до меня доносился лишь глухой гул ликующего селения. Одна вина наслаивалась на другую, и я, трепеща от страха, ждал, когда распахнется дверь, когда ворвется ко мне селение и, протянув десницу, схватит меня, как Голиаф цыпленка. Потом извлечет наружу, протянет десницу вперед, обведет ею над головой селения и прогрехочет: — Смотрите, этот человек осмелился думать против всех! Оскорбленный мир тут же примет сторону селения, и я останусь в полном одиночестве в подлунном мире, я, которого ничто не радует, в то время как радуется все селение...

А селение, бия в барабаны и дуя в роги, делило и подсчитывало добычу, славилло героев, раздавало подарки, подгоняло ревуший скот, предназначенный на заклание, заготовливая угли, возжигало огни, строгаило шампуры, жарило шашлыки, варило хашламу в огромных, домоподобных котлах, пекло лаваша, разливало вино из бурдюков, приглашало прохожих. Скоморохи

погоняли, запряженных в арбы пленных, стегая их нагайками. Пленные стонали, скоморохи хохотали, взрослые и мальцы швыряли цветы и грязь, цветы в скоморохов, грязь — в пленных. Скоморохи паясничали, народ давился от хохота. Потом скоморохи стали покалывать пленных копьями, и те, корчась от боли, бежали со своими арбами. Улюлюканье скоморохов смешивалось с воплями пленных, а народ хохотал до колик. Селение позабыло о жалости. Жизнью было лишь то, что творилось сейчас здесь, на беснующейся площади — кривлянье скоморохов и гогот толпы. Селение начисто позабыло, что это было не скоморошье представление, что в арбы были впряжены не ряженые в лохмотьях, а пленные, согнанные из окрестных селений, что копыя были не обструганными деревяшками скоморохов, а настоящими, острыми и пронзающими. Но селение не желало этого знать, сострадание было мертво, и даже если бы кто-нибудь, жертвуя собой, будь то старик либо ребенок, крикнул, что это не скоморошьи, а настоящие копыя, что пленных колют не понарошку, а взаправду, селение отринуло бы крикуна, подняло бы его на копыя, забило бы его. Глашатай правды селению был уже не нужен, глашатай правды вывел бы его из забвения, а ведь именно забвение и требовалось селению больше всего на свете.

Селение боялось думать. Страшась, как бы его не одолели раздумья о долге и угрызения совести, когда все кончится и игра сойдет на нет, селение вливало в себя вино прямо из бурдюков. Вино с бульканьем лилось в глотки, дурманя сознание и ослепляя глаза, и селение, впав в хмельное беспмятство, валилось тут же под ограды, заборы, у подножий башен и выпускало храп.

Вслед за скоморохами прошли барабанщики и свирельщики, взгромоздившиеся на ходули. Но селение недолго слушало ходульных свирельщиков. Прозрачные и слабые вздохи свирели никак не вязались с хмельным разгулом, пьяным храпом, визгом и руганью. Под свист и улюлюканье толпы свирельщики сразу как-то уменьшились в росте, спрыгнули с ходулей, побросали свирели детворе и, сдернув маски, смешались с толпой.

1935
302 ПР1033

На сей раз на площади появились фокусники. Народ встретил их появление воплями восторга. Роги были отброшены, бурдюки закручены и связаны веревками. Юноши перестали целоваться с девушками. Детвора разомкнула круг и продралась поближе к фокусникам. А фокусники шли, и в их руках поблескивали предметы, отливающие золотом. Они ходили с завязанными глазами по натянутому канату, как ни в чем не бывало вонзали себе ножи в сердце, закалывали друг друга остро наточенными кинжалами, а потом с кинжалами в груди и шапками в руках, хохоча и взвизгивая, бегали по кругу, собирая вознаграждение. Народ следил за ними, затаив дыхание и жадно впитывая широко раскрытыми глазами каждое их движение, каждый жест. Потом восторженными возгласами требовал все повторить сначала, все проделать еще раз. А фокусники, преспокойно собирая вознаграждение, ничего не повторяли.

Народ окружил фокусников, не желая их отпускать. Прячась друг за дружку, подталкивая и отталкивая друг друга, каждый желал своими руками потрогать вещи фокусников, каждому хотелось подержать в руках кинжал, который, вонзаясь в сердце человека, не причинял ему никакого вреда. Кинжал был настоящий, и изумлению толпы не было границ. Фокусники и селение, тесно сплетаясь друг с другом, не собирались расходиться, никто не мог молчать, и не было в целом свете силы, способной утихомирить восторженный сброд, погасить огонь в лампе, раздать тумачи налево и направо чтобы хотя бы на мгновение воцарились тишина.

Однако какая-то таинственная рука все же мастерски направляла эту взбесившуюся реку, исподволь и часто меняя ее русло, и притом тогда, когда река грозила смести все на своем пути. А река, переброшенная в новое русло, на время попадала словно бы в тиски, и ничто уже не угрожало берегам до той поры, пока не переполнялось и это новое русло. Теперь река грозила поглотить фокусников, но тут внезапно раздался возглас: «Эй, люди, обернитесь, адрекилу¹ несут!». Народ вздрогнул, гомон на миг смолк. Вдруг все позабыли о существовании фокусников. И те, не преминув восполь-

¹ Фаллический идол.

зоваться этим, втихомолку унесли ноги. Все, задрав головы, стали пялиться вверх, куда смотрел кричавший. Сначала народом овладело смятение, но затем, придя в себя, площадь загоготала. Сверху степенно шествовал огромный, вытесанный из дуба благообразный адрекила. Женщины, закрыв глаза руками, завизжали, а потом стали на чем свет стоит ругать мужчин: «Да разрази вас гром, бесстыжие, ничего не скажешь, хорошую шутку придумали, нашли что вырезать, выставлять на люди, да еще носить по площади, нам на погибель!» Женщины осыпали мужчин градом огрызков, вполглаза посматривая туда, откуда лениво потягиваясь спускался адрекила. — «Разрази вас гром!» — ругались женщины, повернувшись к мужчинам спинами. И, наверное, перепалка эта продолжалась бы долго, если бы адрекила, возвышавшийся посреди площади, не задрал голову к небу. Тут же кто-то напялил папаху на голову адрекилы. Мальчишки, бывшие наготове, подскочили к адрекиле; кто приделал ему нос, кто навесил уши, кто заставил его кланяться. И теперь адрекила превратился в безобидного мужчину. Мужчина подбоченясь стоял посреди площади, с улыбкой глядя на людей. У него были узкие и печальные глаза...

Народ угомонился. До слез нахохотавшиеся женщины поправляли платки и накидки. Печального подбоченившегося мужчину мальчишки увели с площади и именно в это время кто-то воскликнул:

— Да здравствует Хирчла!

Я огляделся и увидел Хирчлу, стоявшего на оgrade.

— Да здравствует Хирчла! — бросаясь к оgrade, вопил народ.

Хирчла сверху вниз глядел на людей, ожидая, когда они утихомирятся, когда наступит тишина.

Но селение и не собиралось униматься. Стоило восторгу слегка улечься, как тут же кто-то невидимый вопил: «Да здравствует Хирчла!» — и все начиналось сначала, словно эти вопли, эти возгласы и простертые к оgrade руки были вечными. Казалось, что отныне и навсегда все будет только так, ничего не изменится и спокойствие никогда не снизойдет на площадь...

— Да здравствует Хирчла! — вопило селение.

— Да здравствует предводитель! — провозгласил Хирчла, и селение сразу взорвалось. Теперь Хирчла был

495820
302 211033

не просто Хирчлой, но и предводителем одновременно, только не тем уединившимся от селения и предающимся думам и заботам о селении, утомленным походом и многократно избегнувшим опасностей предводителем, а вышедшим сюда, явленным народу, настоящим... Народ теперь рвался к этому настоящему, во плоти, и тем самым к тому, другому, превратившемуся уже в легенду, возвысившемуся сверх меры и приславшему сюда вместо себя этого человека. «Да здравствует предводитель!» — кричал теперь этот человек, и селение в один голос, словно лавина, подхватывало сказанное: «Да здравствует предводитель!»

И в этих призывах, воплях, криках и улюлюканье, в этом нескончаемом шуме внезапно пошел легкий дождь... Дождь пришел просто, застенчиво, тихо, с чувством собственного достоинства... Медленно перевалив через хребет и высокие башни, он словно туман навис над площадью. Было нечто царственное в этом приходе. Было величие в его простоте. И галдящая площадь постепенно затихла перед этим величием и воцарилась такая тишина, которую приносит обычно божественная сила. Над селением повис простой дождь, и селение, притихнув и озираясь по сторонам, молча разбрелось по домам. Дождь принес с собой ту тишину, которая мнилась мне навсегда утраченной. Дождь, мирно шелестя, опускался на селение, словно в зыбком осеннем тумане кралась меж кустов ночь. Шелестел дождь, подобно раздумью нисходя на селение. Да, я ждал десницу Голиафа, которая сгребет меня в горсть и потребует к ответу, ничего не прощая, но напуганный дождем Голиаф жался теперь по башням, напрочь позабыв обо мне. И теперь меня призывали бумаги, все виденное просилось на бумагу, и я принялся искать свечу.

Но стоило мне зажечь свечу, как я тут же обнаружил следы человеческого присутствия в моей темной келье подобной комнатенке. Словно кто-то только что вышел из комнаты, оставив чуждый и таинственный запах.

Я распахнул дверь и в страхе выскоčil наружу. На улице шел дождь.

Возвращаться назад не хотелось, я страшился возвращения, но здесь было мое единственное на земле пристанище, и я вернулся, затеплил свечу и стал искать

того «кого-то». Никого не было видно, но запах чужого по-прежнему витал вокруг. Словно бы тот человек ушел и в то же время остался, схоронившись в уголочке и, затаив дыхание, тихонько дожидался моего ухода, дабы вновь обойти комнату, обыскать ее всю, все обнюхать и до всего дотронуться рукой. Я крадусь, уголок за уголком обходил свою келью, чувствуя, что отныне мне никогда не быть уже одному, что моему мучительному, но сладостному и беспросветному одиночеству пришел конец. Толстые стены комнаты сделались прозрачными, а комната — открытой и легко обозримой для всех. Отныне, стоило мне сесть к своему столу, разложить бумаги и взять в руки перо, как тот некто, сделавшийся вечным обитателем и членом моей семьи, становился за моей спиной, впивался взором в бумагу и, таинственно улыбаясь, цепко ощупывал каждую букву. А осмелев и пообвыкнув, он мог достичь и большего — угадывать мои мысли... Но это уже было невыносимо для меня. Как только он проникнет в мои мысли, я выскочу на кровлю моего дома и подобно тем мужчине и женщине, потерявшим сына, начну кричать:

— Помогите!

Да, мысль стала для меня святая святых, ничего, кроме мыслей, у меня не оставалось. Я был счастлив лишь в мыслях и трижды счастлив тогда, когда мысли мои ложились на бумагу. И в мыслях моих обрел я подобие выхода: я дам волю тому некоему, пусть себе скребется, как мышь в уголках комнаты, пусть себе обыскивает и пусть тем самым обретет решительность. Решительность породит в нем новые желания, и эти новые желания будут как раз стремлением проникнуть в мои мысли и душу. Это должно было произойти неизбежно... Ведь в конце концов все приходит к мысли... Это случится в «один прекрасный день», и в тот день я забуду все — и страх, и робость, и благолепие... Обезумев от ярости, я отчаянно схвачу за горло обитателя моей комнаты, выволоку его на крышу и.... И потом... Я даже боялся подумать, что будет потом, я не знаю, что может быть потом.

Но это случится, наверное, много времени спустя... Теперь же вокруг меня лишь темная келья. Я заперт среди четырех стен, и сквозь эти толстые старинные

стены не проникает гул победившего селения, а мой соглядатай пока всего лишь бродящий бесплотный и бесцветный дух. Выволочь его на крышу пока что невозможно, пока он должен пожить здесь...

Я подошел к столу, зажег свечу, разложил бумаги, приготовил перо и тут же вздрогнул. Я видел, как дрожит в моей руке перо. За спиной я почувствовал чье-то прерывистое дыхание, чей-то пронзительный взгляд висел на кончике пера, словно капля чернил. Я осторожно поднял голову и обернулся: на стене трепетала моя черная тень, а за сундуком скреблась мышь... Я сидел, слушал и ждал. Потом я вновь ощутил спиной чье-то размеренное дыхание.

Я поднялся. Послышались чьи-то шаги. Я приник к дверям и подождал. Звук шагов, постепенно приближаясь, стал отчетливей. Кто-то тихо подкрался и остановился возле дверей. Я стоял, тесно прижавшись к двери, и ждал. Но больше не доносилось ни звука. Я одним махом вытащил засов и настежь распахнул дверь. У дверей не было ни души...

Я сбежал по лестнице и вышел на улицу.

Дорогу мне преградил какой-то пьяный.

— Куда идешь? — спросил он.

Я не откликнулся. И продолжил путь. Я шел, насквозь промокший под дождем, и думал о моем друге Георгии Балнаури.

Он стоял на дозорной вышке своей башни и глядел на селение, как и подобает всемогущему победителю. Так смотрел он на наше крохотное, словно бы съезжившееся селение, когда мы, впервые оказавшись на свободе, взобрались на вершину хребта и увидели издали наши родные места. Тогда мы были счастливы и у друга моего было одно-единственное желание — взобраться на вершину хребта, чтобы увидеть оттуда весь мир. Теперь мой друг был похож на избалованное дитя. Нельзя допустить, чтобы ружье попало в руки ребенка! А он взял ружье, и коль скоро оно попало ему в руки, целится в нас. Нет, мой друг вовсе не безумец. И ружьем он будет забавляться недолго. В один день, когда оно надоест ему, он забросит его в какой-нибудь темный угол. Но это будет много лет спустя... А пока что ружье ему не приелось. Он держит его в руках и целится в нас. Он видит, как все бросаются врассыпную,

как все прячутся. Люди пытаются обезоружить его, но им силе не под силу, ибо обладатель ружья вероломен. Обладатель ружья забавляется. Он издевается над беглецами, презирает трусов, кичится своим всемогуществом, своим ружьем... Сегодня как раз первая ночь его торжества. Он стоит на дозорной вышке своей башни и кичливо созерцает селение. Галдеж победившего селения достигает небес. «Этот галдеж даровал тебе я!» — думает про себя обладатель ружья, и гордость переполняет его сердце, ибо крохотное, съезжившееся, задумчивое и дремотное селенье вдруг выросло, налилось, окрепло, взошло как на дрожжах, а над ним стелются густые испарения. Пока что это испарения хашламы, шашлыков и вина, для села все начинается с этого. Все остальное придет потом! Все остальное принесет другой день и другая ночь. А то, что должно было случиться, уже случилось: до сих пор дремотное и бессильное селение боялось других, оно все время пребывало в страхе, как бы кто-нибудь не напал на него и не ограбил. Но отныне подобные страхи как рукой сняло — отныне никто не посмеет сунуться к ним! Да что там сунуться! Отныне все будут пребывать в страхе, в ожидании нашествия и грабежа. Отныне они сами почувствуют себя бессильными и униженными. Селение ощутило свою силу, и теперь его будоражит прилив этой силы, наслаждение этой силой. Это то самое мгновение, когда собственное бессилие забыто напрочь, когда все мнится вечным — и возвышение, и равенство с небом, и непобедимость. «И эти мгновения даровал селению я, и никто другой», — так думает старейшина, стоя на дозорной вышке. А окрест темная ночь. И только селение объято языками костров, лишь здесь достигает небес безудержное веселье, лишь здесь, на одной горсти земли... Но почему лишь на одной горсти? Нет, селение велико, далеко раскинуто, размножено и победоносно. Языки пламени лижут небо, и костры эти видит весь мир. Шашлыки шипят на углях, и их запахами окутано все село. Песня скачет по дворам, льется с крыш. Все село орет какую-то песню, в которой можно разобрать лишь осипшие голоса и из которой сыплются лишь ключья мятущейся души.

А что потом, что потом, что за этим?.. Неужели этим начинается и этим кончается все? — На вершину башни, словно ворон, садится грозная мысль, и одереvende-

невший старейшина селения озирается по сторонам. А вокруг никого. Вокруг вдруг устанавливается пустота, и селение как бы вымирает. У селения обрывается голос, и хаотическая песня укутывается в золу испепелившихся костров. Башни сереют пуще прежнего и тонут в навалившейся мгле. Гаснут костры, и над селением воцаряется мрак. К горлу старейшины подступает темная ярость. Он покидает дозорную вышку, входит в покои, делает знак стражнику, чтобы тот удалился, запирает дверь на засов, гасит свечу и, словно одеревенев, застывает во мраке. «А что потом, потом, после этого?... Неужели это и есть все? Но ведь это ничто!» — вслух говорит он себе, шаря руками, нащупывает во мраке стену и, дрожа, прикасается к мечу своего отца — Мангии Балиаури. И как только рука его касается меча, меч холодно звякает, и молодой Балиаури в страхе пятится назад. Меч холоден, как лоб мертвого Мангии Балиаури. Молодой Балиаури помнит ледяной холод лба, и этот холод и поныне леденит его руку. Георгий помнит, как подошел он в полночь к трупу всеми покинутого отца и провел рукой по его лбу. Помнит и до сих пор не может понять, что это было, что означало это прикосновение, ласку или приобщение к смерти. И так же, как и тогда, у изголовья покойника, он касается ледящего, словно покойник, клинка, в страхе озирается по сторонам и тихо произносит: «Бедный отец!» Но слова эти не были словами сострадания ни тогда, у изголовья покойника, ни теперь, когда рука его коснулась отцовского меча. То, что произошло мгновение назад, не видел никто, и старейшина постарается навеки позабыть об этом. Мгновение назад молодой старейшина впервые, в минуту своего торжества, вспомнил бедного Мангию Балиаури, хозяина этого хладного меча, которому меч нужен был лишь для отражения нападения, а самому ему никогда не приходило в голову брать в руки меч для покорения кого-либо. При мысли об этом лицо молодого старейшины вновь заливают краска гнева. «Конечно, отныне мы не боимся никого... Да устрашаты нас!» — громко говорит старейшина, удивляясь тому, каким же образом он, победивший, всемогущий, остался в полном одиночестве в этих глухих и темных покоях. «Зажгите свечу!» — кричит он, срывает с двери засов, выбегает на улицу и

идет прямо туда, откуда несется гам и где его приближенные предаются разнузданному разгулу. Но стоит старейшине сделать шаг, и он тут же застывает как вкопанный. И в гаме этом нет ему места! Одиночество — доля старейшин — навеки стало спутником его жизни... При мысли об этом молодой старейшина возвращается назад, вновь взбирается на дозорную вышку и смотрит на селение.

Внизу кипит селение, и это немного успокаивает старейшину, но раздраженному и разъяренному старейшине мало теперь разгула селения. Языки костров уже не возносятся в небеса, и сельский гомон похож на выхолощенный шепот. Старейшина еще больше выходит из себя. Так быстро и так легко утоленное вожделение не говорит старейшине ничего утешительного о мужской силе селения, и старейшина думает вслух: «Почему они перестали петь?». И тут же за спиной его раздается чей-то голос: «Пошел дождь...». Старейшина оборачивается и видит рядом с собой Хирчлу, возвышающегося словно тень. «Ступай, скажи, пусть поют», — шипит разъяренный старейшина, и Хирчла растворяется во мгле. Но старейшина тут же понимает, что сказанное им такая же глупость, как и пение селения, подстегнутое стараниями Хирчлы. Старейшина пугается этого глупого пения. Он покидает дозорную вышку, вновь идет к своим покоям и делает знак молодому стражнику, чтобы тот убирался. Как только старейшина войдет в покои, закроет дверь на засов и погасит свечу, стыд от своих глупых слов, словно ярость, сдавит горло. Он не желает пения... Он желает остаться один... И старейшина догадывается, что отныне его одиночество не будет настоящим одиночеством. В эти мгновения сельский старейшина уже не похож на избалованного ребенка, дорвавшегося до ружья и целящегося в нас. Ружье вдруг потяжелело, и малыш не чает, как с ним развязаться. Насмерть перепуганный малыш озирается в темноте, страстно желая, чтобы кто-нибудь оказался с ним рядом, кто-нибудь, но только не Хирчла, только не стражники и только не селение... Малыш теперь мечтает о том, кого бы он любил... Но вокруг ни души, и впервые с тех пор, как малыш сделался старейшиной, он чувствует себя беззащитным... Эта беззащитность вновь выводит его из себя. Он вскакивает, бросается к стене и

хватает рукой хладный меч. Меч хладен, словно мертвец, но старейшина уже не боится мертвцов. Старейшина не боится уже ничего на свете.

Как будто все юношеские видения стали явью, превратились в действительность. Не осталось ничего, о чем бы мечталось в юности и что бы оказалось недостижимым, и все же душу его все больше и больше гнетет пустота. Пустота начинается ранним утром, когда он обходит свои покои и не встречает на своем пути ни единой живой души, кроме окаменевшего юноши-стражника и Хирчлы, следующего за ним, словно тень, дабы одиночество старейшины не стало настоящим одиночеством. Он жаждал стать предводителем селения, чтобы победоносно покорить ближайшие ущелья. Он стал старейшиной, и он покорил ущелья со всеми их богатыми и многолюдными селениями. Его войско захватило коней, скот, увезло огромную добычу. Насытилось войско и все его приближенные, но все же в душе старейшины остался изъян, о котором он никому не говорил и который наполнял его сердце печалью. Приходит Хирчла — бесплотная тень селения и подробно излагает все слышанное в селении. Старейшина знает, что все сказанное селением доходит до него обезображенным, выскобленным и выхолощенным, а все же сердце его приятно обмирает, когда он внимает словам тени о мужестве, неистовстве, бесстрашном сердце и мудрости старейшины, о его сострадательной и рыцарской душе... Слушая это, старейшина на мгновение забывает обо всем на свете и даже о том, что все это говорит ему не селение, а всего лишь посредник и что многое из сказанного нельзя принимать на веру. Забывает старейшина и о том, что еще недавно он и сам был сыном селения, беззаботным юношей, подобно всем своим друзьям, и что не мог он внезапно, благодаря всего лишь одной победе, превратиться в бога. Да, он забывает обо всем на свете, а башня растет все выше и выше, и вот она достигла уже небес, и старейшина, вознесенный на небеса, обещает селению блага, о которых может только помыслить человеческий разум. Однако это продолжается лишь мгновение, краткое мгновение забытья, и стоит мгновению этому пройти, как в сердце старейшины вновь вползает червячок сомнения о суетности всего сущего, ибо лесть не

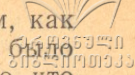

смогла обратиться в действительность. И тогда старейшина вновь приходит в себя, и в его видениях оживают недостижимые картины геройства, того геройства, о котором слагают легенды и песни, о котором рассказывают внукам дедушки и бабушки, как, бывало, не раз слушал он из уст своего отца Мангии Балаури. Старейшина озирается по сторонам, не в силах обнаружить геройства в своем победоносном походе. Героев не видно! Видны лишь воины, предающиеся грабежам и разбою, а впереди этих воинов шествует Хирчла, благословляемый и направляемый указующим перстом старейшины. Стоит старейшине только подумать об этом, и в душе его зреет новая истина: легенды и песни лгут! Геройства никогда не бывало в природе, героев не бывало ни в одном войске... А если это так, то и старейшина не сможет стать истинным героем, пусть даже сложат о нем легенды и песни. И пусть эти песни и легенды введут в заблуждение потомков, сам-то он унесет в могилу истину, что легенды лгут, что песни выражают лишь небесные видения и человеческую мечту, не имеющие ничего общего с тем, что происходило вчера, и с тем, что произойдет завтра.

Таков был в моих мыслях старейшина, возвратившийся из похода. А предавшееся разгулу селение ни сном, ни духом не ведало, что их удалившийся от мира сего старейшина все ночи напролет размышляет о суетности и ничтожности всего сущего. Лишь я догадывался об этом, все это происходило лишь в моем воображении, ибо на всем свете лишь я один знал сельского старейшину как самого себя, и лишь я один мог судить о его мыслях, как о своих собственных.

Он не выносил одиночества и был одинок. Он исполнил все свои мальчишеские желания и все равно ничего не обрел. В душе его осталась пустота. И если я и вправду знал его как самого себя, то знал я и то, что он встанет и, удрученный одиночеством, примется искать кого-то. Он не поверит в исполнение желаний и, плененный другим, неисполнимым желанием, выйдет на дорогу, подобно оголодавшему и разъяренному от вождения быку.

И песня была создана как раз об этих днях из жизни старейшины. Песня эта привлекательна, как и многие песни, лишь привлекательна и только, но еще

больше лжива. В песне ничего не говорится о том, как вошло войско в крохотное, бедное селение, где не было видно ни единой живой души, ни съестного, ни того, что можно унести с собой, ни развлекательного, ни потешного. Перед глазами войска было селение, но назвать его селением было все же трудно. Селение схоронилось, ничего не забрав с собой, ибо забирать ему было нечего. Разочарованное, привыкшее к мародерству войско не знало, что делать. Оно терпеливо обыскивало подворья, ища то, чего не было. От ярости воины скрежетали зубами и были готовы сцепиться друг с другом при одной только мысли, что придется возвращаться восвояси с пустыми руками.

Старейшина закрывал глаза на жадность войска, словно ничего не знал об этом. Сам он был бескорыстен, в захват и дележ добычи не вмешивался. Зато войско и селение успешно управлялись с этим делом сами, без помощи своего предводителя, свободно отпускающего удила, ибо разнузданное селение было счастливо, зная к тому же о том, что счастье это даровано ему старейшиной. Старейшина прекрасно понимал, что без предвкушения выгоды селение не ступило бы и шагу, и с каким-то язвительным сладострастием наблюдал за селением, беззаветно предающимся грабежу и насилию. Любознательность двигала им в его стремлении дойти до конца, попристальней всмотреться в обнаженную жадность, а затем в итог и конец этой жадности. Старейшину не пугал конец, ибо, уверовав в свои силы, он все больше и больше убеждался в том, что сумеет повести потерявшее человеческий облик селение куда угодно и что даже самый страшный конец ему удастся обратить себе на пользу. И обнажение села с головы до ног требовалось старейшине для собственных целей. Он желал до конца увидеть, что представляет собой селение, что есть селение и чьим пастырем является он сам. Старейшина молчал, и это молчание селение принимало за согласие, безгласную потачку и бездумное отпущение на волю по собственному усмотрению. Загрebuщее и утерявшее чувство сострадания село не ведало, что старейшина смеется над ним...

Целый день прошел так, что старейшина даже не знал, что творится в этом жалком и чужом селении, и вообще ему была глубоко безразлична разочарованность

войска. Отчужденный, укрывшийся ото всех на опушке леса старейшина с содроганием вспоминал свое прошлое жилище, в которое ему волей-неволей придется возвратиться и в котором ждут его нескончаемые, тягучие бессонные ночи. Приближалась зима, и старейшина думал о зимнем одиночестве и безумии так, как думают о злейшем враге, стремящемся раздавить тебя... И лишь в сумерки, когда селение покрылось мраком, старейшина, запахнувшись в бурку, чтобы никто его не узнал, стал обходить рассеянное по селению войско.

Дома, зияющие черными провалами, молча глядели на него, и окрест стояла такая тишина, словно и войско схоронилось вместе с селением, погрузившись в тяжелый сон. В тишине этой старейшине мнилась тайная укоризна, и он в сердцах обругал себя за то, что вышел из лесу, дабы обойти селение. Ему вдруг мучительно захотелось повернуть обратно и, не оглядываясь, бежать восвояси, даже если путь домой будет для него тяжким, как восхождение на Голгофу. Однако какое-то предчувствие события не давало ему покоя и гнало его от двора ко двору, от проулка к проулку. Это предчувствие всегда гнездилось в нем и почти никогда не подводило его. Вот и теперь старейшина безошибочным чутьем угадывал, что за этими зияющими, темными, глядевшими с укоризной домами скрывается гораздо больше, нежели в тех сытых и полных добра селениях, которые доныне приходилось грабить его озверевшему войску. С этим предчувствием подошел он к ограде загона, у которой валялась замученная девушка, замызганная кровью и грязью. Для старейшины это не было неожиданностью, но он, тем не менее, остановился возле девушки, озираясь по сторонам, так же беспомощно, как лежала эта несчастная девушка, уставившаяся мертвым взором в стену серой башни.

И тут же рядом со старейшиной возникла тень Хирчлы.

— Не поспел я... — прошептал Хирчла.

Старейшина ни о чем не спрашивал и, говоря по правде, вовсе не желал выяснять что-либо. Он даже подумал было, что на мгновение оглох и ослеп, но какая-то сила вновь продолжала гнать его от подворья к подворью. Старейшина не знал, что Хирчла не только поспел, но и видел своими глазами, как воины вытаци-

1105040
3030010033

ли из башни хроую и чумаую девушку, не отличающуюся ни статью, ни красотой. В другое время вряд ли кто польстился бы на нее. Но теперь ни статья девушки, ни красота никого не волновали. Закон набега требовал своего. Это было единственное живое существо, да еще в платье, на которое набрело рыскающее войско, и теперь это существо приобрело в глазах оголодавшего войска и цвет, и плоть. Парни швырнули к ограде загона онемевшую от страха девчонку. Девушка обрела голос и закричала лишь тогда, когда трое парней одновременно содрали с нее платье и бросили на сено в чем мать родила. Парни стояли и смотрели на нес. Мокрая от слез, вспотевшая от страха, скорчившаяся девчонка, брошенная на сено в чем мать родила, походила на мгновение назад родившегося теленка, еще не облизанного и не омытого матерью. Но в глазах парней она была полной и сияющей, как луна, девушкой, глядевшей на них расширенными от ужаса глазами в ожидании того, что произойдет. И в ожидании этом все, что должно было с ней случиться, имело лишь облик смерти... Но как пришла смерть, девушка не ощутила. Она почувствовала лишь сильные руки и мертвую хватку того парня, который первым содрал с нее платье и бросил в чем мать родила. Но это еще не было смертью. Не была смертью и та глухая неведомая боль, которую внезапно причинил ей парень. Вместе с этой болью все вокруг укуталось в зимний туман, и девушка уснула в этом теплом тумане.

После этого девушка уже не просыпалась.

Смерть пришла тогда, когда один рябой взьерошенный парень громко крикнул из-за ограды загона:

— Холодна как лед!

Парни заготовали и навалились на ограду. У подножия забора навзничь валялась девушка с широко распахнутыми мертвыми глазами и открытым ртом. Взьерошенный рябой мелко дрожал и как зверь, пытающийся найти лазейку, чтобы удрать в лес, тыкался в ограду.

Гогот смолк. Парни разом, как по команде, повернулись спиной к девушке и, бросившись на траву по ту сторону забора, принялись сворачивать самокрутки. Лишь рябой так и остался стоять возле девушки, взьерошенный и настороженный, словно загнанный зверь,

готовый к побегу. Голая, беспомощная девушка, валявшаяся у его ног, на мгновение показалась ему не чуждой. В отличие от парней, дымивших на траве по ту сторону забора, рябой вдруг почувствовал нечто. Нечто было крошечным, настолько крошечным, что, подобно искре, промелькнув, тут же погасло в его сознании. Это случилось как раз тогда, когда парень, схватив в охапку сено и с испугом осмотревшись, прикрыл этим сеном тело девушки. Из-под сена теперь виднелись голова девушки и так и оставшиеся открытыми мертвые глаза. Парень насмерть испугался этих глаз, волосы у него встали дыбом, и он одним духом перемахнул через ограду. Остановившись над верзилой, разлегшимся на траве, парень крикнул:

— Это ты во всем виноват!

Верзила поднялся, свысока глянул на взъерошенного рябого и спокойно спросил:

— В чем это я виноват?

— Ты виноват, ты! Это ты убил ее! — кричал рябой.

Верзила, не вымолвив ни слова, повернулся к нему спиной и вновь разлегся на траве. Теперь рябой был отдельно, а парни, разлегшиеся на траве, — отдельно. И рябой не мог взять в толк, чего это он вдруг взъелся на этих парней, в чем винил их и чего вопил на верзилу, после которого досталась ему девчонка, валявшаяся на сене. Рябой ничего не понимал. Он чувствовал лишь то, что в это мгновение парни, разлегшиеся на траве, были его врагами. Они были вместе, а он остался в одиночестве. «Ну что, ничего не досталось тебе, рябой?» — крикнул ему кто-то. Парни загоготали. Эти слова и этот гогот вдруг все сделали незначительным. Все стало удивительно простым, и рябой устыдился своей горячности. Ничего не досталось рябому, даже объедков и то не досталось... И так же просто, не задумываясь, рябой вытащил кинжал и вонзил его в грудь верзилы.

Когда пришел Хирчла, верзила был уже мертв.

Парни безмолвствовали.

Рябой подался в лес.

Да, старейшина ничего не знал об этом, да и не хотел ничего знать.

Нет об этом ни слова и в песне. Впрочем, песня начнется после, когда безошибочное чутье старейшины приведет его к самому главному событию. А пока что старейшина стоит на полуобвалившейся кровле и прислушивается к безмолвному селению. Старейшина один, но он знает, что, стоит ему шепнуть, и тень Хирчды, готовая ответить на любой вопрос, тут же возникнет перед ним.

И вновь какая-то сила гонит старейшину вперед, ибо то, чего ищет старейшина (а он не знает, чего ищет), находится не здесь, на этой полуобвалившейся кровле. При мысли об этом старейшина продолжает свой путь. Кровля переливается в кровлю, башни громоздятся друг над другом и, угрюмо косясь, терпеливо ждут чего-то. В загонах не фыркают кони, не мычит скот. Лишь время от времени раздаются возгласы воинов, перекликающихся с башен. И горы вторят этим звукам. Кто-то загогочет, и башни отвечают гоготом. Кто-то начинает петь, но никто его не поддерживает, и песня обрывается так же внезапно, как и началась, в безмолвии заброшенного и разгромленного селения. Старейшина продолжает путь, и вдруг до слуха его доносится стон раненого. Стон неожидан, ибо старейшина знает, что в войске не может быть раненых. Войско не сделало ни единого выстрела из ружья и ни разу даже не оголило меча. Все случилось тихо и неподобающе для войска: был совершен набег на селение, но вместо селения их встретили лишь дома, а дома не стреляют и мечом не размахивают. Войско только тем и занималось, что крушило двери домов, ища драгоценности в распотрошенных постелях и сундуках. Знает старейшина и то, что ни в постелях, ни в сундуках не удалось обнаружить ничего стоящего. Селение, словно бы заранее зная о готовящемся набеге, заранее же нашло для себя надежное убежище, откуда с болью в сердце смотрело теперь, где вспыхнет огонь и на верхушке какой из башен взметнутся к небу языки пламени.

А стон слышался по-прежнему, и это действительно был стон раненого. Старейшина подошел прямо к тому палисаднику, где двое воинов, уложив на тахту раненого, промывали ему рану водкой.

Старейшина оглянулся, и тут же перед ним возникла тень Хирчлы.

— Они схватились друг с другом, — шепнула тень.

Старейшина ни о чем не спрашивал, и тень сразу догадалась, что старейшина желал узнать то, чего не договорила тень — причину поединка.

— Они дрались из-за сабли, — шепнула тень.

Старейшина и сам уже обо всем догадался, все увидел воочию, и тень, не посчитав нужным сказать что-либо еще, исчезла, оставив старейшину в полном одиночестве. И старейшина отчетливо увидел, как набрали те двое на посеребренную саблю — единственное сокровище этой жалкой затерянной деревушки, запрятанное в старинном сундуке где-то в этом крохотном домишке. Воины обнаружили саблю вместе, одновременно коснулись ее рукой, и не было вокруг никого, кто бы рассудил, кому принадлежит добыча, которую нельзя было ни разделить, ни разрезать. А сабля — гордость дома, оставшаяся здесь по насмешке судьбы, ослепительно сверкала, будя соблазн и неодолимо притягивая к себе. И те двое с самоотверженной яростью вцепились в нее. Казалось, что все счастье этих двоих сосредоточилось в этой сабле. Все вокруг исчезло — не было уже ни селения, ни семьи, ни неба, ни земли, была лишь эта соблазнительно сверкающая, сказочная сабля, поражавшая своей царской величавостью и силой. И когда в руке одного из воинов оказались лишь пустые ножны, а у другого обнаженная сабля, этот другой без раздумий взмахнул острой саблей, уложив на месте своего товарища. Теперь раненый, агонизируя и стоная, боролся со смертью, а друзья его промывали рану водкой, добытой с огромными трудностями.

— Куда подевалась сабля? — спросил старейшина. Тень молча протянула ему саблю.

Старейшина взглянул на саблю и холодно отбросил ее.

Тень вновь исчезла.

Сабля валялась на земле и никто не смел поднять ее.

Теперь старейшина не желал видеть ничего больше. Даже неведомая сила, тайным голосом призывавшая его и заставлявшая бродить по селению, внезапно умолкла. Да, теперь он действительно желал остаться

в одиночестве, уйти от всех и предаться своим безжалостным мыслям. Нет, старейшина не увидел ни геройства, ни героев. Вместо героев по этому запустению рыскали жадные волки и, не найдя поживы, отыскивали следы крови на телах друг друга, чтобы сцепиться и разорвать на части друг друга. Лгали легенды и песни, лгали Мангия Балиаури и его дряхлые дружки, не устававшие с утра и до полуночи, сидя у очага, рассказывать небылицы о несуществующих и незримых героях. Все были лжецами, и все оказалось ложью! А правда — вот она, правда: валяющаяся на сене девочка с выпученными глазами и открытым ртом, взерошенный рябой, утоливший вождедение верзила, на смерть сцепившиеся из-за сабли войны и сама эта сабля, мерцающая, словно луна, посреди двора. А он, старейшина, со страху не в силах пресечь все это. Старейшина знает, что стоит ему удалиться отсюда, и эта соблазнительная сабля найдет себе еще не одну жертву... И старейшине ненавистны и эта сабля, и это войско, и весь подлунный мир. Старейшина собирается бежать, и он уже повернулся, чтобы бежать, но на одной из башен в конце села вдруг взметнулось пламя, и старейшина поспешил туда...

Пламя, полыхавшее на вершине башни, освещало весь двор. Воины выволокли во двор сухощавого старика в черном одеянии, намереваясь связать его по рукам и ногам. Старик с окаменевшим лицом, не подчиняясь воинам и простерев руки, молча рвался к пылающей башне. В отвесных огнях глаза его сверкали, подобно угольям, и первое, что увидел старейшина, был не старик в черном, окруженный воинами, а эти глаза. Это были непокорные, грозные и в то же время отчаявшиеся глаза зверя.

— Кто ты, старик? — спросил Георгий Балиаури.

...Отсюда и начинается песня. Вместе с пламенем, полыхавшим на вершине башни, в песню входит и имя Георгия Балиаури, имя всеильного предводителя и вождя. Старик оказался старейшиной этого селения. «Я — старейшина этого селения», — гордо сказал старик, и, как требовал закон, старейшина-победитель протянул руку побежденному старейшине. В эти минуты Георгия Балиаури красили царственная величавость и сострадание. Воины стояли в сторонке, а ос-

вещенный огнем молодой старейшина протягивал старику руку сострадания. В песне поется, что в эти минуты Георгий Балиаури был могуч и красив. Пламя освещало его мужественное лицо, огромные, неистовые глаза и добрую улыбку. «Там мое дитя», — сказал старик и направился прямо в огонь. В песне поется, что, услышав это, воины окружили своего предводителя, прося у него разрешения спасти дитя старика, но красивая песня безбожно лжет в этом месте. В отвесах полыхающей башни воины стояли понурясь, как побежденные, и ни один из них не понимал, с какой это стати должны они бросаться в горящую башню за оставшимся там дитятею старика, чего ради должны они жертвовать собой или кто такой вообще этот старик и на что он сдался их предводителю. А старик по-прежнему простирал к огню руки и дрожа шептал:

— Дитя!.. Мое дитя!

В те времена Георгий Балиаури все еще жаждал геройства. Он совершенно не думал об этом старике и подобно своим воинам не имел понятия, кто остался в той горячей башне — девушка или юноша, взрослый или ребенок. И все же глаза молодого старейшины сверкали испытующе, жестко и с отвращением. Скучившиеся, вжавшиеся друг в друга воины походили на серых волков, и в отвесах пламени глаза их горели недоверием и злобой. В этих глазах старейшина увидел лишь трусость, и он проникся отвращением к этим глазам. А отвращение внезапно раздуло жалость, тлевшую в его груди. Теперь старейшина презирал своих воинов и любил этого старика, простиравшего руки к башне, объятый пламенем. Да, песня пропускает это место, но зато венчает величием молодого Георгия Балиаури. Это место в песне искренне и багрово отсвечивает светом пламени, это место в песне трепещет жгучей, горячей страстью, и молодой старейшина входит в горящую башню так, как вступают цари в мраморные дворцы...

И пока воины приходили в себя, Георгий Балиаури переступил порог башни. На вытянутых руках молодого старейшины покоилась девушка. В песне поется, что это была самая красивая девушка на всей земле, и, как обычно поется во всех песнях, она, конечно же, была прекрасней солнца. Старик прекло-

нил колена пред молодым старейшиной и приник губами к его коленям. Георгий Балиаури посмотрел на очнувшуюся перепуганную девушку... В отсветах огня, словно в пламени свечи, трепетало чудо...

Старик, позабыв о гордости сельского старейшины и уронив голову на грудь, заплакал перед Георгием Балиаури.

Георгий Балиаури поднял старика и сказал:

— Не бойся...

Потом обернулся к своим приближенным и заявил во всеуслышание:

— Эта девушка будет мне женой!

Предводителю подвели коня. Старик попросился с дочерью, и девушка так покорно уселась на коня Георгия Балиаури, словно всю свою жизнь ждала его прихода, и вот, наконец, настала пора исполнения ожидания. Песня кончается разговором рыцаря Балиаури с войском... Идет войско! Войском предводительствует старейшина, а на коне предводителя, держась за его спину, съезжилась девушка. Войско поет, девушка плачет. Но войско видит — это слезы счастья. «Как мы назовем эту девушку?» — спрашивает у войска предводитель, и войско в один голос отвечает: «Шукия!»¹ «Да будет она Шукией!» — провозглашает предводитель, а девушка, затаив дыхание, замирает под буркой... Песни любят преувеличивать, и хотя в них многое вымышлено, этот вымысел облагораживает Георгия Балиаури. Вымысел, словно тень, следует по пятам за каждым предводителем и либо марает имя героя, либо старательно пытается смыть с него все пятна. В этой песне все прозрачно, как родник, тепло и ясно, как солнечный луч.

В старинных песнях жаркое солнце и всеистребляющее время стирают и сжигают следы зла, и в памяти людской остаются созданные песней святые имена.

Но в ту ночь, когда Георгий Балиаури, восседая на коне, вез девушку, доверчиво, как ягненок, прижавшуюся к его спине, песня слагалась сама по себе. Георгий же Балиаури остался отдельно, отчужденный от войска. Вокруг словно бы не было никого: ни коней, ни воинов, ни тени Хирчлы, неотступно следо-

¹ От слова «шуки» — свет.

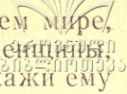
вавшей за ним. Вокруг были лишь горы. Тропинка петляла по горе, и парень, восседавший на верном коне, вез свою девушку. Парень как будто бы знал, что где-то в башне, прилепившейся к склону горы, встретится ему девушка, думающая только о нем и ждущая его одного. Теперь ожидание кончилось, парень ехал темной ночью, и ничего на свете не было для него желанней этой темной ночи и этой девушки. Парень никому не сказал тех слов и не спрашивал у войска, как назвать эту девушку. Он и без того знал, как назовет ее, и ничей совет ему не требовался. Парню не нужен был и Хирчла, понуро ехавший рядом, дувшийся на хозяина и смотревший куда-то вбок. Укором предводителю звучали и шум войска, и ржание коней, но парень не чувствовал ничего, кроме жгучего тепла, словно жизнь трепетавшего за его спиной. Так въехал он в селение, так остановил коня возле своей башни и помог сойти девушке. Крепостные ворота распахнулись, и он, подхватив девушку на руки, внес ее внутрь. Он шел под темными сводами и, не оборачиваясь, ощущал спиной подглядывающие из-за углов глаза. Эти глаза безмерно раздражали его, в какой раз доказывая, как трудно остаться в одиночестве под этими сводами. А теперь ему не требовалось ничего, кроме одиночества. Эта ночь должна была принести под эти своды лишь сокровенную тишину, и он должен был праздновать свое счастье в покоях, наполненных покоем, лицом к лицу со своей новой жизнью. И этот праздник одного счастливого человека должен был быть гораздо более величественным, нежели все многолюдные празднества. И он мог в эти минуты, тут же, не сходя с места и не раздумывая, отомстить любому, кто вольно или невольно нарушит это великое одиночество. Он обернулся и шепотом произнес: оставьте меня одного... Он прошептал это так, словно нес на руках спящего ребенка. Впрочем, девушка и впрямь была погружена в полусонное забытие. С той самой минуты, как смолк переполох за стенами башни, как распахнулась дверь ее обители и вошел этот парень, девушка, забившись в темный угол, ждала смерти — сначала смерти всего селения, потом смерти отца и, наконец, когда затрещит дверь ее обители, смерть придет и за ней, дабы забрать ее с собой. Но дверь распахнулась, и вме-

сто смерти в комнату вошел парень с очень знакомыми и близкими глазами, парень, которого столько времени ждала девушка. Он вошел, растерянно заглянул в глаза девушке и улыбнулся. Вместо кровопийцы перед ней стоял добросердечный парень, и девушка, зажмурив глаза, доверилась его доброте. Парень подхватил ее на руки и вынес наружу, во двор, освещенный багровыми языками пламени. Что случилось потом, девушка помнила смутно—она уткнулась лицом в горячие сильные плечи доброго парня, и разгоряченный конь уносил их куда-то. Всю дорогу девушка ничего не видела. Не видела она ничего и потом, когда дорога кончилась, кони остановились и войско затихло. Вокруг было темно, темно было и в крепостной башне, куда, никому не доверяя, внес ее на руках парень. Темно было и на тахте, на которую девушку положили, словно куклу, и она ждала, погруженная в туман неопределенности... «Уходите все... Оставьте меня одного»,—донесся до девушки шепот, и вокруг стемнело еще больше. Под сводами башни воцарилась тишина. Парень остановился на пороге покоев и прислушался к тишине. Вокруг не было ни души. Лишь тень дышала рядом с ним. «И ты уходи»,—раздалось в тишине. Парень стоял и слушал, как удаляется звук шагов, пока они не смолкли совсем и пока под темными сводами не установилась тишина, сопутствующая безлюдью. Осторожно приоткрыв дверь, парень увидел девушку с распущенными волосами, стоявшую посреди комнаты со свечой в руках.

— Не бойся, — прошептал парень.

Но девушка не боялась. Парень уже мнил ее сильным, всемогущим, добрым дэвом-спасителем. Дэв подошел к ней и осторожно погасил свечу. Девушка раскрыла объятия и доверилась дэву. Начиная с этой минуты, девушка сделалась самой преданной рабой на свете...

Мой друг обрел счастье. Для всемогущего сельского старейшины это было необычное и простое счастье. Стоило только уснуть селению и миру, как он выезжал за крепостные ворота верхом на коне и в бурке, а за спиной его, как и в тот первый день, подобно агнице, сидела женщина, которая стала теперь его женой и вскоре готовилась стать матерью его ребенка. В эту пору весь мир и впрямь спал, и муж (а друг мой не был уже ни

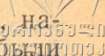
мальчиком, ни юношей), убежденный, что во всем мире, на всей земле нет никого, кроме него и этой женщины подобной агнцу, забывал обо всем на свете. И скажи ему в эту минуту кто-либо, чтобы он бросил все и в чем есть, на этом преданном коне и с этой преданной женой отправился дорогой, ведущей на чужбину, он не колеблясь свершил бы это. Но все, о чем думается и мечтается в пору простого счастья, мы никогда не превращаем в действительность. Хмельной от счастья, возвратившийся в крепость муж на следующий день вновь становился грозным сельским старейшиной до поры, пока не наступали вновь минуты исхода из села, когда сельский старейшина по-прежнему ощущал себя адамовым семенем, до поры, пока он вновь не чувствовал тепла женщины, притихшей под буркой, и пока мир вновь не наполнялся добром.

Так шло время...

Старейшина дал селению все, чего оно хотело, закрыл глаза на низменные страсти и думал, что раз и навсегда завоевал его сердце. А сам же он, бескорыстный по натуре, не желал ничего, кроме славы. Славу он мог добыть в сражениях, и старейшина разгромил все окрестные крепости, ни разу не испытав горечи поражения. Он гнал коня, как бешеный, и не было никого, кто преградил бы ему путь. Поэтому все, что случилось в ту зиму, было для старейшины больше чем неожиданностью. Селение предало старейшину! Запертый в темной келье, голодный и отчужденный, он за три дня и три ночи не вымолвил ни слова, словно против него восстало не одно это селение, а весь мир. И теперь, с головой окунувшись во мрак кельи, старейшина только о том и думал, как отомстить миру. Чего только не предпринимала женщина, чего только не говорила она растерянному, перепуганному и взбешенному мужчине, но злой на весь мир человек не разрешил ей даже войти в келью.

Скверный новый год наступил для старейшины.

В тот год всю осень лили дожди. По узким проулкам ходил лишь озябший скот в сопровождении мальчишки-подпaska. Под нескончаемым дождем селение словно бы вновь съежилось и обезлюдело. Стражник, стоявший возле крепостных ворот старейшины, прячась

от дождя, вжимался в стену и дремал. Стражники, на-
верное, сменяли друг друга, но для меня все они были
на одно лицо—все они походили друг на друга, страж-
ник, еще раз дремлющий стражник и огромная дождли-
вая осень! На смену дождям пришла слякоть и, нако-
нец, в самый канун нового года выпал снег. Так позд-
но снег еще ни разу не выпадал в нашем селении. Се-
ление никогда не ждало снега, ибо он вечно приходил
раньше, нежели его ждали. Теперь же я стоял под дож-
дем и ждал снега, словно бы снег мог изменить что-
то, хотя бы этот печальный дождь, который в общем-то
ни в чем не мешал мне, но был все же очень печаль-
ным. Дождь заставлял меня забыть обо всем, но это
было обманчивое забвение, забвенье дремотных разду-
мий и дождливых туманов. Я вновь возвращался в дей-
ствительность, ощущая, какая сила заключена в этих
мокрых и затаившихся башнях, сила, изнывающая от
дождя и норовящая вырваться наружу.

Зимой селение не ждало вражеских нашествий, зи-
мой оно всегда бывало беспечным и беззаботным. По-
груженное в дремотные видения селение вольготно по-
сапывало, наигрывало на пандури, слагало стихи о ге-
роях, сраженных вражьей пулей, лепило хинкали, нали-
валось водкой. А по ночам, устав ото всего — от хин-
кали и возлияний, от болтовни и угроз, — селение по-
гружалось в забвенье. Всю зиму селение зябко куталось
в золу вожделения. Под конец селению приедалось и
это. Нить терпения вот-вот грозила оборваться. Одно-
образие нескончаемой зимы и невозможность вырвать-
ся за пределы крепостных башен постепенно копили в
селении ненависть, ненависть к несуществующим вра-
гам, могущим быть поблизости или же за тридевять зе-
мель. Ненависть эта стремилась выплеснуться, и если
бы не страх перед старейшиной, замкнувшимся в своей
башне и еще больше усиливающим страх своим затвор-
ничеством, селяне были готовы наброситься друг на
друга. Но именно в тот момент, когда селение начинало
бродить и нить терпения вот-вот грозила оборваться,
глухой гул лавин, срывающихся с гор, оповещал селе-
ние о приближении весны. Тучи рассеивались, и солнце
начинало сиять. Мутно вздувались реки. И тут же из-
за хребта к дверям подступала весна со всеми своими
страстями и волнениями... Пусть со страстями и

волнениями, лишь бы как-то сгнуло это дремотное и бездеятельное однообразие, лишь бы селение вышло из состояния расслабленности, лишь бы заррехотали ружья, сея страх и гибель врагам, лишь бы селение вновь ощутило себя всемогущим! Лишь бы имело смысл и цель точить кинжалы и чистить ружья, лишь бы что-то случилось, что звалось бы для этого селения жизнью! Селение как раз и жаждало жизни...

Вот и теперь начался снегопад без конца и без краю. Снежило и снежило. Дороги закрылись, реки подернулись льдом, деревья покрылись инеем. Лишь вершины хребтов были обметены ветром, лишь через них мог перевалить какой-либо отчаянный смельчак, да и то дорогой ценой и в великой надежде вырваться на волю. Селение, отдавшееся мирной незамутненной дреме, жило уже с зимней беспечностью, еще даже не помышляя о весне, а опостылевшее ожидание еще не бродило в крови.

И именно в пору этой дремоты и беспечности напал на селение враг...

Все свершилось словно бы во мгновение ока — продуманно и расчетливо. Враг пришел в полночь, без единого ружейного выстрела угнал скот, захватил все, что попало под руку, и, пока селение пришло в себя, благополучно скрылся. Это походило скорей на воровство, нежели на набег, воровство же вызвало в гордом селении лишь презрение, презрение и стремление неперменного отмщения.

Селение не знало, о чем думал старейшина. Не ведало оно и о том, как он устранился от мира и, запершись в своей келье, думал не о вражеском набеге или ограблении селения, а бесновался от одного-единственного слова, которое шепнула ему на ухо в полночь тень Хирчлы, маячившая рядом: — Измена!

Селение не ведало, что изменником было само оно — селение.

Когда третий день был на исходе, женщина набралась смелости, взяла кувшин и приоткрыла дверь кельи.

Мужчина обернулся.

В темноте его глаза сверкали, как клинок кинжала.

— Выпей хотя бы стакан вина. Полегчает! — осмелилась выдать из себя женщина.

Мужчина резко поднялся, выхватил кувшин у женщины, опрокинул вино себе в горло, швырнул кувшин об стену, словно стремясь разорвать трехдневное молчание, полное горьких раздумий, и выскочил вон.

— Не ходи за мной! — крикнул он женщине.

За бегущим без оглядки старейшиной бесшумно последовала тень Хирчлы. Была снежная зимняя ночь, и никто не знал, куда он бежал. В эти минуты одна-единственная мысль ворочалась в его беспокойном мозгу. Он ненавидел неблагоприятное и вероломное селение. Теперь мужчина убегал от селения, и чем дальше оставались заснеженные башни и спящее селение, тем больше овладевало его душой ощущение тщетности. Все было тщетно! Все были предатели! Настоящими были лишь эта зимняя ночь и эти заснеженные горы. Если бы эта мысль случайно не промелькнула в душе старейшины, самолюбивый и гордый, он и впрямь оставил бы здешние места. Но мысли о тщетности всего сущего тут же сменялись жаждой отмщения и расплаты. Бегущий по насту старейшина отчетливо слышал звук шагов не отстававшей от него тени, и этот звук вновь возвращал его на землю, в самую сердцевину селения. Этот звук издавал Хирчла, Хирчла, который давеча шепнул ему на ухо одно-единственное, но роковое слово: измена! Это слово глухо отзывалось в ушах старейшины, и теперь звук каждого шага, раздававшийся во мраке, вторил этому слову: Измена! Измена! Измена!

— Да, измена! — крикнул старейшина и внезапно обернулся.

Тень Хирчлы тут же окаменела.

— Измена! — спокойно повторил старейшина, зачерпнул горстью снег и растер разгоряченное лицо.

— Что будем делать? — спросила тень.

Старейшина пристально посмотрел на нее, и в голове у него вновь мелькнула мысль, что ему все безразлично. И даже тень, стоявшая перед ним, превратилась в тень селения. Этот человек походил на селение, и селение гналось за старейшиной сторожкими и вороватыми шагами этого человека.

— Что будем делать? — вопрошало селение, как и всегда ожидая ответа от своего предводителя. И коль скоро все было безразлично, старейшина тихо ответил:

— Делайте что хотите!..

С этими словами старейшина словно бы сбросил с плеч непосильный груз. Вынести приговор изменническому селению он доверил тени того же самого селения. Теперь старейшина уже не был старейшиной, и при мысли об этом ему вновь захотелось остаться одному. А тень стояла в сторонке, не сводя с него глаз.

— Делайте что хотите, сказал я! — крикнул ему старейшина.

Тень не двинулась с места, и взбешенный старейшина направился к ней. Он шел и не знал, что станет делать. Правая рука непроизвольно и судорожно сжимала кинжал, а в ушах у него глухо отдавался единственное слово — измена! И только-только рука старейшины ухватила за рукоятку кинжала, дабы и **впрямь оставить своего хозяина в одиночестве под этим небом**, как тень мгновенно исчезла!

Старейшина засмеялся. И только засмеявшись, увидел он, что собиралась содеять, не спросив хозяина, его десница, крепко сжимавшая рукоятку кинжала, если бы тень не исчезла, мгновенно ощутив холод клинка.

Старейшина остался в одиночестве. Теперь вокруг были лишь холодные снежные горы, а на чистом небе мигали холодные звезды.

Мужчина истосковался по женщине, и он отчетливо увидел те три дня и три ночи, которые он провел в темной келье, укрывшись не только от мира, но и от той женщины. В гуле этих трех дней и ночей мужчина различал лишь женщину, дрожащую возле стены и целиком обратившуюся в слух. Мужчина видел глаза женщины, слышал ее шепот, ощущал ее тепло, и его тело само собой тянулось к этому теплу. Горы стыли все больше и больше, а звезды мерцали все холодней и холодней, и старейшина не мог думать ни о чем, кроме тепла и женщины, которая безмолвно, с какой-то незримой и неосязаемой силой откуда-то влекла его к себе. И такая сила была в этом тепле, что старейшина не мог не покориться и не пойти к ней. Это тепло заставило его забыть все на свете — и селение, и врага, и набег, и даже измену. Все уменьшилось до крохотных размеров, все утеряло смысл, и в этой хаотической бессмыслице постепенно набиралась сил женщина, которая в эту минуту, тут же, безропотно могла умереть ради него. Теперь в мире существовала лишь

эта женщина, и старейшина, словно мальчик, поддавшийся счастливому влечению, бросился бегом к этой женщине. Бег был быстротечен, и мужчина не помнил ничего об этом беге. Он пришел в себя лишь тогда, когда тепло, словно туман, объяло его выстуженное тело. Да, это было именно то тепло, то знакомое тепло, которое влекло его к себе с божественной силой. И мужчина, покорный этому теплу, закрыв глаза, плыл в тумане беспредельного счастья. Вокруг ничего не было видно, ни земли, ни звезд, было лишь бескрайнее теплое пространство, словно только две блуждающие души плыли во вселенной и ничего не существовало, ничего, кроме души, предавшей высшему блаженству. «Останемся здесь, не надо возвращаться», — мчась в небе, думали души, и небу не было конца, небо было целой вселенной...

— Я боюсь того человека... — прошептала женщина.

Мужчина вздрогнул и посмотрел на нее.

Женщина, закрыв глаза, лежала на спине.

— Что ты сказала? — спросил мужчина.

— Я боюсь того человека...

— Кого? — со страхом спросил мужчина.

— Хирчлы, или как там его звать...

Мужчина уставился на женщину.

Женщина по-прежнему лежала, закрыв глаза.

«Как она постарела...» — подумал мужчина.

У женщины было старческое, измученное лицо.

Мужчина разглядывал внезапно почужевшее, постаревшее лицо, боясь, как бы женщина не сказала еще чего-нибудь. Но женщина лежала, не говоря ни слова. И мужчину теперь разъярило это молчание. Содрогаясь от отвращения, он отодвинул, оттолкнул женщину, встал с постели и, запахнувшись в бурку, рухнул на тахту в углу комнаты. Мужчина дрожал, как побитый, и, с головой укутавшись в бурку, со страхом прислушивался к малейшему шороху. Женщина лежала и плакала. Мужчина слышал ее всхлипывания и чувствовал, что женщина плачет. Слезы женщины приносили ему некоторое облегчение. В глазах мужчины это были слезы раскаяния, но он чувствовал, что страх, разбуженный в нем теми словами, теперь уже не унять ничем, ни женскими слезами, ни ее молчанием. В ушах разъяренного мужчины теперь гудели лишь те слова: «Я боюсь того человека».

Слова эти превзошли все, даже то одно-единственное роковое слово — «измена», произнесенное в полночь тенью Хирчлы. Гул усиливался все больше, и мужчина на все больше злился на женщину. Мужчину злила мудрость женщины, завораживающая и, на первый взгляд, словно бы простая, но на самом деле глубокая и устоявшаяся мудрость. Женщина сказала то, о чем он и сам думал не раз, думал всегда с оглядкой, содроганием и яростью, втайне от этой женщины, в минуты уединения. Но именно она бросила ему правду в глаза (и притом спокойно, походя, словно бы возвращаясь из сладостного забытья), именно она, втайне от которой боролся он с этой роковой и навязчивой мыслью. Думать об этом мужчина решался лишь запершись в своей келье, где он уединялся для раздумий о суетности и превратностях мира сего. Эта мысль постоянно посещала его в бессонные ночи или в минуты, когда он заглядывал в глаза Хирчлы. Думая об этом, мужчина невольно в страхе озирался по сторонам. Даже когда была ночь и виднелись лишь серые стены его темной обители, он страшился, как бы мысли его ненароком не стали достоянием чужих ушей, и чем дальше, с тем большим содроганием и яростью ждал он этой неотвязной думы. Да, мысль эта неотвязно преследовала его повсюду, отравляя самые сладостные мгновения его жизни, постоянно напоминая о себе, и он чувствовал, каким жалким и беспомощным, как ребенок, становился тогда сельский старейшина. Окажись это правдой, он должен был отказаться от всего на свете, вся жизнь его превратилась бы в одну огромную вину, и виновный, оставшись в полном одиночестве, он оказался бы тогда перед лицом всего безжалостного, правого до небес мира. Правда, которую из-за страха не смели вымолвить уста мужчины, была сказана устами женщины, плачущей теперь в кромешной мгле комнаты. И разъяренный мужчина сорвал с себя бурку. Мужчина прислонился спиной к стене и в глухих полуночных стенах крепостной башни прогудел его голос:

— Оставь меня, женщина! Дай подумать!

Женщина плакала, а мужчина, стоя в изголовье тахты, был готов либо расцечь женщину надвое одним взмахом меча, либо пасть перед ней на колени, как падают ниц перед истиной, и просить у нее прощения. Но

мужчина знал, что просить прощения он не станет, теперь мужчина был способен на все, кроме вымаливания прощения. Разнузданная душа мужчины катилась в пропасть и в ярости тщетно искала собственную истину. Когда мужчина осмотрелся, женщины в комнате уже не было. Мужчина вновь остался один. И стоило ему ощутить одиночество, как на него тотчас навалилась та беспомощность, которая овладела им там, за селом, в студеных горах и под ледяными звездами. Мужчина пожалел, что прогнал женщину, и был готов, распахнув дверь, вновь позвать в комнату плачущую женщину, жавшуюся за дверью (а то, что она была за дверью, в этом мужчина был просто уверен). Мужчина понял, что с уходом женщины опустела лишь комната, ушла только женщина, но истина, шепотом произнесенная ею, по-прежнему осталась в этой комнате, рядом с ним, нет, не рядом, она змеей обвила его, ужалила в сердце и заползла в душу. Мужчина понял, что отныне он должен был таскать на плечах этот тягостный и страшный груз, и тут же, согнувшись под тяжким грузом этой истины, он в ярости решил не подчиняться истине, произнесенной чужими устами, и установить собственную истину. Он поднял руки и наглухо прикрыл ими уши, но слова, сказанные женщиной, по-прежнему звучали в нем. И поняв, что слова эти не дано заглушить тишине, мужчина бросился к двери, рванул ее на себя и крикнул плачущей женщине, жавшейся у двери:

— Уходи прочь, женщина!

Женщина, волоча ноги, пошла по коридору.

Голос мужчины прогудел в темном коридоре:

— Хирчлу ко мне!

В тот же миг тень Хирчлы возникла за его спиной.

Мужчина обернулся, подошел к Хирчле и поднес свечу прямо к его глазам.

— Ты прав, — содрогаясь произнес старейшина, — измена! Делай что хочешь...

Тень исчезла. Старейшина вернулся в комнату, спокойно швырнул бурку в темный угол и прилег на постель. Теперь мужчина думал лишь о мщении и той женщине, что рыдала за дверью. Мужчина не слышал рыданий женщины, но чувствовал и знал, что женщина была именно там, за толстой дубовой дверью, и что

она рыдала. Мужчина встал и направился к двери. Там он остановился и прислушался. Во всей башне царила зловещая тишина. Но мужчина не чувствовал опасности этой тишины. В это мгновение, стоя у двери, мужчина думал лишь о женщине, стоявшей за дверью. Мужчина протянул было к засову руку, но рука словно бы застыла. Какая-то сила остановила руку и заставила мужчину повернуться назад. Мужчина был не в состоянии открыть дверь, и если бы даже он открыл её, то все едино сказал бы, точнее прогремел:

— Почему ты не плачешь, женщина?!

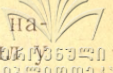
Мужчина подошел к тахте и упал на нее плашмя.

Мужчина уснул под плач побежденной женщины, но поражение это было всего лишь на одну ночь. Мужчина сразу же догадался об этом, как только проснулся среди ночи и, оглянувшись по сторонам, увидел, что он один. Мужчина покорно поднялся, открыл дверь и тут же остановился. Женщина, стоявшая за дверью, беззвучно плакала.

Я никогда не позабуду дня, когда впервые увидел эту девушку. Увидел ее огромные прекрасные глаза! Страх и изумление отражались в этих глазах. Словно девушку после долгого сна вывели на свет божий из темноты и показали ей мир. И мир сначала изумил эту девушку, а потом напугал, и оба эти чувства — изумления и страха — так и не погасли в ее глазах.

Эта девушка стала женой или, точнее, супругой моего друга, как мы обычно звали жен, выказывая им свое уважение.

Она была преданной женой. Она могла жить и умереть ради мужа. Эту преданность породила любовь. Мужчина не был рабом женщины, как и все мужчины он смотрел на нее сверху вниз, но он чувствовал, что жизнь его была жизнью лишь благодаря этой женщине и лишь рядом с ней. Мужчина не признался бы в этом даже себе самому, тем более не сказал бы он этого женщине, но сам он в глубине души ощущал счастливое рабство перед женщиной, и это было величайшим наслаждением из тех немногих наслаждений, которые мужчина, подобно многим, получал от жизни. Женщина излучала доброту. Мой друг был для меня лишь другом, а не добрым дэвом, каким казался он той девушке, но свет

добра, исходивший от нее, достигал, озаряя, и его. Я надеялся на этот свет и, охваченный ожиданием, просил всевышнего лишь доброго конца. Конец же не был и не мог быть счастливым. Девушка была слишком мала и слаба для того, чтобы изменить что-либо и перебросить течение реки в иное русло. Река текла по своему руслу, и девушка, коль скоро она схватилась бы с рекой, могла лишь утонуть в ней.

Я увидел ее огромные глаза и испугался. В этом угрюмом, разъяренном от страхов и полном подозрений селении глаза эти часто будут на мокром месте. Я знал, что эти глаза останутся в селении в полном одиночестве. Знал я и то, что обязан позабыть обо всем на свете и стать лишь защитником этих глаз. Я был готов к этому, и одно предчувствие этого наполняло меня приятным ожиданием. Я знал, что в конце концов женщина эта придет ко мне и мы будем вместе в самые мучительные дни — я и супруга моего друга.

Увидев ее, я твердо решил никогда не попадаться ей на глаза. Я избегал ее, как избегают старых, близких, но навеки позабытых друзей. Не знаю, отчего это вдруг она сделалась мне такой близкой. Мне даже почудилось, что при первой же встрече она поглядела на меня с нескрываемым изумлением, как поглядела бы она на своего пропавшего брата, неожиданно оказавшегося в этом чужом селении, ненароком встретившегося с ней и несказанно обрадовавшего ее. Я улыбнулся ей, и она тоже улыбнулась в ответ. Ее не удивили ни встреча со мной, ни моя улыбка, ни моя ряса. Ей даже не пришло в голову, зачем нужен священник селению, в котором нет церкви, ибо она сама могла создать свой собственный храм повсюду, будь то в темной келье или в высокой башне.

Я уединился в своей темной келье, с головой ушел в бумаги, ни разу не выйдя на улицу. До меня едва доносились гул селения и течение времени. Тот некто, встававший за моей спиной и, затаив дыхание, заглядывавший в мои бумаги, уже вроде бы освоился, и я не только не боялся его, но даже подумывал, грешным делом, что без него мне было бы трудно выдержать свое вечное корпение над бумагами. Его существование заставляло меня быть предусмотрительным и напоминало, что за этими бумагами текла иная жизнь, а за эти-

ми стенами бродило селение, требуя своей доли. И тот, кто крадучись ходил по моей комнате, был оком селения. Я был не один — селение не забывало о моем существовании... Мы, я и селение, помнили друг о друге даже во сне...

Вот так, склонившись над бумагами, однажды ночью услышал я чьи-то шаги. Кто-то поднялся по лестнице и тут же остановился. Я встал и подошел к двери. Я знал по опыту, что тот «кто-то» еще долго простит здесь, но как только я вытащу засов, сразу же испарится.

Но раздался стук в дверь.

Я вытащил засов и стремительно распахнул дверь. Передо мной стояла женщина, закутанная в черное.

Женщина откинула с лица покрывало.

От изумления я отпрянул.

— Добрый вечер, Шукня... — сказал я.

Женщина не спросясь вошла в комнату.

Растерявшись, я схватил свечу и принялся зажигать остальные. Свечи зажглись почти одновременно, осветив комнату.

Шукня стояла, сняв черное покрывало, и смотрела на меня.

Я впервые видел печальные глаза этой женщины вблизи. Первые счастливые дни, проведенные с красивым здоровым мужем, давным-давно минули, и передо мной стояла не крохотная изумленная девушка, а женщина, полная горечи. Она оглядывала мое скромное жилище, то и дело посматривая на меня. Потом обошла все свечи и потушила их одну за другой, кроме той единственной, что стояла на моем столе, освещая бумаги. Торжественные свечи погасли, и жилище мое приняло свой обычный вид.

— Снежит, — сказала женщина.

Я лишь теперь заметил тающие снежинки на одеянии женщины.

Я бросился к камину, разворошил угли и подобрал дров. Пламя приподняло голову, распространяя запах занявшихся дров и тепло. Я схватил треногий стул и придвинул его поближе к огню. Женщина молча опустилась на стул, протянув руки к огню.

— Я боюсь, — сказала женщина.

Я не знал, что сказать, ибо не понимал цели прихода этой женщины ко мне в эту снежную ночь, когда галдящее селение давным-давно укрылось по своим башням. Я не знал, что делает сейчас супруг этой женщины, мой друг Георгий Балнаури — предводитель и судия этого селения. Я видел лишь печальные глаза этой женщины, понимая, что люди приходят ко мне только тогда, когда они несчастливы. Преуспевающим и благоденствующим я не был нужен. Эта женщина была супругой вождя селения, наводившего ужас на все близкие и дальние ущелья. Муж этой женщины не был обделен ни почестями, ни славой, которую он пожинал с великой жадностью. Я не понимал, чего должна была бояться и кого должна была бояться супруга такого человека, и, пребывая в растерянности от подобного поведения, я только и мог делать, что встречать молча — каждым словом женщины.

Женщина, отогрев руки у огня, внезапно сказала:
— Он добрый!

А потом, не сводя с меня глаз, ждала ответа.

Я ничего не ответил.

— Я знаю, ты не веришь мне, — прошептала женщина.

На улице шел снег. Мирно шелестели снежинки, и этот покой словно бы овладевал тобой, погружая в дремотное забытие. Все казалось простым, как этот снег. И вселенная делалась такой же покойной, как этот снег. И в эти минуты я видел простую картину, простую, как снег, простую, как приход этой женщины, задувшей свечи, подсевшей поближе к огню и сказавшей одно-единственное слово — боюсь! Я видел стоявшего под снегопадом мужа этой женщины. Он, мой друг Георгий Балнаури, спокойно стоял возле лестницы, и снежинки плавно опускались на его голову. Мальчишечья гордость не позволяла ему зайти ко мне, и он покорно ждал женщину на улице. Он не знал, что я все ему прощу, лишь бы он взбежал по лестнице и переступил порог моего дома. Все это уже не имело никакого значения, ибо то, что дарует радость душе человека, уже существовало, уже стало явным, — он стоял под снегом и со спокойной покорностью дождался женщины. Это было великое ожидание, и чем

дольше продлится оно, чем больше побелеют от снежинок плечи моего друга, тем глубже погрузимся мы в детство, которое было так далеко и казалось навеки позабытым.

Я подошел к двери и распахнул ее настежь.

В комнату ворвался мирный шелест снежинок.

— Там никого нет... Не бойся... — сказала женщина.

— Я не боюсь, — ответил я, повернувшись к ней спиной.

Я стоял, вглядываясь в темноту. Никого не было видно.

Мне страстно хотелось сойти вниз и пригласить к себе моего друга. Он стоял, терпеливо дожидаясь женщины, дабы накрыть ее сильной своей десницей, укрыть от снежинок и отвести домой. Если мой друг победит себя и станет таким же простым, как этот снег, я поставлю для него треногий стул поближе к огню и мы втроем, сидя у камина, станем греть свои руки, молча, без слов, как греет руки оковеневшая от стужи семья, вернувшаяся к родному очагу после долгих странствий и счастливая при одной мысли о том, что нет ничего на свете лучше собственного очага, собственной семьи и близких...

Но женщину на улице никто не ждал.

Когда я повернулся, женщина плакала, сидя у очага в полном одиночестве.

— Снежит, — сказал я.

— Я хочу домой, — сказала женщина.

— Я провожу тебя, — сказал я, потянувшись за буркой.

— Я хочу домой, в свой дом, к моему отцу... — плача, твердила женщина.

Ничего не ответив, я повернулся к ней спиной и присел на стул.

Прошли годы и ничего уже не осталось в этой женщине от той девушки, которую я увидел впервые давным-давно. Эта женщина была уже матерью мальчика. За это время селение наше выросло раз в пять. Теперь селение было почти целым миром. Горы как бы сдвинулись в сторону, ущелья расширились, селение наводнили люди со всех концов света, и те же люди разнесли по свету славу о предводителе и старейшине

этого селения. Так отчего же жена столь славного мужа должна так просто сидеть возле очага и так просто печалиться? Чего со страхом ожидает эта женщина и отчего ее жизнь лишь страх и только? Отчего пришла она ко мне в эту снежную ночь, когда печаль становится такой же долгой и неизбывной, как эта ночь, и такой же невнятной и непонятной, как речь снежинок? И отчего осталась в моей памяти первая встреча с этой женщиной и отчего не смог я позабыть ее поныне, как нечто великое, навеки запоминающееся и вспоминающееся даже в самые тяжелые мгновения, подобно сладостному счастью. Отчего я был счастлив тогда при виде этой женщины и отчего я счастлив сейчас, когда эта женщина сидит возле моего очага и смотрит на меня печальными глазами. И может ли печаль принести нам счастье? Печаль и страх, которые гонят нас в ночь, заставляя искать то, чего мы не ведаем сами? Господи, всевышний! Я радуюсь тому, что женщина эта сидит у моего очага... Я счастлив! И я делаюсь несчастным даже при мысли о том, что женщина уйдет сейчас или некоторое время спустя, чтобы долго еще не показываться здесь, а появившись, принести печаль в мою крошечную, темную и холодную обитель, счастье вместе с печалью. И что доставляет мне больше радости, эта женщина здесь, возле очага, или та несуществующая картина, которую я создал в своем воображении? Женщина эта сидит возле огня, а внизу, в конце двора, ждет ее муж и мой друг. Снег валит и валит, а он все ждет. Но ведь и вправду никто не ждет ее в этот снегопад. Все поукрывались, все побегали от холодной зимней ночи. Лишь эта женщина смешалась со снежинками, отдав себя их власти, и явилась сюда. И вообще, знает ли мой друг о приходе этой женщины ко мне? Знает! И даже мысль об этом переполняет меня радостью... Мой друг знает все, а это то же самое, что стоять в снег у лестницы. Снег валит, а ты все ждешь, пока эта женщина не встанет, не попрощается и не уйдет. Итак, картина, нарисованная моим воображением, и впрямь существует... Он стоит под снегом и ждет...

— Я боюсь того человека... — сказала женщина.

— Так кого же? — со страхом спросил я.

Я не желал, чтобы жена страшилась своего мужа.
— Того человека, этого Хирчлы...

Я промолчал, а женщина сидела, не сводя с меня глаз. На лице женщины я видел следы бессонных ночей, видел огромные, залитые страхом глаза, не отводившие от меня взора в ожидании ответа. Но я ничего не мог ей ответить, да это и не имело никакого значения. Женщина боялась того Хирчлы, который управлял страстями селения по своему усмотрению, заворазживая сельского предводителя какой-то низменной силой. А предводитель тот был мужем этой женщины, и женщина и впрямь должна была бояться.

— И ты боишься его... — сердито сказала женщина.

Я огорчился и повернулся к женщине спиной. Я ждал, что она скажет еще, но она не сказала ничего больше. Она подозревала, что я боюсь его, и я даже не пытался развеять ее подозрения. Я не мог сказать женщине, что страх, и тем более страх за свою жизнь, мне уже давным-давно неведом. Но, кажется, и женщина не страшилась за себя, и она оберегала другого... В этом женщина была безусловно права, и я боялся того человека, но страх этот был за другого.

— Я боюсь и ненавижу, — сказала женщина, и я вновь заглянул ей в глаза. Да, в глазах ее стояла ненависть, такая ненависть, что будь у их хозяйки возможность, она тут же, без промедления вонзила бы кинжал в человека, о котором сказала: «Ненавижу». Теперь в глазах женщины светились и страх, и ненависть, и я тут же подумал, что этот тайный приход в снежную ночь, сидение возле очага и стремление облегчить душу — лишь начало страха и ненависти в этой женщине. Ненависть эта не будет стоять на месте, она будет расти, заставляя женщину что-то предпринимать. Она была не той женщиной, которая лишь сидит у огня и плачет. В этой маленькой женщине была запружена сила, ищущая выхода, сила и еще — гордость...

— Я знаю, что-то случится, — сказала женщина, и сказанное ею было отзвуком моих мыслей. И я знал, что что-то действительно должно случиться. После мирного и однообразного кружения снежинок над затихшим селением должна была пронестись громовая

колесница, предвещающая неминуемый конец. Конеч этот еще не подступил к двери, и за нею были лишь тишина и снег. Я не сказал женщине, что и я живу ожиданием конца, и я жду того «чего-то».

Да, я понимал, что селение недолго сумеет баюкать себя мифом о своей непобедимости, точно так же, как и снег не мог продолжаться бесконечно (хотя в эти минуты он и старался убедить нас в своей нескончаемости). Миф творился, но век его был короток, хотя этого никто не ощущал или попросту не желал об этом думать. Жизнь не только топтание на привычном месте, не питье вина из бурдюка и не похвальба собственной непобедимостью. В селении, пресытившемся шашлыком с кровью, неминуемо должно было что-то случиться, и мы, я и эта женщина, со страхом ожидали этого. Мы знали, что это нечто придет непременно, сотрясая башни, обойдет селение и ворвется за крепостную стену, где восседал увенчанный славой сельский старейшина, наводивший страх на всю округу. Человек тот был супругом этой женщины, любившей его больше всего на свете.

Женщина любила мужа отчаянно и мучительно, она была тенью своего мужа, и исчезни муж, и тень его простыла бы без следа. Женщина гордилась этим — своим мужем и своей рабской любовью к нему. Это было для нее великим рабством, полным наслаждения, муки, радости и страха. Скажи муж ей одно лишь слово, и она умерла бы беспрекословно, во мгновение ока, и в смерти этой были бы заключены радость и гордость, ибо она умерла бы ради того, кем жила и дышала. Женщина была убеждена, что жизнь ее началась с того самого мгновения, когда мужчина распахнул настежь двери ее кельи, когда она увидела сияние его глаз во мраке и ощутила его горячее дыхание. А все предыдущие дни и годы были лишь ожиданием этого великого мгновения, которое даровало женщине жизнь. И отныне женщина рассталась бы с жизнью в тот самый миг, когда исчезнет ее муж.

Это была роковая любовь, возле которой всегда бродила смерть, сладострастно трепетавшая в ожидании своего часа. Любовь ее была похожа на разгульную и бездушную жизнь этого селения, его страстную, самозабвенную радость, за которой неминуемо

должно было воспоследовать нечто — конец или судный день. Женщина и сама чувствовала это, чувствовала и в ту минуту, когда, сидя возле очага, говорила: «Я знаю, что-то случится». Чувствовала, но, обаятая сладостной и мучительной думой о муже, ждала конца с каким-то тайным наслаждением и волнением, словно это должен был быть конец, который не только не разлучит ее с мужем, но, напротив, раз и навсегда превратит в частицу его души и плоти. Конец сокрушил бы все, что в глазах женщины казалось мелочным и смешным, но собранное вместе оно уничтожало все лучшее, мешало женщине, боролось с ней, часто нанося ей жестокое поражение. И тогда, в минуты своего поражения, женщина окропляла слезами постель, в гневе молотила кулаками по глухим стенам комнаты и грозилась селению, всей вселенной, не желавшим понять величия ее любви и даже осмеливавшимся тысячей своих унижительных мелочей вставать вровень с ее любовью. В эти минуты женщина становилась еще более беспомощной, угрозы достигали только ее слуха, и ей оставалось лишь вновь следовать своим уже испытанным путем — не оставляя себе и малой малости, целиком и полностью превратиться в собственность мужа и думать лишь о нем.

Но женщина желала, чтобы эта мысль, эта самоотверженность не оставались достоянием лишь глухих стен комнаты, но чтобы их почувствовал мужчина, чтобы он гордился своей собственностью, чтобы он узнал, как женщина сгорела, обратилась в пепел, отдав все свое тепло мужчине. И вновь наступали бессонные, беспросветные ночи, полные ожидания, самобичевания и муки, когда томящаяся от одиночества женщина ждала мужа, а он все не приходил. Зато эта мука и самобичевание вознаграждались сторицей, когда в полночь мужчина распахивал дверь ее кельи, как и в тот день, когда он предстал с ней перед всем честным народом. В эти минуты радость захлестывала ее сердце и вся мука, все раздумья, все отчаяние обращались в золу, гасли, предавались забвению. Теперь для женщины существовали лишь этот час-другой, которыми мужчина жертвовал ей, проводя их в ее постели. А потом все оставшееся время вновь уходило на ожидание этих часов.

16 1935 21
513-1110333

Ожидание ее было мучительным. Все это время женщина была совершенно одна, вдали от мужа и всего мира. Женщина ненавидела это время, ненавидела мужчину, жившего без нее. В это время он был совершенно другим человеком, и женщина знала, что в той, другой жизни мужчина был ненастоящим. Женщина гордилась своим знанием, и стоило ей подумать об этом, как она тут же начинала насмехаться над всеми и вся.

Ее муж был настоящим, лишь оставаясь с глазу на глаз с ней. Лишь тогда в полной мере обнажалась его душа, и женщина еще больше наслаждалась ненавистью к жизни мужчины без нее, еще больше насмехалась над той другой жизнью. С ней мужчина вновь превращался в того юношу, каким она увидела его в первую ночь, именно в того веселого, простого, послушного, страстного, доброго, ласкового и беззаботного юношу. За те два часа, которые он проводил с женщиной, не оставалось и следа от его суровости, беспощадности, подозрительности и самонадеянной царственности. И женщина не переставала изумляться глупости всего света, трепетавшего в страхе перед этим женщиной, точнее сорванцом, в голове которого вечно роились тысячи остроумных затей. Но было одно, что постоянно присутствовало и в муже, и в юноше — бесстрашие и непреклонность.

Без остатка отдаваясь любви женщина, подобно селению, избегала размышлений. Стоило раздумью проскользнуть в комнату, как женщина тут же гнала его прочь, словно гонца, принесшего дурные вести. Склонив голову пред мужем, она рассказывала и говорила все что угодно, кроме того, о чем она действительно думала в ту минуту. Размышления напоминали женщине, как сильна была в муже та другая жизнь, та лживая жизнь, как мысленно называла ее она. Женщина понимала, что муж ее ненадолго сохранит свою мальчишескую мягкость и что завтра, с самого раннего утра он опять превратится во вселяющего страх, неприступного и угрюмого человека. Завтра этот юноша станет мужчиной, поручиться за которого невозможно: не поймешь, что он собирается делать, куда несутся его мысли, кому он доверяет и кого считает вероломным врагом, кого помилует, кого пожалеет, а к кому

останется непроницаемо глух. И женщине не оставалось ничего, кроме как плакать. Юноша хохотал, не переставая дивиться тому, почему плачет женщина, ведь никакой видимой причины для плача в эту минуту не существовало.

— Я попросила, чтобы он хотя бы не приводил его домой, — сказала женщина.

Я ничего не ответил. В ту минуту я думал о маленьком мальчике, сыне этой женщины, но ни о чем не спросил ее.

Мальчика назвали по имени отца — Георгием. Его появления женщина ждала с материнской гордостью, к которой изредка примешивались страх и сомнения. Женщина страшилась, что сын нарушит извечность единственной ее думы. В извечную думу женщины, в которой не было места ничему и никому, кроме ее мужа, собирался войти чужой — маленькое и беспомощное существо. Женщина еще не знала, что это за существо, и в ее ожидании было гораздо больше страха, нежели материнской гордости. Наконец явился мальчик, и все сомнения сразу исчезли. Ворвавшийся в ее думы мальчуган стал неотъемлемой частью человека, ради которого женщина жила и существовала. Этот мальчуган как две капли воды походил на своего отца, и первое, что пришло в голову женщине, было: таким был, наверное, муж, когда он появился на этот свет. Отныне женщина уже не страшилась долгих бессонных ночей: частичка души ее мужа дышала рядом с ней, сердилась, грозя разорвать сковывающие ее путы.

Пройдет время, и я попрошу эту женщину показать мне сына. К тому времени сын уже станет ее гордостью. К тому времени женщина будет знать, что сын спас ее, и она горделиво ответит: «Еще немного, и мальчик сам придет сюда...» И действительно, пройдет немного времени, и мальчик придет... И это произойдет не в снежный день, а ранним утром после восхода солнца. Мальчик безошибочно подойдет прямо к моей двери. Мальчик будет один, но как только он откроет дверь, я тут же признаю его, ибо в дверях, широко расставив ноги, горделиво будет стоять маленький Георгий Балнаури. Он придет без провожатых и охранников, как приходят в знакомый дом, где бывали уже

1935
1933

и вчера, и позавчера, и еще раньше. Он придет улыбающимся, уверенным и правым. И я встречу его так же как пришел он — просто и по-дружески. Я встречу его так, словно он не раз уже переступал порог моего дома. Я буду стар тогда, и день прихода мальчика будет днем надежды. Вся горечь мигом исчезнет, и исчезнет пугливое ожидание неминуемого конца, ибо мальчик своим появлением одним махом разнесет в прах заранее сочиненный конец, которого с таким мучительным страхом ожидали мы. У мальчика будет солнечный лик, и мы сразу же позабудем думы снежной ночи... Но это произойдет много лет спустя...

— И знаешь, что ответил он на мою просьбу? — говорит женщина.

— На какую просьбу? — переспрашиваю я, возвращаясь из раздумий.

Женщина обиженно смотрит на меня и говорит:

— Чтобы он хотя бы не приводил его домой...

— Ах, да... И что же он ответил?

— Этот человек, мол, подарил мне жизнь.

Женщина не сводит с меня глаз, требуя ответа, но я ничего не могу ей сказать, я ничего не знаю. Я не знаю, кто этот человек, откуда он взялся или когда он подарил жизнь моему другу Георгию Балаурн, которого бог весть сколько лет я и в глаза не видел. Я не знаю даже того, по-прежнему ли существует на свете Георгий Балаури или он живет всего лишь в моей памяти и в той сказке, которую сочинило о нем селение. А если он и вправду жив, то каков он — добр или зол, гневлив или сострадателен, действительно ли содеяно им все, приписанное ему людской молвой и легендами, или он даже ведать об этом не ведает. Я не знаю, чего хочет Георгий Балаури, не знаю и того, знает он или нет, что жена его в эту снежную полночь сидит возле моего очага и говорит со мной. Я ничего не знаю, я — никто! Вот оно, селение, и селение это прекрасно обходится без меня, у него свои радости и свои предчувствия. И радости, и предчувствия селения весьма далеки от моих. Я ничего не знаю, и я хочу, чтобы эта женщина поскорее встала и ушла восвояси, ушла, унося с собой маленькую радость, принесенную ею в мою келью. Я хочу поблагодарить женщину за эту маленькую радость и проводить ее в зимнюю снежную

ночь. Я осторожно поворачиваюсь и со страхом смотрю в сторону очага, где сидит женщина... Но маленькая деревянная скамейка уже пуста... Словно бы женщины и вовсе не было... Я иду к двери, страшась уже той женщины, которая только что сидела тут и исчезла, словно привидение. На улице кружат снежинки, и темная ночь глядится в комнату. Я должен выбежать во двор, догнать женщину и сказать ей, что нельзя бродить, словно привидение в полночь, в этот тихий снегопад! Женщина должна вернуться домой, где ждут ее муж и ребенок! Там, в своей уютной обители, возле теплого очага, среди своих близких обретет эта женщина все, что она тщетно ищет, в моей крохотной холодной келье. Я уже не в состоянии никому помочь!.. И я хочу крикнуть, нагнать ее и, заглянув глаза, сказать... Но я не покидаю своей комнаты... Я подхожу к двери, наглухо закрываю ее на засов, словно бы страшась, как бы не возвратилась вновь таинственно исчезнувшая женщина. Я тянусь рукой к свече и гашу ее. Потом тщательно прячу уголья в золе, и в комнате воцаряется мрак... Во мраке я на ощупь нашариваю тахту... Все становится ясным как день. Узелок завязался вновь. Я не смог остаться один! Мы упорно избегали друг друга — я и Георгий Балнаури, — провидение, издеваясь над нами, давало нам волю. И когда уже казалось, что все кончено, что наши тропинки навеки разбежались врозь, вдруг тропинки эти вновь сходились, и мы, как заблудшие в тумане путники, кружили вокруг одного и того же места, то и дело возвращаясь к уже не раз пройденному.

Жена моего друга вошла в мою комнату и протянула озябшие руки к моему очагу. Я поделился с ней простейшим — теплом очага, зная, что отныне она всегда будет нуждаться в этом простом тепле и всегда будет тянуться ко мне в поисках его... Мы с моим другом были похожи на калик перехожих. Мы долго бродили по свету, исходив сотни дорог, и теперь решили присесть на камень, дабы перевести дух. А на камне сидела эта женщина, проглядевшая очи в ожидании нас, калик перехожих. Женщина, хотели мы того или нет, возлагала на нас все свои надежды. Она протягивала руки к нам обоим, в обоих нас ища спасения.

Я огляделся вокруг и понял, что не смогу уместиться в этой крошечной темной комнате с глухими стенами. Тело мое, утомленное раздумьями, рвалось наружу. На улице снежило, и лишь этот покойный простой снегопад мог спасти меня. Лишь этим белым снежинкам было под силу вернуть меня в простой мир, где в конце концов пойдет на убыль ночь, не обещавшая мне ничего, кроме тяжелых и мучительных раздумий. Я вскочил, схватил бурку, сбежал по лестнице и погрузился в ночь. Я шел, думая теперь лишь о снежинках, мирных чистых снежинках.

— Куда идешь? — окликнул меня кто-то.

Я оглянулся. Передо мной выросла тень в бурке. Я вынырнул из снежной пелены и взгляделся в лицо человека в бурке.

Человек смеялся...

— Хирчла!

— Снежит... — сказал Хирчла.

— Да, снежит... — сказал я, виновато понуря голову.

Теперь мне уже не хотелось снега, снег ничем не смог бы помочь мне. Теперь я думал о своей темной комнатке. Снег был холодным и мокрым. А мне хотелось тепла.

— В селении завелся предатель, — сказал Хирчла и с омерзением обратился спиной к селению.

«Завелся предатель...» — шепот несколько раз обжегал столпившийся народ, а затем вдруг сразу установилась тишина. Никто не осмеливался подать голос, все переглядывались, припоминая, кто как себя вел, взвешивая каждое сказанное слово и мысленно отыскивая предателя. В селении завелся предатель... Селение было тут, а это значило, что и предатель был тут, среди них и рядом с ними. Предатель, переживая подобно селению, вздыхал подобно ему и подобно селению пытался подозрительным оком узреть измену в других, во всех, кроме себя самого. Распавшееся на лоскутья село в эту минуту походило на заплатанный вдовый передник. И передник тот был то ли цел, а то ли нет, и достаточно было одного лишь порыва ветра, чтобы обратить его в лохмотья и развеять без следа. И томясь предчувствием, селение страшилось этого ветра. В

первые мгновения оно искало виновных лишь среди других, но постепенно страх усиливался, и так как у **страха глаза велики**, виновный стал подбираться все ближе и ближе. Подозрение стерло грань, слепо и непримиримо указав перстом сначала на соседа и брата, а затем на сына и отца. В конце концов слепое подозрение закралось и в тело, а вдруг не удастся обнаружить истинного виновника, а вдруг перст упрется в тебя самого. Этот страх за собственную шкуру уже не покинет селение, и в то самое мгновение, когда виновник будет изобличен, страх обратится в гнев. Да, страх мгновенно сгинет, селение свободно вздохнет и в полный голос потребует наказания виновного. Но все это будет потом. А пока что страх набирается сил, содрогается, перешептывается, бродит, выпрашивая что-то, обратившись в слух, тщательно собирает каждое слово или умолчание, ибо пока что не обнаружен тот единственный, на которого будет свалена вся вина, тот, кто отделится от села, кто перевесит своей виной вину всего селения и будет либо отсечен, либо забит камнями. А селение, довольное и насытившееся мстью, начнет теперь думать о том, как покарать врага, как возратить себе сторицей скот и добычу. Да, все это будет потом... Но пока что виновник тут, в селении, в народе, пока что виновно все село... При одной только мысли об этом страх и подозрения с новой силой наваливаются на селение, оно вновь трепещет и содрогается, страшась проронить лишнее слово. И когда глашатаи выступают вперед, требуя, чтобы народ разошелся, селение и впрямь обратится в лоскутки, развеется по ветру, укроется в башнях, домах, за оградами, растворится в дыму и в тумане.

Над селением расстелется тишина.

Уже стемнело. Снег повалил хлопьями, и в селении воцарилось такое молчание, словно ничего не произошло.

Кто-то оповестил врага... Враг никогда еще не нападал на здешние места в зимнюю пору, и чужак не мог знать той тайной тропинки, которой враги пробрались в село, разграбив его. И я знал, что к набегу приложил руку кто-то свой, но кто был этот свой, я даже подумать боялся об этом. Знал я и то, что этого «кого-то» непременно найдут не сегодня, так завтра. И неза-

11105321
302-111033

висимо от того, будет ли этот кто-то виновным или нет, его все едино покарают, ибо так было нужно селению. И виновный должен был быть наказан на глазах у всего селения и во имя селения. Тем самым селение должно было утрашиться пуще прежнего и пуще прежнего уверовать в своего предводителя, в его правую руку, в недреманное око всех приближенных, стражников и охранников. Я знал, что обнаружить виновника будет непросто, зато найти козла отпущения будет легко. Верил я и в то, что, как и любой козел отпущения, человек этот будет самым безобидным и невинным во всем свете. Я не страшился за себя, нет, но чуяло мое сердце, что наказание этого человека больно ударит по мне, и я вновь останусь в одиночестве, так и не слившись с селением, так и не упившись торжеством справедливости.

Наступила ночь. Я усердно записывал все события прошедшего дня. Только было я задул свечу, осенил себя крестным знаменем и прилег на тахту, как до меня донесся какой-то шум. Я тут же встал, вновь затеплил свечу и, подойдя к окну, прислушался. Шум доносился с дороги. Кто-то кричал, но крик то и дело прерывался. Кто-то стонал. Потом прерывался и стон. И кто-то начинал кричать снова. Затем крик внезапно умолк.

Я распахнул дверь и весь обратился в слух.

Снаружи не доносилось ни звука.

Я вышел на улицу и укрылся в тени дома.

По дороге брели человек двадцать женщин, мужчин и детей, окруженных стражниками, погонявшими их палками. Стоило кому-либо закричать, как они тут же затыкали кричавшему рот, то и дело советуясь друг с другом.

Изгнанники оказались чужеземцами, с давних пор обосновавшимися в здешних местах...

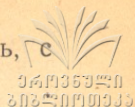
—Козлы отпущения! — подумал я и испугался.

Козлом отпущения оказался не один человек, а целые семьи от мала до велика — босоногие, согбенные, притихшие и отчаявшиеся. Приношение жертвы началось издалека, а начавшись издалека, оно уже завтра потребовало бы новых жертв. Это молчаливое стадо пройдет так, что, кроме меня, наверное, никто его даже не увидит. А жертвоприношение продолжится, ибо селе-

ние не удовлетворится, не насытится полуночной, скрытой и молчаливой жертвой. Это стадо, поднятое с постелей на ночь глядя и словно баранта изгнанное из домов, было для селения чуждым селением, бог знает откуда залетевшим. И теперь, когда в воздухе запахло изменой, изменниками в первую очередь следовало признать чужаков, а если и этого оказалось бы недостаточным, тогда уж необходимо было искать их среди своих. Очередь своих пока еще не наступила и поэтому теперь, в этот полночный снегопад из села изгоняли чужаков.

— Но ведь и Хирчла чужак? — подумал я, озираясь по сторонам. Подобные мысли всегда посещали меня под сенью моей кельи. Теперь же я был вне ее, а Хирчла наверняка крутился где-то поблизости, если не плотью своей, так духом. И я, испугавшись собственных же мыслей, поспешил домой. Заперев дверь на засов, я зажег свечу и уселся у очага.

На улице заплакал ребенок. Вслед за плачем раздалась женские проклятья. Потом вновь установилась тишина. Я встал и приник ухом к двери. Мне опять захотелось выйти на улицу. Я потянулся было к засову, но тут же застыл с вытянутой рукой. До меня донесся скрип снега. Кто-то, свернув с дороги, приближался к моему дому. Я слышал звук шагов и ждал, протянув руку к засову. Потом шаги смолкли... Я знал, что тот «кто-то» стоит возле лестницы. Вдруг опять раздался осторожный и едва уловимый звук шагов... Кто-то поднимался по лестнице. Я по-прежнему стоял с вытянутой рукой. Тот «кто-то» наконец одолел лестницу. Он шел, как обычно ходят старики — осторожно, с одышкой, шаря в темноте руками, останавливаясь на каждой ступеньке. Он крадучись подошел к двери и остановился. Я стоял по эту сторону двери, прислушиваясь к его прерывистому дыханию... Не знаю, сколько времени пролетело в томительном ожидании и что собирался предпринять подошедший к двери — позвать и постучаться, как и подобает истинному гостю, или терпеливо простоять так у двери до самого утра... Я устал гадать, а моя рука произвольно потянулась к засову, торопливо отодвинула его и распахнула дверь. В лицо мне дохнули зимняя ночь и слабое дыхание юноши в напалзшей на лоб шапке.

— Здравствуйте, святой отец... — попятившись, дрожью выдавил из себя юноша.

— Пожалуйте в дом, — сказал я.

— Нет, нет, нет... — бормотал юноша, продолжая испуганно пятиться назад.

Спустившись по лестнице вниз, юноша остановился и едва слышным шепотом произнес:

— Погаси свечу, отец...

Я нагнулся, пытаюсь в темноте разглядеть лицо юноши, но ничего не увидел, кроме папахи, напозшей на самые брови, кинжала, поблескивающего на поясе, и ружья, перекинутого через плечо. Я хотел увидеть глаза юноши, но он, дрожа, все пятился по снегу.

— Погаси свечу, отец... Больше мне ничего не нужно... — трепещá шептал юноша.

Всю ночь я слышал плач ребенка. Ребенок плакал в выстуженной морозом ночи, и я то и дело просыпался. Я вставал, зажигал свечу и выходил во двор. Я долго вглядывался в селение, держа свечу в вытянутой руке. Селение спало. Но плач ребенка, казалось, по-прежнему слышался в ночи. И, возвратясь в свою келью, я места себе не находил среди четырех угрюмых стен.

Так продолжалось целую неделю.

К концу недели рано поутру глашатаи стали сзывать народ на сельскую площадь. Молча устремив взоры к крепостным стенам предводительской башни, все с тайным нетерпением ожидали, когда наконец распахнутся ворота и когда распространится весть, ради которой собралось все селение.

Селению казалось, что все кончилось той самой ночью, кончилось изгнанием тех пяти провинившихся дворов. Виновники были наказаны, и селение не ведало, что думать, на что надеяться, чего ждать. Страх еще не исчез, пять изгнанных дворов не унесли с собой страха, и в это раннее утро проглотившее язык селение безмолвно ожидало появления вестников.

Но ворота не открывались и никто не появлялся.

Вместо вестников на сельскую площадь выскочил шут и, заговорщически подмигнув людям, заревел благим матом, надеясь рассмешить публику; потом, перекувыркнувшись несколько раз, он растянулся на сне-

гу, но никто даже не улыбнулся. За шутком последовал фокусник. Сначала он сунул грецкий орех в карман, потом вытащил его из носу, но никто не выказывал восторга, никто не хлопал в ладоши, как бывало раньше. Народ желал не этого. Селение догадалось, что и шут, и фокусник были выпущены на площадь с умыслом. Но селение желало видеть не шута и фокусника, а тех, кто их выпустил. А вот их-то и не было видно. Народ устал ждать. Несчастливого шута снова выгнали на площадь, авось хоть на этот раз удастся рассмешить народ. Шут лез из кожи вон, но никто не смеялся. Тогда шут уселся на площади и заплакал навзрыд. На сей раз он плакал не понарошку, а взаправду, боясь пинков и зуботычин, и настоящие слезы градом катились из его глаз. Народ наконец-то рассмеялся, думая, что шут по-прежнему валяет дурака, и проводил шута хохотом и улюлюканьем. Потом вновь воцарилась тишина. И в этой тишине тяжело, со зловещим скрипом открылись ворота предводительской башни. Ворота скрипели громче обычного и открывались так медленно, что селение вконец потеряло надежду увидеть их открытыми нараспашку. Все свершилось в одно мгновение — скрип ворот и потеря надежды, но все же это свершилось, и селение еще долго будет помнить и рассказывать внукам, как тяжело, как зловеще, с каким леденящим душу скрипом отворялись громоздкие и угрюмые крепостные ворота.

Перевод Ушанги РИЖИНАШВИЛИ

Окончание следует

Тристан ЛАБАРТКАВА

«С ЭТОГО ПУТИ НЕ СВЕРНУТЬ»

Характер и ритм всей общественной жизни в нашей стране сейчас определяет подготовка к XXVI съезду КПСС. Партия идет навстречу своему очередному съезду в тесном единстве с народом, с четкой программой действий в области внутренней и внешней политики.

Достижения Советской страны за шесть с лишним десятилетий являются убедительным свидетельством того, что социализм обеспечил невиданные в истории темпы прогресса всех сторон жизни общества. В нашей стране созданы высоко развитые производственные силы, мощная передовая индустрия, крупное, основанное на коллективистских принципах, высоко механизированное сельское хозяйство. Объем промышленной продукции в 1980 году был в 157 раз больше, чем в 1913 году. Сейчас на долю Советского Союза приходится пятая часть мирового промышленного производства, а до революции оно составляло немногим более 4-х процентов. В Советском Союзе производится больше, чем в любой другой стране, чугуна, стали, нефти, железной, марганцевой и хромовой руд, угля и кокса, цемента, тракторов, тепловозов и электровозов, хлопка, минеральных удобрений и многих других видов продукции. В итоге глубочайших преобразований, осуществленных в деревне, общий объем сельскохозяйственной продукции вырос за годы Советской власти в 4,4 раза.

Особое место в летописи строительства нового общества занимают последние полтора десятилетия. За эти годы неизмеримо вырос экономический потенциал страны, значительно повысился уровень жизни народа.

Огромны достижения Советской страны во всех сферах социальной жизни, в развитии науки, культуры, образования, здравоохранения. За период 1966—1980 гг. 55 миллионов юношей и девушек получили среднее, общее и специальное образование. Это в два раза больше, чем за все предыдущие годы Советской власти. Сейчас в высших и средних учебных заведениях обучаются свыше 10 миллионов человек. В нашей стране трудится более трети всех врачей в мире. Ни в одной капиталистической стране граждане не получают жилья от государства бесплатно, а квартплата самая низкая в нашей стране. Только за последние 4 года построено жилья общей площадью 423 млн. кв. метров. Это значительно превышает весь городской жилой фонд довоенного 1940 года.

Осуществляется широкий круг мероприятий в области улучшения труда и быта женщин, охраны материнства, воспитания подрастающего поколения, улучшения обслуживания населения, развития здравоохранения, спорта.

Так наша партия осуществляет свой программный лозунг «Все для человека, все во имя человека!»

Советская Грузия под руководством Коммунистической партии идет курсом, намеченным великим Лениным, живет и трудится в единой братской семье народов Страны Советов. Поистине огромный скачок сделала республика за годы Советской власти. Гигантских масштабов достигло развитие промышленности. Достаточно сказать, что за этот период построено более 1200 крупных промышленных предприятий. Энергетика Грузии дает сейчас гораздо больше электроэнергии, чем все электростанции дореволюционной России, вместе взятые.

Высокими темпами развивается многоотраслевое сельское хозяйство, совершенствуется его отраслевая структура. Продукция промышленности и сельского хозяйства республики вывозится более чем в 80 стран мира.

Велики изменения, происшедшие в социальной сфере. Сейчас делу укрепления здоровья трудящихся Грузии служат около трех тысяч медицинских учреждений, большая армия квалифицированных медиков.

Составной частью коренных преобразований материальной и культурной жизни трудящихся Советской Грузии является культурная революция. Вся система среднего, специального и высшего образования республики была практически создана в годы Советской власти. Сейчас более чем в 4 тысячах общеобразовательных школ республики, где работают 93,3 тысячи педагогов, обучаются 962,9 тысячи учащихся, в средних профессионально-технических училищах — 35 тысяч, в средних специальных учебных заведениях — 53,8 тысячи человек и в вузах — 85,5 тысячи студентов.

Высок научный авторитет нашей республики. Благодаря тесному сотрудничеству ученых, конструкторов, новаторов производства и изобретателей за последние годы в народном хозяйстве внедрено более 500 новых типов машин, оборудования, аппаратов и приспособлений.

В Грузии дружной семьей живут и трудятся, самоотверженно борются за повышение экономического потенциала

республики представители более ста наций и народностей. Именно благодаря совместному труду и борьбе за годы Советской власти небывалого расцвета всех экономических и духовных сил достигли трудящиеся Абхазской АССР и Аджарской АССР, Юго-Осетинской автономной области.

Три важнейших документа — постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии, по Грузинской парторганизации, а также постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по развитию народного хозяйства Грузии определили конкретную и целенаправленную программу действий Компартии республики, трудящихся Советской Грузии в эпоху зрелого социализма.

Благодаря осуществлению четкой научной программы экономического и социального развития республики, в которой учтены все резервы роста, заложены критерии поиска новых возможностей подъема народного хозяйства, разработаны оптимальные варианты управления им.

В отчетном докладе ЦК КП Грузии XXVI съезду Коммунистической партии Грузии кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе отметил:

«70-е годы, десятая пятилетка займут особое место в истории Советской Грузии и Коммунистической партии республики: никогда ранее мы не знали такого размаха и масштабов экономического и социального развития, как в минувшем пятилетии, никогда раньше мы не достигали таких высот в росте материального и духовного благосостояния трудящихся, как в десятой пятилетке. Красноречиво свидетельство тому — семь переходящих Красных знамен ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Десятую пятилетку можно образно назвать «Краснознаменной пятилеткой Советской Грузии».

Достоинным ее финалом стало досрочное — к 20 ноября — выполнение республикой плановых заданий и социалистических обязательств».

Коммунистам Грузии есть с чем прийти на XXVI съезд КПСС. Республика со значительным опережением выполнила пятилетнее задание по темпам роста совокупного общественного продукта и национального дохода, промышленной и сельскохозяйственной продукции, государственных капитальных вложений, реальных доходов населения, среднемесячной оплаты труда рабочих, служащих и колхозников, розничного товарооборота, в сфере бытовых услуг и ряде других важнейших параметров экономического и социального развития. Это результат восстановления и утверждения ленинского стиля партийной жизни, комплексного подхода к воспитанию нового человека.

Настойчивая и целенаправленная борьба с негативными явлениями как в экономике, так и в общественно-духовной жизни республики дала свои положительные результаты.

Уже в 1976 году в Постановлении ЦК КПСС были подчеркнуты значительные успехи в создании здорового морально-психологического климата в республике. В этом постанов-

ленин дана высокая оценка работе партийной организации Грузии.

В современных условиях развитого социализма характерным признаком стиля работы Центрального Комитета Компартии Грузии является глубокое изучение практики коммунистического строительства, научный подход к решению социально-политических и идеологических проблем. В его работе все шире внедряются перспективные планы, социологические исследования, научное прогнозирование и др. Ныне советский народ комплексно решает грандиозную по своим масштабам и значению триединую задачу: создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование общественных отношений и воспитание нового человека.

Предсъездовская платформа партии нашла свое воплощение в речи товарища Л. И. Брежнева на Октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС. Документом большого теоретического и практического значения является проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Он разработан на основе Программы партии, решений XXV съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК нашей партии. В проекте обобщена практика коммунистического строительства в СССР, учтен опыт других социалистических стран, воплощены стратегия и тактика Коммунистической партии по важнейшим вопросам экономического и социального развития применительно к конкретным условиям восьмидесяти лет.

Проект «Основных направлений» является результатом большой плодотворной работы Центрального Комитета КПСС, его Политбюро, лично товарища Л. И. Брежнева. К его подготовке была привлечена большая группа квалифицированных специалистов, ученых, советских и партийных работников.

Следуя ленинской традиции, Центральный Комитет КПСС вынес проект к XXVI съезду партии на всенародное обсуждение. В трудовых коллективах, учебных заведениях, воинских частях, в партийных, профсоюзных и комсомольских организациях, в печати, по радио и телевидению, в системе марксистско-ленинского образования развернулось деловое обсуждение этого важного предсъездовского документа. Проводятся беседы по месту жительства граждан. Проект стал предметом обстоятельного обсуждения областных и краевых партийных конференций, съездов компартий союзных республик.

В проекте ЦК КПСС — и в этом состоит важнейшая особенность этого документа — намечены перспективы экономического и социального развития страны не только на ближайшее пятилетие, но и на период до 1990 года.

В восьмидесятиые годы Коммунистическая партия будет последовательно продолжать осуществление своей экономической стратегии, высшая цель которой — неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности на основе дальнейшего повышения эффективности всего общест-

венного производства, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой активности советских людей.

Социальный прогресс в эти годы будет характеризоваться решением всех тех вопросов, которые самым непосредственным образом связаны с формированием нового человека, совершенствованием социалистического образа жизни. Предусматривается создание условий для более полного удовлетворения потребностей всего населения в высококачественных и разнообразных продуктах питания, в промышленных товарах, предметах культурно-бытового назначения. Партия по-прежнему сохраняет курс на всемерное улучшение жилищных и культурно-бытовых условий жизни. Ставится задача добиться в основном обеспечения каждой семьи отдельной квартирой. Глубокие преобразования произойдут в важнейшей сфере жизнедеятельности людей — в труде. Улучшатся и облегчатся его условия, усилится его творческий характер, будет сделан новый шаг по пути стирания существенных различий между умственным и физическим, аграрным и индустриальным трудом. Широкий круг мер намечен в области упрочения советской семьи как важнейшей ячейки социалистического общества. Особая забота будет проявляться о советской женщине и детях.

Будут расширены возможности гармоничной духовной жизни людей, обеспечен новый подъем образования и культуры, усилено нравственное воспитание. Произойдут существенные сдвиги в социальной структуре советского общества на основе развития и сближения наций и народностей, усиления социальной однородности общества, укрепления идейно-политического единства советского народа как новой исторической общности людей.

В области экономического развития общества упор делается на обеспечение глубоких качественных сдвигов в материально-технической базе на основе интенсификации общественного производства, повышения его эффективности и ускорения научно-технического прогресса.

В реализации долгосрочных задач советского народа, в его созидательных делах ответственным этапом станет одиннадцатая пятилетка. Она воплотит преемственность курса социально-экономического развития страны и стратегические установки Коммунистической партии на восьмидесятые годы с учетом специфики ближайшего пятилетия.

В проекте ЦК КПСС подчеркивается: «Главная задача одиннадцатой пятилетки состоит в обеспечении дальнейшего роста благосостояния советских людей на основе устойчивого, поступательного развития народного хозяйства, ускорения научно-технического прогресса и перевода экономики на интенсивный путь развития, более рационального использования производственного потенциала страны, всемерной экономии всех видов ресурсов и улучшения качества работы».

Исходя из экономической стратегии КПСС и главной задачи одиннадцатой пятилетки, предусматривается осуществить широкую систему мер по последовательному повышению благосостояния народа. Эта система мер охватывает все стороны

жизни и деятельности советских людей, все слои и категории нашего населения.

Первостепенное внимание уделяется улучшению снабжения населения продовольственными и другими товарами, жилищных условий и медицинского обслуживания, условий труда, решению других актуальных социальных задач. Намечается осуществить мероприятия по дальнейшему развитию социального обеспечения, образования и культуры, улучшению условий жизни семей с детьми, отдыха населения.

Реализация этих и других мероприятий по повышению жизненного уровня трудящихся должна теснее увязываться с решением производственных задач. В этой связи проект ЦК КПСС предусматривает повысить действенность системы материального и морального поощрения, усилить стимулирующую роль оплаты по труду — основного источника доходов населения, обеспечивать опережающий рост производительности труда по сравнению с ростом его оплаты в отраслях народного хозяйства, в объединениях, на предприятиях.

Стратегические установки партии на 80-е годы находят свое воплощение также в заданиях по дальнейшему росту экономики, совершенствованию структуры общественного производства.

Достигнутые масштабы общественного производства, помноженные на намеченные темпы экономического развития, обеспечат крупный шаг вперед в формировании материально-технической базы коммунизма. По промышленности и сельскому хозяйству темпы роста производства в одиннадцатой пятилетке по сравнению с десятой ускоряются. Национальный доход, используемый на потребление и накопление, увеличивается на 18—20 процентов, а абсолютные размеры его прироста будут значительно выше, чем в текущей пятилетке. Надо иметь в виду, что по мере развития нашей экономики возрастает и весомость каждого процента прироста общественного производства.

На решение главной задачи одиннадцатой пятилетки направлены меры по совершенствованию важнейших народнохозяйственных пропорций. Предусматриваются опережающие темпы роста промышленности группы «Б» по сравнению с группой «А». Если производство средств производства в промышленности возрастает на 26—28 процентов, то выпуск предметов потребления увеличится на 27—29 процентов (против 21 процента в десятой пятилетке). Будет повышена роль отраслей тяжелой промышленности. Особый упор делается на всемерное развитие агропромышленного комплекса.

Одновременно с этим пропорции одиннадцатой пятилетки предусматривают и достаточное развитие отраслей, обеспечивающих устойчивое, поступательное развитие советской экономики в ближайшей и более отдаленной перспективе. Ускоренное развитие получат отрасли, определяющие научно-технический прогресс. Будет продолжено техническое перевооружение базовых отраслей промышленности — энергетики, металлургии, машиностроения, химии, а также транспорта и строительства.

Обеспечить устойчивые темпы воспроизводства и временно осуществить перераспределение ресурсов в пользу решения проблем, связанных с ростом благосостояния людей, возможно только на основе повышения отдачи от созданного производственного потенциала, лучшего использования наших ресурсов — материальных, финансовых, трудовых.

Именно поэтому в проекте «Основных направлений» последовательно развивается и воплощается в конкретных заданиях курс на повышение эффективности общественного производства и улучшение качества продукции и услуг во всех отраслях народного хозяйства на основе его всесторонней интенсификации. Это — ключевая проблема советской экономики на современном этапе.

Серьезные вопросы выдвигает перед партией и развитие социально-классовых отношений на этапе зрелого социализма. Они связаны с нарастанием процессов стирания граней между классами, а также стиранием внутрикласовых различий, повышением и постепенным выравниванием культурного уровня всех слоев населения, с ускоренным продвижением страны по пути к созданию социально однородного бесклассового общества.

Всемирно-историческим итогом деятельности нашей партии является советский человек, горячий патриот социалистической Родины и последовательный интернационалист, соединяющий в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять.

Партия придает первостепенное значение воспитанию в каждом советском человеке устремленности к высоким общественным целям, идейной убежденности, подлинно творческого отношения к труду. Здесь ныне проходит очень важный фронт борьбы за коммунизм, и от наших побед на этом фронте будет все больше зависеть и ход экономического строительства, и социально-политическое развитие страны. Задачи и требования коммунистического воспитания советских людей получили всестороннее обоснование в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, идейно-воспитательной работы», которое можно с полным основанием назвать конкретной программой работы.

Внимание партийных организаций, идеологических учреждений, пропагандистских кадров и актива сосредотачивается на следующих актуальных задачах политико-воспитательной работы: обеспечить высокий научный уровень пропаганды и агитации; усилить ее деловитость и конкретность, связь с жизнью, с решением хозяйственных и политических задач; развивать наступательный характер пропаганды и агитации.

Определив важнейшие задачи воспитательной работы, партия указала магистральный путь повышения ее действенности. Это комплексный подход к постановке всего дела воспитания, обеспечение тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания, с учетом особенностей различных групп трудящихся.

Верная ленинским заветам, партия не жалеет усилий для формирования нового человека, неустанно воспитывая советских людей в духе верности коммунистическим идеалам, готовности и стремления превратить свои убеждения в практические дела, в духе нетерпимости к недостаткам, к мещанской расхлябанности, безыдейности, к потребительскому отношению к жизни. В целях коммунистического воспитания партия широко использует весь богатейший арсенал средств идеологического воздействия: разветвленную систему политического и экономического образования, в которой занимаются десятки миллионов человек, печать, радио, телевидение, лекционную пропаганду, политическую агитацию, достижения социалистической культуры, литературы и искусства. Большая роль отводится партией воспитанию советских людей, особенно молодежи, на славных традициях партии и народа, которые вобрали в себя богатейший опыт борьбы и созидания. Величайшее воздействие на мировое развитие оказывает пример социализма. Огромные результаты, достигнутые под руководством правящих коммунистических партий в строительстве социализма и коммунизма, означают эффективную помощь трудящимся капиталистических стран в их классовой борьбе за демократию и социализм.

Своим повседневным самоотверженным трудом советские люди вносят максимальный вклад в дело обеспечения прочного мира на земле, в дело всемирного социального прогресса, в дело успешного осуществления Программы Мира, разработанной XXIV съездом и развитой XXV съездом КПСС.

В последние годы необычайно расширилась и углубилась внешнеполитическая деятельность нашей партии. КПСС и ее Центральный Комитет твердо и последовательно проводят ленинский курс, который завоевал доверие и поддержку всех миролюбивых и прогрессивных сил.

Огромные достижения социализма, успехи революционного и освободительного движения народов, перерастание разрядки в доминирующую тенденцию в международной политике — явно не устраивают империализм. За последнее время руководители военного блока НАТО и прежде всего США предпринимают активные шаги, чтобы вернуть мир к времени «холодной войны», стремятся проводить политику «с позиции силы», усиливают военную истерию. Нагнетанию напряженности в мире служит партнерство реакционных сил империализма с пекинскими гегемонистами, мечтающими об осуществлении своих великодержавных шовинистических замыслов.

В нынешней сложной международной обстановке, как отмечается в постановлении июньского Пленума, Центральный Комитет, Советское государство проявляют подлинно ленинскую выдержку, твердость и принципиальность, отстаивая и проводя в жизнь курс на сохранение мира, обеспечение безопасности советского народа, международной безопасности в целом, не поддаваясь на провокации и в то же время давая отпор империалистическим притязаниям.

Главной силой в антиимпериалистической борьбе, определяющей и решающей силой общественного развития, основным оплотом мира выступает мировая система социализма. Ее развитие, непрерывный рост мощи составляют ныне главное направление социального прогресса человечества.

«Советские коммунисты горды тем, — подчеркивает Л. И. Брежнев, — что они взяли на себя трудную, но благородную миссию быть в первых рядах борцов за то, чтобы отвести от народов опасность, связанную с продолжением гонки вооружений».

Огромное значение приобретают ныне сплоченность и активность действий международного коммунистического движения — самой влиятельной политической силы современности. Ныне в мире насчитывается 93 коммунистические партии, объединяющие в своих рядах более 70 миллионов человек. Выступая как подлинно патриотическая сила, наша партия твердо и последовательно отстаивает и проводит в жизнь один из главных принципов марксизма-ленинизма — принцип пролетарского интернационализма. Как и другие марксистско-ленинские партии, КПСС придает первостепенное значение дальнейшему укреплению этого движения, сотрудничеству братских партий на двусторонней, многосторонней, региональной и всемирной основе с тем, чтобы коммунистическое движение все более активно выступало как политически организованное ядро мирового революционного движения, объединяющее все революционные, демократические силы современности в единый антиимпериалистический фронт в целях борьбы за мир и социальный прогресс.

Проведение в жизнь ленинского внешнеполитического курса нашей партии и Советского государства способствует дальнейшему упрочению международных позиций нашей страны, всего мирового социалистического содружества, успехам дела мира, демократии и социализма.

Успешное осуществление Коммунистической партией своей руководящей роли в обществе основано на политической и идеологической зрелости партии, единстве и сплоченности партийных рядов, тесной связи партии с народом, на постоянном повышении ответственности партии за дело социалистического, коммунистического созидания. Советские люди воочию, на своем опыте убедились в том, что политическая линия партии, ее внутренняя и внешняя политика выражают их коренные жизненные интересы. Это и есть главная, решающая предпосылка неуклонного укрепления единства партии и советского народа. Это единство складывалось исторически, прошло суровое испытание и закалилось в пламени революционных битв, укреплялось и развивалось в годы строительства первого в истории социалистического государства рабочих и крестьян, в годы созидания социалистической экономики, культуры, нового опыта налаживания гуманных, истинно равноправных отношений и связей между народами и нациями нашей страны.

Сплоченность, единство общества — это величайшее завоевание, уникальное достояние социализма, наша бесценная,

необоримая сила. Опираясь на это, реализуя преимущества нового строя, партия пробуждает в массах огромную созидательную энергию, что в конечном итоге является гарантией последовательного осуществления политики, подлинно народной по своей глубокой сущности и целям.

И чем дальше продвигается наша страна по пути к коммунизму, чем более сложные крупномасштабные задачи она решает, тем полнее и ярче раскрывается мудрость и значимость политического руководства Коммунистической партии. Источником доверия народа к партии состоит в том, что если партия своим коллективным разумом намечает планы, ставит перед собой, перед всей страной задачи, то цели будут достигнуты, эти задачи будут решены.

XXVI съезд КПСС явится новой важной вехой на пути к коммунизму. «Наш курс, как и прежде, — говорил Л. И. Брежнев, — это курс мирного созидания, дальнейшего преобразования необъятных просторов страны, приумножения материальных и духовных богатств советского народа. И никому нас с этого пути не свернуть!»

Ленинская Коммунистическая партия Советского Союза находится на высоте задач современной эпохи. Беззаветным служением делу народа, делу коммунизма КПСС доказала правоту и справедливость ленинского утверждения, что партия — это ум, честь и совесть нашей эпохи. В этом ее сила и залог новых побед.

ТАКАЯ ДОЛГАЯ РАДОСТЬ

О черк

«Благодатная осень нынешнего года дала свои замечательные плоды. Произведено 900 тысяч и продано государству 800 тысяч тонн винограда. Республика никогда не знала такого урожая! И в этой небывалой щедрости лозы — не только самоотверженный труд наших славных виноградарей, но и неизбывная щедрость их души».

Из речи кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Грузии товарища Э. А. ШЕВАРДНАДЗЕ на митинге в Тбилиси 1 декабря 1980 года.

«За период с 1972 по 1980 год закупки винограда в Грузинской ССР возросли в пять раз».

Из официальных сообщений.

ПРИ первом же упоминании о Кахетии представляешь виноградную лозу, щедро унизанную янтарными или рубиново-алыми гроздьями. И тут хочется поведать читателю несколько интересных сведений. Ну, хотя бы, что предки кахетинцев уже восемь тысячелетий назад пользовались каменными ножами для подрезки виноградных кустов. Что среди ученых, правда, еще нет единого мнения, но некоторые из них, в том числе немецкий историк Хениш, считают территорию нынешней Кахетии родиной культурного винограда. Что кахетинская лоза — это лоза-феникс, которую полчища завоевателей разных времен жгли, рубили, уничтожали, а она всякий раз возрождалась к жизни. Что французскому (подчеркнем — французскому) путешественнику XVII века Шардену принадлежит один из многочисленных панегириков кахетинскому вину: «Уверенно могу сказать, что нет больше такой страны, где пили бы такое чудесное вино...»

Ну, а о том, что прославленного соотечественника Шардена — автора «Трех мушкетеров» Александра Дюма-отца кахетинское не только привело в восторг, но и вдохновило на состязание в винопитии с аборигеном, потерпевшим в этом со-

стязании неслыханное поражение, расскажет, пожалуй, не каждый, ибо в данной истории победителем фигурирует... пусть и знаменитость, но все же чужестранец! Если же говорить всерьез, то надо непременно упомянуть о том, что продукция кахетинских виноградарей и виноделов пользуется действительно широкой популярностью не только в нашей стране, но и во многих странах мира, куда она экспортируется во все возрастающем объеме.

В наши дни слава Кахетии — главного виноградарского региона Грузии — неизмеримо выросла. Никогда еще в Алазанской долине и Ширакской степи не было столько виноградников, сколько сейчас, а завтра их будет еще больше — за 1981 — 1985 годы в республике намечено занять под виноград 30 тысяч гектаров осваиваемых земель, из которых значительная часть приходится на Кахетию. Понятно, однако, что славу Кахетии создает не лоза сама по себе, а люди, из поколения в поколение лелеющие и холящие ее в жару и стужу, в засуху и проливные дожди. Растить виноград нелегко — это одна из самых сложных и трудоемких культур, требующих и физической выносливости, и глубоких знаний. Потому-то таким почетом окружают у нас виноградарей. Их, умелых мастеров, преданно служащих своему делу, немало в каждом кахетинском селе. Вот только в Чумлаки — одном из гурджаанских сел — восемь виноградарей достойно носят звание Героя Социалистического Труда, а один — бригадир Гиви Ильич Кенкишвили — лауреата Государственной премии СССР.

— Рассказать о себе? Ну что ж, попробую...

И я решил, не вторгаясь в этот монолог, познакомить с ним читателя.

— Начну с родословной. Мои предки и предки моих предков жили на этой земле. Выходит, я коренной кахетинец. Отец мой первую половину сознательной жизни был виноделом у одного из местных князей. Приготовленное им вино славилось на всю округу. А вторую половину жизни отец бригадирствовал в колхозе. Сказать, что я многому у него научился, значит ничего не сказать. Я повторяю его жизнь, точнее ту половину его жизни, которая была у него лучшей. Вижу, нравится тебе вино, смакуешь. Умение делать его — от отца. И любовь к лозе, к земле — тоже от отца. А мой отец унаследовал ее от своего отца, тот — от своего, и эта ниточка проходит через все поколения. Я бы сказал, каждый из нас повторяет лучшее, что было в наших родителях. Должен повторять. Иначе откуда взяться тому, что мы называем связью времен и поколений, верностью традициям народа, той его жизнестойкостью, которая помогает преодолевать все беды, все трудности и с надеждой смотреть в будущее. Вот и хочется мне, чтобы дети мои разглядели и взяли у нас, родителей, все самое хорошее, что помогло бы им в жизни. И чтобы протянули эту ниточку преемственности дальше — к своим детям. Кстати, жена моя только и мечтает о внуках. Правда ведь, Кето? Впрочем, чего тут скрывать, я их и сам жду с нетерпением.

1935740
1935740

Вот она вся перед тобой, моя семья. С Кето мы в одну школу ходили. Посватался я к ней, когда она училась в Тбилисском педагогическом институте. Не был я тогда ни женихом с дипломом, ни даже студентом. А вот — не отвергла! Кето воспитала мне двоих детей. Зурабу двадцать три года. Мужчина. Только что окончил Грузинский политехнический институт. Энергетик. Сейчас начинается у него пора становления как специалиста, гражданина, человека. Все же, что ни говори, это приходит в работе. Ну, а дочь Тина только-только закончила десятилетку. Работает у меня в бригаде и тоже подумывает о вузе. Я так рассуждаю: неважно, кем станет человек, — земледельцем, учителем или инженером. Главное, чтобы с душой свое дело делал. Хорошо, конечно, если Тина станет настоящим виноградарем. Но я не буду в обиде, если она продолжит семейную традицию по материнской линии — Кето двадцать лет преподает физику в средней школе, и кто может сказать, что это дело нестойкое, и кто не согласится, что хороший учитель — это куда лучше, чем плохой виноградарь!

Меня долго донимали расспросами: вот, мол, ты университет закончил, а работаешь бригадиром... Да и ты при первой встрече вроде бы удивился этому. А вышло так. В 1947 году закончил я среднюю школу, поработал немного в селе, и поманило меня в город. Поступил на курсы десятников в Тбилиси. Закончив их, остался в столице, работал на стройке. Сейчас, спустя многие годы, легко подвести под этот мой шаг какую-либо удобную «теоретическую базу» и показать себя с выгодной стороны: хотел, мол, возводить город, посвятить себя одной из самых прекрасных профессий и так далее. Прямолинейность кахетинского крестьянина не позволяет мне сделать это, так что не жди от меня прикрас. И в войну, и в первые послевоенные годы деревне жилось трудно, а город, он казался таким уютным, что ли, для житья-бытья... Потом уже, в 1952 году, стал я студентом Тбилисского университета. Получив диплом экономиста, вернулся в Чумлаки. Сейчас еще не в каждом селе встретишь экономиста с университетским дипломом, а в те времена и недавно. Тогдашний председатель колхоза Герой Социалистического Труда Владимир Захарьевич Осошвили, естественно, сразу же предложил мне должность экономиста. Понимал я, что от моего согласия или несогласия зависит вся моя последующая жизнь. Назови это как хочешь, но всем на удивление попросился я бригадиром виноградарей. Узнав, что вакансий нет, согласился возглавить бригаду строителей. Во-первых, опыт был, во-вторых, ближе к земле, а если, думаю, засяду в конторе, то потом трудно будет вырваться из нее. Строил коровники, детсад, Дом культуры, почту. В 1963 году перевели меня бригадиром виноградарей. С тех пор вот и работаю.

А полученные в университете знания всегда при мне. И всегда помогают в работе. Это только со стороны может показаться, что бригадиру ни к чему вузовские знания. Вот не так давно вышло постановление Центрального Комитета партии о

поощрении тех специалистов, кто переходит бригадиром, заведующим фермой или другим руководителем среднего звена. Значит, и тут нужны образованные люди. Я бы сказал, что это следствие больших социально-экономических преобразований на селе. Назову только два важнейших фактора: обилие всевозможной техники и высокий уровень образования нынешнего колхозника. Виноградари в нашем колхозе — это в большинстве своем люди со средним или неполным средним образованием, начитанные, с достаточно широким кругозором, и если руководить ими по принципу: «Эй, Ваню, принеси, подай, унеси!», многого не добьешься. Психология у крестьянина такова, что ему нужно, с одной стороны, поставить четко определенную задачу, а с другой — дать возможность проявить инициативу, утвердить собственное «я», раскрыться в творческом отношении к делу. Земле не опекун нужен, а творец.

Впрочем, я обещал рассказать о себе... Но о себе — значит и о других, я так понимаю, ведь никто из нас не живет обособленно, оторванно от людей, от их бед и радостей.

Мне довелось немало поездить и по нашей стране, и за рубежом побывать. Как-то под Прагой осматривали мы виноградники и винные подвалы пригородного хозяйства. Под конец гостеприимные хозяева устроили для нас дегустацию местных вин. Пробую я один, второй, третий напиток, и вдруг как будто током меня тронуло — чем-то напомнил мне очередной напиток наше «Ахашени». И сразу же перенесся я мысленно в Кахетию, в виноградники моей бригады, увидел всех вместе — сосредоточенное, в узорах морщин лицо первого нашего Героя Труда Тамары Майсурадзе, моих ровесников, друзей детства и юности, а теперь моих первых помощников звеньевых Давида Мгебришвили и Гогы Майсурадзе, то добрые, то строгие глаза одного из лучших знатоков лозы Давида Дагуашвили, быстрые, заботливо обхаживающие каждый виноградный куст руки Назо Гелашвили, Жужуны Берулашвили, Циалы Аракеловой... Поостыл у меня интерес к туристической поездке, и все оставшиеся дни только и думал о возвращении домой...

В прошлый свой приезд ты все о конфликтах допытывался, о трудностях работы бригадира, о взаимоотношениях в бригаде. Я далек от мысли «разбавлять» жизнь сладким сиропом — это все равно, что в доброе кахетинское подливать воды из ручья. Ни в одной семье не обходится без тренировок и шероховатостей, а в бригаде, где сорок пять человек, тем более. И все же, если оценивать ситуацию в целом, то она в бригаде, как сказали бы социологи, бесконфликтная. Причин я вижу несколько. Во-первых, коллектив сложился давно, состав его стабильный — все знают друг друга с малых лет, связаны друг с другом соседскими, а то и родственными узами. Добрые человеческие отношения, освященные традициями верности крестьянскому труду на родной земле и характерной для устоявшегося коллектива взаимной требовательностью, — это и есть, на мой взгляд, одна из главных составных нравственного комфорта, без которого нелегко, да и пожалуй, невоз-

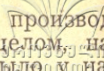
можно достичь успеха в нашем многотрудном деле. Тем более успеха длительного, постоянного. Ведь мы практически достигли той высоты, когда стало возможным программировать урожай, чуть ли не полностью исключая отрицательное влияние непогоды. А это требует постоянного напряженного труда, строго соотношенного с биологическими и сортовыми особенностями развития лозы, ее взаимодействием с внешней средой. В одной старой притче маленький внук, помогая деду собирать урожай, спрашивает: «Скажи, дедушка, сколько раз надо подойти к каждой лозе, чтобы на ней выросло столько гроздей?» А дед отвечает: «Э-э, внучек, если станешь считать, сколько раз в году холишь лозу, она обидится и вообще перестанет родить».

Но я не был бы до конца откровенным, если бы не сказал об экономической стороне дела. Раньше каждому виноградарю в нашем колхозе в качестве поощрения платили стоимость 35 процентов выращенного им сверхпланового урожая. Стимул, надо сказать, большой. Из года в год росла отдача земли. Но рос и план. Нам уже планируют по сто центнеров винограда с гектара, а для винных сортов это немало. Тут уже на сверхплановые проценты особенно рассчитывать не приходится — я имею в виду поощрительную доплату. Те 35 процентов нужны были, чтобы поднять урожайность. А сейчас, когда урожайность поднялась, найден, я считаю, великолепный выход. С 1977 года введен новый порядок материального стимулирования: каждый виноградарь, помимо основной оплаты, получает десять процентов стоимости выращенного урожая независимо от того, достиг он плановых ста процентов или не достиг. Правда, этот принцип не срабатывает, если план не выполнен по вине самого виноградаря.

Вот и выходит, что чем меньше вырастил, тем меньше получишь. Естественно, что это подстегивает, заставляет так выпестовать лозу, чтобы она не скупилась на урожай.

Предвижу возражения: мол, стоит ли так перегружать лозу, не отразится ли это на ее завтрашней продуктивности, не страдает ли качество винограда и так далее, и тому подобное. Тут мне придется высказать несколько спорных мыслей о виноградарстве. Начну издали. Лоза в Грузии существует тысячелетия. О древней культуре винограда у нас говорит и то, что трудно найти в мире край, где было бы столько сортов лозы, как в Грузии: у нас их около пятисот. А время, как известно, рождает традиции. Но все ли они столь незыблемы? Вот хотя бы такой пример. До последнего времени считалось, что нельзя торопить молодые виноградники с вступлением в пору плодоношения, считалось, что это ослабит их в дальнейшем. Сейчас это мнение опровергнуто, разработаны и внедряются методы ускоренного плодоношения молодых виноградников. Или другой пример. Культура лозы на высоком штамбе считалась буквально до недавней поры чуть ли не крамолью, а сейчас мы уже начали ее осваивать...

Я уже говорил, что мы программируем урожайность без особых поправок на погоду. Последние годы девятой и первые годы десятой пятилеток были невероятно трудными для ви-

ноградства, республика не справилась с планом производства винограда. А наша бригада, да и колхоз в целом, намного превысили плановый уровень, хотя задание было у нас немалым. В 1974 году бригада взяла с каждого гектара по 128,5 центнера винограда, в 1975 году — по 109, в 1976 году — по 141,3, в 1977 году — по 114, а в последние годы — по 120-130 центнеров. Урожайность, как видишь, стабильно высокая.

Может быть, у нас какие-то особые условия? Нет. За каждым членом бригады закреплено более гектара виноградника, это гораздо выше нормы, а значит, условия далеки от идеальных. Вот и подошел я к главному: за счет чего у нас стабильно высокий урожай? Это главное вступает в противоречие с агроправилами. В агроправилах сказано, что на каждом виноградном кусте следует оставлять до сорока глазков, потому что иначе куст будет перегружен и со временем лоза сникнет, не будет давать урожая. А мы оставляем до восьмидесяти глазков и, следовательно, имеем шансы получить вдвое больше гроздей. И получаем их. А как же с предположением, что лоза в таком случае зачахнет? Да никак! Лоза наша продолжает родить, и родить неплохо, потому что чем больше мы даем нагрузку на нее, тем усиленной ухаживаем за ней.

Говоря обо всем этом, я рискую навлечь на себя гнев некоторых чрезмерно рьяных сторонников традиций, которые в штыки встречают малейшее изменение в веками складывавшейся агротехнике виноградарства. Но ведь жизнь-то за нас, практика, ее результаты на нашей стороне. Так что, может, есть смысл ученым изучить нашу практику?

Давай вернемся к методам ускоренного плодоношения молодых виноградников. Ученые основывают эти методы на идее о том, что увеличение нагрузки надземных органов винограда влечет за собой более быстрое развитие корневой системы, то есть между надземными и подземными органами существует положительная корреляция. Почему не предположить, что это же явление распространяется и на взрослую лозу?

...Каждый раз, когда я вхожу в виноградник, как бы воочию вижу, как тянутся от лозы незримые нити к людям, тянутся так далеко, что и представить трудно. Лоза — это чудо природы, созданное на радость человеку. И если однажды осознал это, то навсегда проникнешься особой любовью к тем, кто, словно святыню, оберегает ее. И каждый раз, входя в виноградник, мысленно я говорю: «Живи и здравствуй, виноградарь! Пусть не иссякнет сила в твоей деснице, мравалжамиер тебе, многая лета!» С удовольствием повторяю я эти слова и сейчас.

С другим своим героем — коллегой Гиви Ильича Кенкишвили — тоже бригадиром виноградарей, Героем Социалистического Труда Карумом Сандроевичем Бурдиашвили — кстати, оба они заслужили свои высокие награды в десятой пятилетке, — я встретился в первый же день приезда в село Чумлаки — в февральский субботний день, и сразу попал, как говорится, с корабля на бал: не успел переступить порог дома

Карума Сандроевича и стряхнуть с себя дорожную пыль, как он повел меня на соседнее подворье. Оказалось, что его младший брат, механик Джемал отмечал свое сорокалетие. За длинными столами в просторном зале сидело человек тридцать. Все доводились друг другу родственниками. Здесь я и познакомился с матерью Карума Сандроевича восьмидесятилетней Като, сестрой — колхозницей Назо, братьями — трактористом Зурабом, водителем Гиви, виновником торжества механиком Джемалом, женой — учительницей Мариам, многочисленными племянниками, двоюродными братьями и сестрами. Все они, пахари и сеятели, виноградари и хлеборобы, живут по соседству, занимая добрую четверть всего Чумлаки, а село это, расположенное в нескольких километрах от Гурджаани, немалое.

Пришли мы в тот момент, когда в комнате стояла непривычная для застолья тишина. Племянник Карума Сандроевича техник лесхоза Роберт Джикурашвили, подняв бокал, лишь на две трети наполненный, по кахетинскому обычаю, золотистым домашним вином, говорил о тех, кто не вернулся с войны. И хотя далеко не все по молодости лет прошли сквозь горнило войны, как старший из братьев Зураб, слушали молча, погрузившись на мгновение в горькое раздумье, ибо у каждого особые счеы с войной, — у кого погиб отец, у кого брат... Нет в селе ни одного двора, которого бы не коснулось своим опаляющим дыханием военное лихолетье. Потому-то каждый, когда доходил черед до него, подбирал слова с той бережной тщательностью, с какой мастер подбирает разноцветные камешки, выкладывая на братской могиле мозаику памяти. Слова падали в какую-то особую тишину, будто семена во вспаханную и согретую майским солнцем землю. Наблюдая, как впитывали их собравшиеся за столом, я думал о том, что в такие минуты рождается духовная близость людей, возникает то желанное взаимопонимание, которое не всегда достигается при кровном родстве, несмотря на то, что века борьбы и невзгод выработали у нашего народа благоговейное отношение к кровному родству. В этом нет ни противоречия, ни преувеличения, поскольку высшим мерилom человеческих отношений, наверное, и является кровное родство, скрепленное духовной близостью. И еще подумалось о том, что именно в таких минутах и заключается вся мудрая прелесть грузинского застолья, освященного вековыми традициями и не опошленно старыми и новыми «веяниями». Все говорили коротко, и в этом немногословии тоже чувствовалась общность, близость друг другу. Когда поднялся Карум Бурдиашвили, стало еще тише. Он сказал всего одну фразу, и я запомнил ее от первого до последнего слова.

— Никто из нас не знает, когда проломится под ним ступенька жизни и какая из них окажется последней, поэтому мы не имеем права откладывать добрые дела на завтра, поэтому каждый прожитый день должен быть достоин памяти наших отцов, братьев, сестер.

По всему было видно, что это не просто слова. Позже я узнал, что девять его двоюродных братьев не вернулись с поля

битвы, навечно оставшись лежать — кто под Брестом, кто в лесах Белоруссии, кто на подступах к Берлину. Не вернулся и четверо его одноклассников — Гогия Даудишвили, Сорокидзе, Мелисашвили, Гогия Валухашвили, Мита Сисаури, которым было по семнадцать лет, когда они уходили на фронт. Самому Каруму Сандроевичу не довелось воевать, но тяжесть войны он испытал сполна. Мне трудно выбрать какой-либо один эпизод из тогдашней его жизни. Можно, например, рассказать о том, как изо дня в день вставал он на рассвете и шел вместе с другими ровесниками на виноградник одного из ушедших на фронт соседей, работая там до школьного звонка, а после школы работал на колхозном поле и лишь вечером, еле волоча ноги, направлялся в свой виноградник или огород, чтобы звать что-то уродила земля на прокорм семье. Рассказать об этом можно подробно, в деталях и красках, как рассказывали мне он сам, его мать, сестра, соседи. Но что в этом будет необычного? Наверное, ничего, ибо кому из подростков не приходилось работать в войну до седьмого пота, отложив на время учебники в сторону. Можно рассказать и о том, как вместе с тремя Руадзе — Зурабом, Валико и Гишелой пахал он каменистую алазанскую землю, когда лошади, падая от усталости, отказывались сделать хотя бы один шаг вперед. Эту картину я вижу зримо и ярко. Вот Зураб, Валико и Гишела впряглись в плуг, а Карум, вцепившись в рукоятки плуга и налегая на них всем своим худеньким телом, старается вывести прямую борозду. Лемех плуга скрежещет, натываясь на камни, и в этом скрежете Каруму слышится пулеметная дробь сражающего ненавистного врага, принесшего столько боли и горя родному селу, всей Грузии, всей стране. Но разве впервые кахетинцу противостоять врагу? Сколько существовала его Карума, родина, столько приходилось ей сражаться с врагами. Эти мысли удесятятуют силы. На ум приходят знакомые с колыбели каждому кахетинцу народные слова: «Господин наш, царь Ираклий, отрок-ках, летами мал, но рубаху он из стали натянул и вмиг порвал!» Эти строки подбадривают, напоминают о том, что в дни бедствий все до единого облачается в воинские доспехи — и простолюдины, и цари, никто не щадил себя, чтобы отстоять Отчизну. И снова скрежещет лемех о камни, и снова слышится Каруму пулеметная дробь. А весеннее солнце припекает все сильнее. Вспаханная полоса и взмокшие мальчишеские спины клубятся паром. Силы покидают юных пахарей, но остановиться, значит — упасть от усталости. Тогда кто-нибудь из них ломким мальчишеским басом запекает, вполголоса «Оровелу», чтобы размеренный ритм этой пахарской песни придал свежих сил. Песня сначала не дается, ускользает, дыхание срывается, но потом начинает звучать стройно и мелодично, и борозда ложится все ровнее и глубже. И когда пришел председатель колхоза Сико Липарташвили, они, обессиленные, лежали прямо в борозде, подставив ветерку окровавленные ладони и пытаясь таким образом унять боль. И нельзя было понять — то ли пот струится по их лицам, то ли слезы. Председатель отвернул-

ся, прикрываясь от лучей заходящего солнца, и почему-то сильно потер рукавом глаза...

Я представлял, как они шли по первой и самой трудной в их жизни пашне, пытался понять, о чем они могли думать и что чувствовать в те минуты. Когда я ехал из Гурджаани в Тбилиси, то невольно всматривался в лица юношей и девушек, заполнивших вагон электрички, — они возвращались в Тбилиси с воскресной побывки дома, возвращались в институты, техникумы, на стройки и заводы столицы. Их трудно было отличить от тех молодых людей, которых я каждый день вижу на проспекте Руставели и Чавчавадзе. Одеты по моде, со вкусом, на некоторых неизменные джинсы с фирменными заморскими нашлепками. Правда, ни на ком я не увидел традиционной кахетинской шапочки: но ведь любовь к так называемой малой родине со всеми ее внешними и внутренними атрибутами проявляется, как правило, позднее, в более зрелые годы. Однако не это волновало меня сейчас. Всматриваясь в ясные, ничем не замутненные, веселые и порой даже беззаботные, беспечные лица этих кахетинских парней и девушек, я думал о том, смогли бы ли они вспахать ту пашню военной поры? Пожалуй да, смогли бы. Может, не все, но большинство смогло бы. Почему я так уверен? Наверное, потому, что в свое время жил и работал в Приамурье, неподалеку от острова Даманского, и хорошо знаю, какое мужество проявили парни с такими же вот веселыми и даже беззаботными лицами. Были тогда на Даманском и ребята из Грузии, и было им лет не больше, чем этим моим попутчикам. Речь в данном случае не о собственно пашне, а о большем — о таком сопряжении духовных и физических сил, которое поднимает человека над его возможностями, удесятеряет волю, ведет к цели прямо и неотступно, отменяя все мелкие страсти и желания. А цель была самой сутью жизни — отстоять, вернуть своей семье, односельчанам, всем людям мирное довоенное бытие, и для этого Каруму и его ровесникам надо было работать, работать и работать, чтобы помочь ушедшим на фронт одолеть врага. Все это было понятно мне, и ничего нового я в том не усматривал. Новое и необычное было для меня в слове «радость», прозвучавшем в рассказе Карума Сандревича о тех далеких днях. Было совершенно непонятно, какую радость мог испытать он, если еле передвигал ноги от усталости и голода, а дома его ждал лишь небольшой кусок черствого лаваша да горстка сушеных фруктов, которые по вечерам подавала к столу изможденная заботами и печальми мать, отворачивая красное от непросыхающих слез лицо — не было писем от старшего сына, а в соседних домах то и дело раздавались пронзительные женские причитания — похоронки шли и шли одна за другой, и, казалось, не будет всему этому конца, поскольку вести с фронтов не оставляли надежд, что все это скоро кончится...

И вдруг он говорит о радости. Он так и сказал: «Каждый шаг по пашне давался мне с трудом, я спотыкался и падал, а мне казалось, что я большой и тяжелой птицей медленно, с тихой радостью парю над полем и ветер поддерживает мои

усталые крылья. С тех пор это ощущение радости не покидало меня — ни до конца войны, ни после. Не покидает оно меня и сейчас».

Что это? Феномен радости? Исключительно редкое явление?

За окнами вагона тянутся бесконечные ряды пустынных виноградинок Алазани. Красновато-коричневые сторукие лозы освободились от сладкого груза и, опираясь на шпалеры и бетонные столбики, застыли в ожидании скорой весны. На одном из белеющих столбиков удобно устроилась и дремлет древняя растрепанная ворона. Вдали угадываются (или мне это только кажется?) очертания прекрасного творения человека — Давид-Гареджи, и в памяти сами собой всплывают строки Георгия Леонидзе:

Если я вам порою кажусь раборцем былого,
И перо мне оплавил зарницы пылающий блик,
Значит, взор моих предков мне в сердце вонзается снова,
Значит, пристальный взгляд их мне в самую душу проник.
Этот взор неуклонный — навек я пред ним безоружен!
Так упрямо и круто он мой испытует глагол,
Что не знаю уже — то ли дар мой кому-нибудь нужен,
То ли пел я впустую и стих пустоцветом зацвел.
Или впрямь постарел я — глашатай родимого края,
И на сердце тоска навалилась — хоть криком кричи...
Но ловлю этот взор и, как прежде, встаю, замирая,
У судьбы на краю, где виденья скрестили мечи.

Кахетия всегда вызывает ассоциации с далеким прошлым, и это вполне естественно, ибо здесь на протяжении веков бушевали крутые ветры Истории. Я смотрю на виноградники за окном вагона и повторяю леонидзевские строки. В глазах начинает рябить от мелькания лоз. Я закуриваюсь, и передо мною снова предстает Карум Сандроевич Бурдиашвили со своим феноменом неугасающей радости. Я вижу его лицо крупным планом. Оно ничем особенным не примечательно. Пожалуй, это типичное лицо кахетинца. В любопытной книге П. Леснова «На берегах Алазани», вышедшей недавно в Москве, есть характеристика «настоящего кахетинского типа»: «Мужчины высокого роста, широкоплечи, хорошо сложены, с сильно развитыми икроножными мускулами, продолговатым лицом, прямым носом, темными или черными волосами, преимущественно с черными или карими, реже голубыми глазами... Кахетинец прежде всего трудолюбив, немногословен и горд. Как правило, он хлебосолен. Никогда не говорит, не подумав. Это свойство проявляется даже тогда, если разговор идет об известных вещах. У кахетинца развито чувство национальной гордости». Что ж, Карум Сандроевич полностью подпадает под эту характеристику, если внести некоторые уточнения: он не высокого, а немного выше среднего роста, глаза у него карие. Первое, на что обращаешь внимание при знакомстве, а потом и при общении с ним, это спокойствие — не радужная безмятежность и не пустоватое хладнокровие, а именно спокойствие, душевное равновесие. Даже за пиршест-

46.03.53
11.01.53

венным столом на дне рождения у младшего брата он был спокоен и не более. Кажется, что ему не свойственны неожиданные всплески чувств. Каруму Сандроевичу за пятьдесят, и это спокойствие очень подходит его возрасту, но, оказывается, оно было присуще ему и в молодые годы. Странно то, что это органически свойственное ему спокойствие, по-моему, не очень-то вяжется с постоянной радостью, ведь должно же это состояние радости как-то проявляться внешне, даже если оно спрятано глубоко в душе.

Снова и снова вспоминаю пройденный им путь, перебираю в памяти эпизоды его биографии — быть может, они натолкнут на разгадку. Жизненный путь Карума Сандроевича прям, лишен каких-либо зигзагов.

Правда, в самом начале, после окончания школы, он вдруг отошел от земли — почти три года работал на транспорте, а потом вернулся, и уже навсегда. Тут прямое сходство с биографией его знаменитого земляка, коллеги и соперника Гиви Ильича Кенкишвили, который после школы, как вы помните, уехал в Тбилиси, но вскоре вернулся в Чумлаки и больше никогда не порывал с землей и родным селом. Судьбы их во многом схожи, а вот характеры противоположны. Гиви Ильич эмоционален, разговорчив, скор в движениях, непоседлив. Помню, как приходилось мне разыскивать его по всему селу, а он на «Москвиче», полученном от ВДНХ СССР в награду за высокие урожаи винограда, носился по своим бригадирским делам от полевого стана к правлению, от правления к складу...

Впрочем, если строго следовать анкетным данным, то надо сказать, что Каруму Сандроевичу еще один раз пришлось уехать на время из Чумлаки — в 1949 году он поступил в Бакурцихский сельскохозяйственный техникум, где учился вместе со своими товарищами по школе Георгием Руадзе и Володей Хетешвили, которые тоже руководят теперь виноградарскими бригадами. После окончания техникума работал агротехником по виноградарству, в 1953 году вступил в партию, в 1966 году, когда уже был студентом-заочником Грузинского сельскохозяйственного института, стал бригадиром. Обратите внимание на такую закономерность: все четверо стали бригадирами в зрелом возрасте. В Кахетии, где каждый чуть ли не с колыбели постигает премудрости выращивания лозы, руководить виноградарями доверяют, как правило, людям многоопытным, не только досконально познавшим свое дело, но и жизнь повидавшим.

Первый свой трудовой орден он получил в 1962 году. Потом были другие награды — и личные, и общие, бригадные. Как-то ВДНХ СССР премировала бригаду двумя тысячами рублей. В среднем на каждого приходилась приличная сумма, но бригада по-иному распорядилась деньгами: подарила школе и Дому культуры по пианино, а правлению колхоза — телевизор. Это лишь один из многих штрихов, свидетельствующих прежде всего о той атмосфере, которую сумел создать в бригаде Карум Сандроевич. Говорить о том, что бригада работает хорошо, я не стану хотя бы уже потому, что награды и ордена зря не дают, тем более, что Бурдиашвили в 1978

году стал Героем Социалистического Труда. Но все же подчеркну, что урожайность винограда в бригаде давно перевалила за сто центнеров. Подход к лозе здесь такой же, как и в бригаде Кенкишвили — усиленная нагрузка на каждый побег и усиленный же уход. С 1966 по 1980 год включительно бригада Карума Сандроевича перевыполнила план по выращиванию винограда почти за полторы пятилетки. Выходит, что за эти пятнадцать лет прожито двадцать два года.

Но как ни крути, а тонны, годы и другие сугубо конкретные категории мало что раскрывают в Каруме Сандроевиче той позиции, с той точки зрения, с какой он заинтересовал меня. Они, как пунктирные линии, могут лишь указать общее направление пути и ничего не могут подсказать о том, что движет человеком на этом пути. Надо, наверное, вспомнить, что вот уже двадцать лет Карум Сандроевич — бессменный депутат сельсовета. И о том, что многие годы он избирается председателем товарищеского суда колхоза. А заодно вспомнить кое о чем из того, что он сделал и делает на этих весьма уважаемых в колхозе выборах постах. Все это, конечно, интересно...

За окном электрички плывут виноградники. Очертания Давид-Гареджи давно поглотила даль. Не знаю почему, но мне опять пригрезились леонидзевские образы. «Но ловлю этот взор и, как прежде, встаю, замирая, у судьбы на краю, где виденья скрестили мечи». Стоп, стоп! Я понял, почему мне все время казалось, с первой с ним встречи, что я знаком с Карумом Бурдиашвили или где-то видел его! Ведь именно таким представлял я кахетинского пахаря из одного небольшого, две странички, рассказа Георгия Леонидзе. И вот почему всю дорогу возникают образы, созданные этим мудрым «глашатаем родного края».

«Ни к кому не питал злобы плугарь Ниния, не знало его сердце вражды. А если случалось кому вольно или невольно обидеть его — говорил:

— Сколько сынов человеческих ходит по земле, и у каждого свой толк, своя повадка. Разве всем в душу заглянешь?

Никогда не мечтал он о богатстве, не жаждал иных сокровищ, кроме золота выращенных им хлебов».

И дальше:

«И, окинув взором налитые нивы, шептал благоговейно: — Надёжа моя, божья благодать!»

И еще:

«Ниния обвел с высоты медленным взором изобильные поля. Все здесь было мило его сердцу, жадно впивал он глазами бурое золото зрелых нив, светлую зелень подросшей отавы...

Сладостное воспоминание тронуло его сердце. Он улыбнулся.

Двадцатилетним юношей впервые взялся он за плуг. И, значит, шестьдесят лет ходил за ним по борозде, пахал, возвращивал хлеб, кормил народ!»

94135340
0110333

Вот оно в чем дело! И никакого значения не имеет то, что Ниния в рассказе — глубокий старец, а Каруму Сандроевичу лишь пятьдесят с лишним, что первый всю жизнь выращивал хлеб, а второй — виноград. Их похожесть — в их духовности, во внутреннем их состоянии, которое откладывает отпечаток и на внешность. Раскрылась, стала ясна мне природа всегдашнего спокойствия и, одновременно, неугасимо светящейся изнутри радости Карума Сандроевича. Тогда, в горестно трудную весну 42-го года, он, изможденный непосильным трудом мальчишка, всем своим существом, видимо, понял, что у человека должна быть своя сверхзадача, главная цель жизни. И там же, на той пашне, в его натруженное тело и остро воспринимающее мир отроческое сознание проникла радость от понимания того, что, работая только вот так — до последнего усилия — можно приблизить цель, которая тогда для него и для всех заключалась в победе. И нет ничего удивительного и непонятного в том, что ощущение радости осталось в нем навсегда, так как со временем менялась только задача, но оставалась неизменной сверхзадача — делать все, что можешь, и даже то, что, на первый взгляд, не по силам. Иначе говоря, там, на пашне, открылся ему смысл жизни, смысл его личного мира и бытия. «Никто не знает, когда проломится под ним ступенька жизни и какая из них окажется последней...» Его собственная жизнь начиналась в пору, когда война повсюду, даже за тысячи километров от линии фронта, сеяла смерть, внезапное, незатухающее горе. «...Поэтому мы не имеем права и откладывать добрые дела на завтра, поэтому каждый прожитый день должен быть достоин памяти наших павших отцов, братьев, сестер». И он с полным на то основанием может сказать о себе, что каждый свой день живет именно так. Вот откуда у него такая долгая, неугасающая радость! И вполне вероятно, что только из нежелания показаться слишком речистым он называет не покидающее его состояние радостью, хотя оно, это состояние души, во все времена и на всех языках называлось счастьем.

Нико АНДРОНИКАШВИЛИ

«НЕ ОСТАВЛЯЙ БЕЗРОДНЫМ СТИХ...»

ЗАМЕТКИ О ПЕРВЫХ КНИГАХ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

В аннотации к сборнику стихов Ираклия Цигрошвили отмечено, что автор в своих произведениях правдиво отображает сегодняшний день нашей страны, мысли и устремления молодежи, жизнь современной деревни и города. Я думаю, тот, кто познакомится с этим сборником, не только не обнаружит в нем картин современности, не увидит жизни сегодняшнего города или села, но и затруднится определить, в какой стране, в какую эпоху создавались эти произведения.

И все же кто осудит будущее прошедшим,
Сегодня
Скорбь следует за мной хаосом...
Вот
Сколько времени прошло.
И я с трудом иду с кладбища¹.

Это единственное стихотворение, где упоминается слово «сегодня». Но что это за день, и почему именно в этот день скорбь следует за лирическим героем стихотворения, почему или куда идет он «с трудом с кладбища», понять невозможно, даже ознакомившись со всем сборником Ираклия Цигрошвили. Одно ясно: поэта страшит время, его течение, именно этот страх, как видно, является причиной его, на первый взгляд, беспричинной тоски:

Течет дней войско
И безмолвно отнимает у этого мира
Облик, и во мне растет маленькая скорбь,
И мне этого мрака странным гостем
Быть довелось.
Мой взгляд, устремленный на воды и рощи,
Нигде не избежал своей судьбы, кончилось...
Или кому я кричу...
Кто я...

¹ Здесь и далее переводы стихов подстрочные.

Чего я
Достигну... Тень ночных скелетов —
У дверей моих стоит,
С мерцающей лучиной
Ищу я свет неба и суши...
Течет дней войско
И, встревоженный, иду я по роцам.

Течение безжалостного времени, преходящесть всего сущего — основная тема поэзии Ираклия Цигрошвили и основной источник его поэтического настроения.

Так свет, предназначенный для тебя,
Опустится...
Высохнет трава.
Вселенная,
Туман рассеивающая,
Дремучие леса преисподней призывают тебя.

Время уничтожило вот этот цветок,
Время ведь не знает жалости,
Сошли воды, которые должны были сойти,
Растет
И сохнет трава.

Существуют вечные явления — день сменяется днем, месяц следует за месяцем, год за годом, времена года совершают свой постоянный круг, человек рождается, живет и умирает: все это не ново, описание или констатация этих явлений ничего не дает искусству, живительным источником которого является новизна. А в стихах И. Цигрошвили, на мой взгляд, нет того, что придало бы окраску новизны уже знакомому и не раз сказанному, выявило бы его под неизвестным доколе углом, связало бы с нашим временем, современностью. Без всего этого невозможно установить контакт с читателем, взволновать его, затронуть струны его души. Не соответствует времени, эпохе, ритмам наших будней и архаическая лексика стихов. Молодого начинающего поэта, на мой взгляд, должна волновать не только тема безжалостного времени и преходящести жизни. Ираклий Цигрошвили не предлагает в своем сборнике почти ничего нового ни в отношении формы, ни в отношении содержания.

Проблема времени волнует и Джемала Давлианидзе. Один из его рассказов называется «Месяцы» и имеет подзаголовки — «Январь», «Февраль», «Апрель» и т. д. Герой возвращается к пройденным дорогам своей жизни. Каждый отдельный отрывок — этап этого путешествия — связан с определенным месяцем. Лирический герой персонифицируется в том или ином месяце, который и определяет настроение данного конкретного воспоминания. Понятия — «путешествие», «воспоминание» — весьма условны, поскольку они скорее повод для размышлений автора, «поток мыслей» и самостоятельного значения не имеют. «Я отправлялся туда, где прожил три года. Белые степи, о которых я так тосковал, успокаивая, рас-

стилались предо мной. Подобно зернам четок, перебирал я различные мысли, не в состоянии остановить их поток, а вокруг все было уныло, бледно и безмолвно... Быстрое перемену по степи радовало меня. Вчера был день моего рождения, но и он находился в вечном движении. Кто-то из нас двоих, я знал это, постоянно двигался либо изначала был в застывшем состоянии...»

Таков стиль Дж. Давлианидзе. Для этого произведения характерна манера фрагментарного, отрывистого повествования, где фраза не имеет самостоятельного эмпирического значения, но служит созданию определенного настроения. Поэтому значение здесь придается не логической последовательности мысли, а многозначности образа, подтексту, символу, намеку. В рассказе «В тоннеле» содержится следующий комплекс подобных образов-символов: «Все перемешалось: распятый Христос, западная часть церкви, половина монастыря, ночной страх, человеческая жизнь, обращенная в скелет, два дерева (вероятно, кладбище, мой дед болеет, и это беспокоит меня); сложенный, однажды раскрытый лист века, песня молчания... (холод погребенных в церкви)...» И так на протяжении всего рассказа.

Порой автор предлагает нам и парадоксы философского порядка: «Вчера был день моего рождения, и я, как все, люблю этот день, только в отличие от остальных я постоянно скорблю о тех родителях, которые не родили меня». Или же: «Внезапно меня словно током пронзило: «я придуман».

Вообще в произведении заметна претензия на неординарность, желание выбраться из тоскливой атмосферы повседневности, тошнотворного мещанского быта. И служит этой цели нетрадиционный, нервный стиль. Хотя порой высказывания автора весьма недвусмысленны: «Моего начальника звали Петре. Он любил смеяться. Женщины, работающие на складе, считали его счастливым — год мог пройти так, что ему и гвоздя забить не приходилось. Придет домой, сунет ноги в шлепанцы и все дела... Петре покраснел от похвалы, посмотрел в окно... Придет домой, включит телевизор (он обычно аккуратно вырезывает телепрограмму на неделю и кладет на специально предназначенное ей место — маленький столик), потом газеты, журналы... «Эх!» — вздыхает Нино. «Счастливичик, счастливичик», — продолжает Тamar, а Петре смотрит в окно и, как всегда, ничего не видит...»

Петре умер и в память о себе оставил телевизор марки «Рубин» и вырезанную из газеты программу на неделю. Автора волнует проблема смысла человеческой жизни, связь человека со временем, с эпохой. Таково основное содержание рассказа Джемала Давлианидзе, которое, в свою очередь, и определяет его форму. «Мои ранние рассказы распались и перемешались между собой... Предметы и явления, не находя связи друг с другом, тут же улетучивались. Они были разные, склеенные холодом; я часто плачу, вспоминая детство. В такие моменты меня, подобно навязчивому сну, тревожит некая мысль, и детство, обращенное в прозрачную песнь воды, согревает лишь то, что приближает меня к белому огню. Переход в ни-

что, скорбь, откуда, каким образом, как далеко? Камень и плоть — свившийся в земле корень лозы, трепет пурпурных теней. Кто ты? Откуда, каким образом, как далеко? Одночество и ниоткуда взявшийся страх прихода и ухода, — горе, свившееся в тикающих часах... Желание убежать отсюда, время, свернувшееся в тикающих часах, и слова: «Откуда, каким образом, как долго?»

Этот риторический пассаж (подобные пассажи мы встречаем и в других местах) не соответствует избранному автором стилю, он из области иной стилистики, хотя следует отметить, что для произведений Джемала Давлианидзе характерен стилистический эклектизм. А это, на мой взгляд, говорит о том, что для автора первична форма, а не содержание, что он обращается к риторике, чувствуя внутреннюю необходимость в хаосе бессистемных образов выразить какую-либо мысль. Такой стиль оставляет впечатление скорее эксперимента, литературного упражнения, нежели истинно художественного феномена.

Первая книга Автандила Чхиквишвили также называется «Время». «Все горести приносит нам время, да разве только горести, а радость, восторг, любовь... И все горести лечит время, оно несет и радость, и гордость, и упоение...» Для художественного воплощения данного положения автор персонифицирует время в образе душевнобольного героя: «Я сам — часы, — сказал вдруг Бондо, — во мне идет время. Вот послушайте, как я тикаю: тик-так, тик-так!» Введение этого образа-символа в реалистическую, в основном, ткань повествования оставляет впечатление искусственности, ничего не дает произведению ни с художественной точки зрения, ни со смысловой. И здесь мы становимся свидетелями того, как простое искусственно осложняется, когда образу насильственно придается многозначительность, чем то и дело грешат молодые авторы.

С точки зрения связи со временем наиболее интересна новелла «Снег». И здесь автор явно искусственно создает определенную ситуацию, в которую помещает своего героя. В данном случае эта искусственность оправдана, поскольку служит созданию верной с психологической точки зрения картины: путем искусственного ускорения хода времени писателю удается наглядно показать столь продолжительный и непостижимый процесс, каким является возмужание отрока, формирование личности. Страх одиночества, суровая романтика труда в этом процессе воспринимаются как реальные жизненные явления, а не как абстрактные «философские» категории.

«(Глядяваешь полки с книгами. Бесчисленное множество авторов, знакомые фамилии, ответы, данные на тысячи вопросов, масса слез и улыбок. И тем не менее есть вопросы, которые волнуют только тебя, есть боль, которая именно твоя боль... И ты хочешь о ней рассказать другим...» Этими словами открывается поэтический сборник Шабура Арабули. Какие же вопросы волнуют его? О какой боли поведали его стихи?

...Кто меня обнадежит в том, что через сто,
а то и более лет

В один большой завод
Не превратится наша планета?

УДК 82.09
ББК 84.091.093

Основное настроение поэтических произведений Шабур Арабули антиурбанистическое. Современный город со своим ритмом, техникой, масштабами пугает поэта. В стихотворении «Вернувшиеся домой» он обращается к медицинской сестре, вернувшейся с фронта домой, и заканчивает его таким парадоксом:

Ну вот, слепой пули ты чудом избежала,
Прикрыла раненого солдата.
Но теперь ты здесь, в городе,
Поди, освободи меня от этого сна!

Город, по мнению Арабули, убивает в человеке поэтическое начало («о, вдруг всех отучит смотреть в небо ваш город!»). Поэт с тоской вспоминает патриархальное село:

Вот и этот год сменяется новым,
Новый, наверное, что-нибудь изменит...
Меняется в горах дорогой сердцу дом,
Исчезает дым очага.

Качавшее мою колыбель счастливого ребенка,
Загрустит мое солнце певчее,
Куда идет мое милое село?
Куда идет мое милое село?

Современный город, технический прогресс поместил красоту, приволье в жесткие рамки, поэту хочется убежать из такого города:

Я закрыл дверь,
Опустил на окна занавеси
И не мог оторвать взгляда от дремлющего
На подоконнике в глиняном горшке цветка.

Единственное пристанище для поэта — муза, которая дает возможность ему уединиться в шумном городе: «Иду в вашу голубую келью — большого города лирический остров».

Антиурбанистическая тема в поэзии Ш. Арабули сочетается с антимилитаристским настроением:

Если какому-нибудь мизантропу попадет
в руки в один прекрасный день судьба мира,
ведь достаточно будет одной минуты, чтобы
все превратил бы он в прах...

Человечество не должно допустить новой войны, потому что:

... она начнется (если начнется)
и кончится!
И мы не пойдем ни начала ее,

ни конца,
 просто мы будем словно спать
 на вулкана вершине!
 Не должно произойти третьей и последней!

Как видно, поэт волнует эта проблема и он искренен в своих переживаниях. Но стихи тем не менее не лишены патетичности, порой он чрезмерно патетичен:

Адама и Еву из рая я бы не изгонял,
 Я построил бы сказочный замок
 и во всевидящую подзорную трубу заставлял бы
смотреть

На Ватерлоо,
 Крцаниси,
 Бородино!

Что касается антигородского настроения поэта, то оно, мне кажется, явно односторонне, однобоко и потому чувствования не вызывает. Если город рождает в поэте одни лишь отрицательные эмоции, ничем не привлекает, не очаровывает, не удерживает и основная причина его скорби — разлука с селом, то проблему эту очень легко решить, переселившись в деревню. Но поскольку поэт не делает этого и упорно «борется» с городом, очевидно, мы имеем дело не с болью поэта, а с не так уж удачно избранной темой. И вместо истинной поэзии, которая действительно не существует вне «собственной боли» и «собственных вопросов», налицо литературные упражнения, за исключением нескольких стихотворений.

В поэзии Таризла Хархелаури довольно часты надуманные, ничего не выражающие образы: «Обломались крылья мои бессильные, тело вниз опускается и на почерневших скалах ястребиным цветом застывает». А подчас безвкусные строки: «Дайте мне в зубы солнечным лучом, как кинжалом, либо лоб мне разбейте косо, эй, деревья, хлопайте, я плачу. Горящую нежность ромашек пронесите через мое сердце, потом всем пахарям назло зернами бросьте меня в пашню».

В книге Т. Хархелаури мы сталкиваемся не столько даже с экспериментом, сколько с подражанием хорошо известному в истории литературы опыту: «Ураганы заревели, как грустно мне стало, как я устал... Желтый полдень, роща помешалась, ржанье, топот, хохот, стон, спускается ночь, душа моя, тебе страшно?»

Романтическая скука и усталость, а также стон и страх и упомянутые выше обессиленные обломанные крылья воспринимаются в стихах молодого поэта как поза, притянутые за уши поэтические атрибуты, поскольку в содержании этих стихов не видно никакого основания для усталости, скуки, страха и ломки крыльев; короче, привлеченные поэтические аксессуары никоим образом не соответствуют содержанию стихов, не являются средством выражения мышления, мировоззрения автора. У Таризла Хархелаури есть строки, свидетельствующие о его способности художественно воплотить поэтической мысли там, где он непосредственен и есте-

В первом случае М. Хетагури, как мне кажется, более искренна, и поэзия ее всегда выигрывает, когда она рассказывает о повседневности, о самой себе без нарочитой манерности.

Этические проблемы поднимает в своих рассказах Бадри Чохонелидзе. Уже заглавия их — «Семья», «Брат» — говорят о том, что речь идет о взаимоотношениях в семье. Герои его рассказов — в основном люди молодые. Поведение их и отношения между собой несут на себе печать некоторой отчужденности, но цель автора — выявить тот большой гуманизм, доброту и любовь, которые таятся в не столь уж упорядоченных отношениях между его героями. Автор стремится также показать благотворное влияние традиции на молодежь, но жизненная правда в его рассказах не всегда поспекает за абстрактной мыслью. В таких случаях ситуации, созданные автором, неестественны, лишены художественной правды. Этическим проблемам, поднимаемым в рассказах, недостает обобщающей силы. Они так и остаются проблемами одного героя или узкого круга героев. В произведениях Б. Чохонелидзе скорее всего вскрывается внутренний мир героя и в известной степени ослаблена связь с внешним объективным миром.

Для рассказов Нугзара Шатаидзе характерна сельская тематика. Его отличают реалистическая манера письма, здоровый, бодрый юмор. Без претензий, но с большим интересом рассказывает он о жизни села, перед нами проходит довольно колоритная галерея действующих лиц. Писатель не ищет проблем, они возникают сами по себе в повседневной жизни, которую он рисует, и если рассказам его недостает «философской глубины», то зато их отличает жизненная правда. Здесь же надо сказать, что автор порой слишком увлечен бытовыми деталями, а там, где это увлечение мелочами превращается в самоцель, рассказы теряют силу художественного обобщения.

Радость, смешанную с болью, вызывает книга рассказов Джемала Топуридзе. В них покоряет какая-то внутренняя энергия, экспрессия, определенная писательская смелость, полная ясность и определенность образа, отрицание полутонов...

Лучшие рассказы сборника ассоциируются с манерой письма Гурама Рчеулишвили и Василия Шукшина, основная черта которых, на мой взгляд, — в остром ощущении времени, связи с внешним миром. А для молодого писателя, впервые заявляющего о себе, полагаю, самым важным как раз и должна быть подобная связь с временем, эпохой, служащая опорной точкой, основанием, на котором возводится необъятный, сложный мир, называемый художественным творчеством. Джемал Топуридзе не успел воздвигнуть свой мир; у остальных, его ровесников, «тяжкий путь познания» — впереди. И первейший наказ, которым можно благословить их в дорогу, заключен, наверно, в словах Галактиона Табидзе: «Не оставляй безродным стих, вне времени, эпохи и пространства!»

УРУКИ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Роман Отара Чиладзе «И всякий, кто встретится со мной» принадлежит к циклу произведений, которые могут быть объединены под общим названием — романы об одиночестве. Одиночество — одна из важнейших тем в современной романистике. В наше время, когда нет проблемы территориальной разобщенности, все еще не решена проблема духовной коммуникабельности. Эпоха НТР породила новые проблемы духовной жизни и взаимоотношения людей.

Жизнь индивида выражается в его духовных интересах. Когда человек не находит отклика и поддержки в сознании и психике других людей, у него возникает ощущение одиночества.

Этой весьма актуальной проблеме принадлежит важнейшее место в современной философии и художественном мышлении Запада. По мнению некоторых европейских специалистов, ее следует рассматривать как катастрофу, тотальный моральный кризис людей двадцатого века.

Этот вопрос своеобразно поставлен и в романе Отара Чиладзе «И всякий, кто встретится со мной».

Знакомство с Отаром Чиладзе-романистом состоялось с выходом в свет его первого романа «Шел по дороге человек», в котором отчетливо проявилась своеобразная манера писателя. Целый ряд вопросов современной грузинской литературы в чиладзевской интерпретации предстал по-новому. Но если первое прозаическое произведение О. Чиладзе явилось для читателя сюрпризом, то второе было воспринято уже как закономерность. В литературных кругах стали раздаваться отдельные голоса о том, что по своей типологии второй роман О. Чиладзе перекликается с нашумевшим романом Маркеса «Сто лет одиночества». Однако анализ глубинных проблем обоих романов убеждает в ошибочности подобных взглядов.

Как у Маркеса, так и у Чиладзе центральным местом развития действия является деревня, задуманная автором как маленькая ячейка вселенной, претерпевающая процесс распада. Подобная ячейка представляет собой распространенный объект для анализа в современной романистике. Первичность пространства здесь отсутствует в той же степени, в какой от-

сутствует реальность как один из критериев познания предметов или явлений. Поэтому говорить о сходстве этих романов фактически нелогично, ибо вышеизложенная форма художественного выражения специфична не только для романа Маркеса, а является вообще отличительной чертой современного романического жанра. Подобно Маркесу, избравшему своим объектом родословную семьи Буэндиа, Отар Чиладзе определяет место личности в конкретной этической системе на широком историческом фоне жизни и судьбы представителей династии Макабели. Но и эту общечеловеческую проблему нельзя считать убедительным аргументом сходства двух названных выше романов. Исходным принципом сходства или различия может быть не наличие общей проблемы, а своеобразие ее решения. С этой точки зрения эти романы диаметрально противоположны.

Основной принцип, используемый О. Чиладзе в романе «И всякий, кто встретится со мной», — выявление подлинной сути человека, — это именно то, что имел в виду Достоевский, говоря «найти в человеке человека». Можно сказать, что традиционный девиз — «человек никогда не бывает похож на себя, он только стремится к этому» — определяет движущие, побудительные импульсы героев романа.

Главный герой романа, скрывающийся под чужим именем и майорским мундиром, Кайхосро Макабели, всей своей иллюзорной жизнью старается не обнажить истинного лица своего. Это типичный филистер, человек, который, прикрываясь именем нравственности, творит безнравственность. В обществе о нем как о личности господствует ложное представление, которое с выявлением правды неминуемо разрушится. Жизнь Кайхосро Макабели находится в полном соответствии с его нравственными принципами: «...Вот Ной, например, он не смог умереть ради ближнего своего. Гибели вместе с ближним он предпочел измену ближнему. Что, не так? Не это написано в Библии? Большого предателя, чем Ной, человечество не знает. Куда там Иуда! Ной предал весь род человеческий. Ему бы предупредить людей: так, мол, и так, торопитесь, спасайтесь, кто как может! А он сидел и сколачивал ковчег... небось еще при этом и напивался. Ной — мое божество! — крикнул майор, поставив (а верней, уронив) на стол свой пустой стакан. — Ной — мое божество! Умереть может всякий, а вот спастись — нет...»

В своем творчестве Отар Чиладзе-романист охотно обращается к мифу, назначение которого в литературе быть связующим звеном между ирреальным и эмпирическим планами, что достигается большей частью путем приравнивания материального мира к духовному.

В прозе Отара Чиладзе назначение мифа несколько иное. Если в героическом романе Маркеса мифический строй передается посредством возведения микромира в макромир, то у Чиладзе, наоборот, происходит сведение фантастико-божественного мира к эмпирической действительности. Миф в его романах приобретает земную жизнь. Формула эта распространяется на оба романа Чиладзе. Так, в романе «Шел по дороге человек» автором разрушен героический миф об аргонавтах,

изменен угол зрения — миф увиден с позиций действительности. Имеет место и переоценка этических норм и принципов. Нам известен христианский девиз — «возлюби ближнего своего». Но вот к чему призывает Кайхосро Макабели: «Мой ближний мне ненавистен». Майор боится ближнего, страх привил ему болезненный комплекс неполноценности, и он нарушает высшую нравственную заповедь человечества.

Одиночество личности и вытекающая отсюда отчужденность определены ее конфликтом с действительностью. Герой старается уйти от каждодневности, выйти за ее рамки. Но окружающий мир не может разрешить проблем, вставших перед героем, он должен постараться в процессе самопознания разобраться в самом себе.

Основное различие между романами Маркеса и Чиладзе состоит в понимании этого вопроса. В произведении Маркеса одиночество героя обуславливает познание окружающей действительности, в романе же Чиладзе — неосознанность героем собственного ничтожества. Если в романе Маркеса превалирует героическое начало, то у Чиладзе показан процесс духовного падения личности.

В романе «Сто лет одиночества» полковник Аурелиано Буэндия хочет приобрести определенные права в определенной этической системе и всю жизнь с оружием в руках борется за осуществление этой цели. И хотя средства ее достижения — не всегда в пределах благородства и этичности, тем не менее герой не теряет своего человеческого достоинства. Полковник проигрывает все битвы, но убеждается в высшей правде — что смысл его существования сводится лишь к достижению собственного освобождения: «Уверенность в том, что он наконец-то сражается за свое собственное освобождение, а не за абстрактные идеи и лозунги, которые политики в зависимости от обстановки могут выворачивать с лица наизнанку, наполняя его пылким энтузиазмом».

Вся жизнь Кайхосро — безосновательная борьба, но не с врагом, а с собственной женой, сыном, с внуками и, наконец, с самим господом богом.

Несоответствие между кажущимся и действительным вызывает тревогу в оторванном от реальности сознании Кайхосро Макабели. Выявление собственного лица фактически означает его физическое уничтожение, поэтому правда неприемлема для него, он борется не за то, чтобы спастись, а за то, чтобы остаться. Лишь импульс самосохранения продлевает его существование.

А более всего боится Кайхосро смерти: «Смерть — вовсе не очищение, отец мой! Смерть — это грязь», — говорит он отцу Зосиме.

Его существование опирается, в основном, на подсознание и инстинкты. Мечтой Кайхосро Макабели было, чтобы «его внуки никогда не выросли. Не то чтоб они погибли — он слишком их боялся, чтоб допустить такое и в мыслях, — но просто чтоб они навсегда остались детьми, чтоб они не жить перестали, а расти». Он не хочет, чтобы внуки вырастали, потому что в их возмужании он видит свою старость. Здесь мы

наблюдаем абсолютно новый, неожиданный поворот в проблеме взаимоотношений между поколениями.

Процесс духовного падения Кайхосро Макабели велико-лепно передан на фоне его физической гибели. «Те три-четыре литра крови, которые он с таким трудом, такой дорогой ценой спас, которые он так заботливо оберегал, теперь уходили из его пропитанного смертью, насквозь прогнившего — изнутри тела вместе с вонючей мочой, и остановить их не могло ничто! Это он понимал и сам и по ночам, думая о своей близкой смерти, плакал от ужаса — громко, душераздирающе, как побитый ребенок».

Особое место в духовной жизни Кайхосро занимает отец Зосиме, который догадывается, что под маской майора скрывается другой человек, что Кайхосро не тот, за кого его принимают.

Взаимоотношения Кайхосро и Зосиме представляют собой некую репродукцию идеи, выраженной в мифе о Каине. И само название романа взято из мифа о Каине. Мы знаем, что Каин за убийство Авеля ждет от бога смертного приговора. «...И всякий, кто встретится со мною, убьет меня», — говорит Каин, но бог вместо смерти осудил Каина на существование, полное страха за содеянный грех.

Вспомним диалог Кайхосро и отца Зосиме:

«Мне и так плохо... а ты тут еще масла в огонь подливаешь! — упрекнул его Кайхосро. — Уведи меня отсюда, батюшка... — тут же горячо взмолился он. — Не могу больше! По ночам сквозь стены просачиваются! Шипят, шепчут, идут... Вот в эту щель весь город врывается, весь этот проклятый город! Все меня убить хотят — и жена, и сын, и внук... Креста на тебе нет, что ли?

— И всякий, кто встретится со мной, убьет меня... — сказал отец Зосиме.

— А? — наострил уши Кайхосро. — А? — ему смутно почудилось что-то знакомое, давным-давно забытое...

— И всякий, кто встретится со мной... — повторил священник.

— А за что? Я-то ведь никого не убивал! — растерялся, рассердился, испугался Кайхосро. Глаза его застлало красным туманом, словно белизну за окном вдруг осветило пламя.

— Хорошее вино... — сказал отец Зосиме, отхлебнув глоток и опять ставя стакан себе на колени.

Да, спасения для Кайхосро не было! Против него были все — и люди, и бог; и люди, и бог требовали его крови. Богом был послан и этот проныра священник, всю жизнь лакавший его вино, а теперь тоже вдруг потребовавший крови... С первого же дня их знакомства он так поджимал губы, словно был в заговоре с Кайхосро, словно, жалея и щадя его, хранил какую-то великую тайну. Этим-то отец Зосиме и дурочил его, незаметно пробуждал в нем чувство несуществующей вины, мерцая глазами и причмокивая, постепенно накидывал ему на шею петлю несуществующего греха! А вот теперь, когда Кайхосро своим многолетним молчанием сам впутался в эту игру в прятки, священник не только требовал мзды за сокрытие мнимого греха, но, не удовлетворяясь уже беско-

нечным, ежедневным угощением, тоже жаждал крови — четырех литров старческой, уже водянистой, заплесневевшей от стольких тревог и неприятностей крови... Кайхосро выплеснул свой стакан ему в лицо — на, мол, вот тебе моя кровь! Но этого он не сделал, не дал воли ни рукам, ни словам — одиночества он страшился еще больше, чем правды».

Правда, Кайхосро не убивал человека, но это не единственный критерий определения нравственности личности. На первых страницах романа он выглядит защитником вдовы, проповедующим милосердие. Поначалу читатель относится к нему даже с некоторой симпатией, но по ходу действия ощущение это постепенно исчезает и вырисовывается истинный облик Кайхосро.

Сын Кайхосро, Петре — двойник своего отца. С детства проявлялись в нем отрицательные наклонности. Он забрасывал лягушек и дождевых червей в постель Георгию, камнем дробил курам клювы, закапывал цыплят в раскаленный песок и придумывал еще и еще тысячу различных способов, чтоб развлечься. В стремлениях еще неоформившегося ребенка уже проявляется основанный на страданиях других атавистический инстинкт духовного удовлетворения.

Отар Чиладзе не перегружает произведение анализом событий и не прибегает к отвлеченным рассуждениям для выявления индивидуальных качеств героя. Герой сам своими действиями, своим видением окружающего мира выдает себя. И когда писатель говорит о том, что Петре заботился не о теле своем, а о душе, о той самой душе, сохраняя которую в себе ты все еще живешь и с потерей которой наступает смерть, он знает, что для Петре нет спасения, ибо недуг, передающийся в семье Макабели из поколения в поколение, у него — в крови.

В образе Анны, мастерски обрисованном писателем, борются два человека. Единственная защитница Георгия, сына от первого мужа, она в то же время ищет защиты у Кайхосро — человека, который сам нуждается в ней. Анна в силу своей пассивности, нерешительности и рабской покорности явилась причиной как собственной трагедии, так и трагедии Георгия.

Элементы эпического повествования перенесены в романе на задний план. Каждый герой отличается индивидуальностью, которая проявляется как в его поступках, так и во внешнем облике. Чиладзевская художественная речь и метафорическое мышление — это не только определенно сформулированное средство поэтизации, но и материализованная художественная мысль. Происходит трансплантация духовного процесса в художественную форму.

Как раскрывает писатель образ Анны-матери? Вспомним отрывок из романа, где Анна узнает, что Георгий, которого она считала пропавшим, вернулся. «Деревни она и не замечала — не слышала разъяренного лая рвавшихся к заборам собак, не видела собравшихся у родника женщин, которые, скрестив руки на груди, подняв плечи и сложив губы трубочкой, молча глядели ей вслед, не стеснялась и мужчин, гурьбой выбежавших из лавки Гарегина. Она бежала, вот и все, стесняться ей было нечего, это было ее дело и никого,

крсме нее, не касалось. Она бежала к сыну, к вернувшемуся, вторично родившемуся сыну, бежала так, словно они не виделись целый век, словно век назад они условились встретиться за деревней, в горячем от солнца винограднике и теперь этот час настал. Теплая мягкая пыль ложилась ей на лицо, грудь, волосы, мешала дышать, проникала в пересохший от волнения рот, липла к небу, оседала на языке, ее невозможно было ни проглотить, ни сплюнуть: и все-таки Анна бежала, летела, стремилась вперед — смело, не мешкая, как колокольный звон, как пламя свечи, как душа покойника к всевышнему...»

Анна — герой трагический. Анна нужна Кайхосро так же, как монахиня монастырю, но не для того, чтобы молиться, а для того, чтобы выгребать мусор, и она готова к этому. В жизни Анны, полной катастроф, Георгий был единственным утешением, но и его она теряет.

Каков же сам Георгий, что он собой представляет? Это типичный «лишний человек», слабый и безвольный. Он видит все, что делается вокруг, но не может противостоять превратной жизни, вступить с ней в борьбу. Он пассивен, как и другие персонажи романа. Автор раскрывает образ героя в его развитии, показывает, как смысл его жизни постепенно сводится к абсурду. Абсурдна и смерть Георгия — инстинктивно он сам подставляет грудь под кинжал борчалинца.

Жизнь его не нужна никому, кроме Анны, и никто ничего не теряет с его смертью. Она обесценена, поскольку Георгий не сумел противостоять суровому испытанию одиночеством и установить контакт с людьми. Цель его жизни — биологическое существование. Он превратился в игрушку, призванную развлекать других. Ему не удается окончательно освободиться и познать себя. Даже малейшая попытка оказать сопротивление привычной жизни кончается для него крахом.

Композиционная основа романа построена на столкновении взаимоисключающих интересов героев, конфликтах, парадоксальных ситуациях. Каждый персонаж романа — это новый духовный мир, новые интересы, новое отношение к действительности, к жизни.

Линия борчалинца, на мой взгляд, — главный сюжетный узел романа. Удивительно точно обрисован субъективный мир борчалинца, его переживания, с предельной поэтической полнотой переданы его чувства, эмоции, болезненные ощущения, вызванные неосуществимостью человеческих стремлений. Борчалинец отличается от остальных героев как своими нравственными атрибутами, так и мировоззрением. Автор интересуется деталями прошлой жизни своих героев настолько, насколько они помогают раскрытию их характера, выявлению их духовного мира. «Десять лет подряд он был всей душой привязан к чужому отродью, не зная толком, сколько у него собственных детей; десять лет подряд он целовал ноги христианке, да еще чьей-то вдове, в то время как четыре женщины грызлись, словно цепные псы, из-за чести вынести его помой. Десять лет подряд он был влюблен как безумный и, не колеблясь, перерезал бы глотку собственной жене или сыну, осмелся бы преградить ему путь в Уруки!»

Все эти десять лет он был другим человеком, у него было другое сердце, другие глаза — это-то он понял сразу; но в том-то и была беда, что эти десять лет слепоты не только были лучшим, драгоценнейшим временем его жизни, но остались им и сейчас, когда они ему уже не принадлежали, навсегда от него отделились, задвигались сами по себе, как отрезанный хвост ящерицы. Желания мстить у него не было: теперь он уже не был уверен, что действительно заслуживал потерянного, казавшегося ему своим лишь по глупости. И все-таки о мести он думал все время. Мстить-то он был обязан, хотелось ему этого или нет; это зависело не только от его желания, это был его долг перед богом и потомством, многочисленным уже, как овечья отара, потомством, над которым, словно четыре злые овчарки, кружились четыре женщины». После того как майор ранил борчалинца, месть последнего была неминуема, надо было только решить, кому мстить, кто больше заслуживал смерти — мать или сын; о майоре он даже и не думал. И борчалинец остановил свой выбор все же на Георгии, его месть — это не традиционная форма кровной мести, а своеобразная компенсация душевной боли, вызванной потерей Анны.

Он чувствует, что сильнее, чем любовь к Анне, движет Кайхосро зависть, желание овладеть ею, оставив ни с чем своего соперника. На протяжении многих лет он видит, как злоба, завезенная Кайхосро с чужбины, душит всех и его самого. Взаимоотношения борчалинца и Кайхосро похожи на азартную игру, ставкой в которой стала Анна. Борчалинец именно тогда убивает Георгия, когда Анне особенно нужен сын. Он перерезал последний живой нерв, связанный с его воспоминаниями, и этим завершилась его миссия.

«Паноптикум» чиладзевских героев своеобразно пополняет предельно экспансивный образ Ягора. По словам писателя, судьба выпала ему злая и убогая. Не сумев одолеть ее, он стал могильщиком и утешался тем, что хоронил других. Но та же судьба возвела несчастного некогда могильщика до величия божества, сделала повелителем и единственным правителем обитателей маленького мирка. В мире чиладзевских героев отсутствуют традиционные категории пространства. Мир Ягора — это государство в государстве, идеология которого основывается на близорукости людей, загубивших в невежестве.

Художественная структура каждого произведения формируется в определенной объективной общественной обстановке. Правда, в романе не дана точная периодизация эпохи, но события этой части романа, по всем признакам, относятся к 900-м годам, ко времени прокладывания железной дороги в Кахети. В то время еще не было сформировано идеологическое мировоззрение масс. Ягор же выступает носителем государственной идеологии своего времени, идеологии государства, прогнившего на корню, государства, узаконивающего подлость и рабство. Ягор отлично понимал, что перед ним люди, существование которых оправдывалось преступностью каждого и в то же время болезненной, дошедшей до безумия потребностью искупления собственных грехов. Он понимал также, что, проявив свой страх перед ними, он обречет себя на ги-

бель. В сбразе Ягора нашли свое дальнейшее развитие идеи Кваркваре Тутабери, героя одноименной пьесы Поликарпе Какабадзе.

В тривиальное окружение своих героев Отар Чиладзе вводит совершенно иной персонаж — врача Джандиери, который противопоставлен всем действующим лицам романа. Лечить людей — святая его обязанность, но в борьбе с родовым недугом Макабели он бессилен. Процесс разложения семьи Макабели ничто уже не в силах остановить.

Врач Джандиери — трагический герой, характер которого писатель передает с глубоким психологизмом и художественной непосредственностью.

Духовный мир героев в романе материализован, их действия основаны на конфликтах, на душевных коллизиях. Над миром, увиденным привычным взглядом, доминирует действительность, увиденная взором мысленным.

Роман постепенно избавляется от действующих лиц, семья Макабели доведена до конвульсивной агонии. Естественно, возникает вопрос — неужели ни один из героев не сумеет достичь высшей инстанции правды и останется неразрешенной главная проблема романа — «найти в человеке человека».

Ответ на этот вопрос мы должны искать в финале романа.

В произведении запоминаются образы детей Петре — Нико и Александр. В отличие от остальных героев путь собственного освобождения Нико видит в совершенно другой сфере. Его интересы вырастают до уровня общественных, радиус его действий расширяется. Он первым покидает пределы дома Макабели, в результате чего навсегда отрывается от него.

Разница между братьями проявляется впервые после того, как Александр лишается правой руки во время взрыва в свинарнике. Этот физический изъян сделал его взрослым раньше времени. Судьба не для того обезобразила его, чтобы он стал посмешищем для других, а для того, чтобы выделить его, чтобы он раньше других познал мир.

Почти всех персонажей романа объединяет общая черта — пассивность, природа же Александра основывается на более действенных началах. Кайхосро и Петре увязают в трясине злобы и безнравственности, Александр же разжигает огонь зла. Его цель — вершить месть жизни, он похитил даже труп Кайхосро, чтобы выразить этим свою ненависть, ярое желание разрушить и уничтожить все, что связано с его воспоминанием. Что же послужило причиной такого отношения Александра к жизни? Ответ на этот вопрос дает сам герой: «Меня за первую же детскую шалость ремнем выпороли — чтоб я не сделал ничего посерьезней! Мне за паршивую свинью еще в детстве руку отрубили — чтоб я и в мыслях не смел бороться со зверем покрупней! У меня, батюшка, брата отняли — чтоб я никогда не знал, чего я хочу, что могу, что делаю... Да нет, не отняли, отделили от меня, как от прокаженного, — чтоб я думал о нем с мучением и завистью,

чтоб я ненавидел его, а не настоящего врага! Ему писали письма, его вспоминали, а меня завидев, родная мать тубы кривила! Им гордились, а меня жалели, терпели, кормили не милости. Мне надо было кого-нибудь убить, чтоб не погибнуть, не увязнуть окончательно в болоте зависти и ненависти! Да нет же, почему кого-нибудь — деда моего, вот кого надо было убить, его одного! Все мы от него пошли, в нем наше общее начало! Но этого я не смог. Хотел, жаждал, но без брата и без руки не смог!.. А вчера я исполнил обет, данный в детстве...»

Истоки освобождения Александра опять-таки — в его активной натуре. Он решает повидать брата, высланного в Сибирь, и когда приезжает туда, оказывается, что брата его давно нет в живых. Здесь он находит шестилетнюю дочь Нико — Марту и легенду, в которой Александр находит оправдание самому себе. Марта знала от отца, что «ее дядя Александр — самый сильный, смелый и добрый человек на свете; что, если она не найдет дороги домой, он разыщет ее сам — сквозь стену пройдет, а разыщет, в преисподнюю спустится, а разыщет, до небес дотянется, а разыщет... У него, правда, одна рука, но не дай бог кому-нибудь встать на его пути или осмелиться обидеть Марту!»

Неудачник Александр Макабели все-таки смог разобраться в том, что он представляет собой и почему живет. «Никогда еще в жизни он не был так счастлив, так свободен, а главное, так спокоен. Он сам не знает, что с ним, не в силах понять, что с ним стряслось, что внушило ему такое настроение, но самое главное он уже понял, твердо осознал. Легко, как пыль, рассеялось вековое сомнение; простой и беспочвенной, как этот порхающий по ветру листок, стала для него вековая загадка: кто я и зачем я существую? Он, дядя этой маленькой девочки, существует, чтоб заботиться о ней! Ободренный выжнившейся простотой этой загадки, он идет, жадно вдыхая густой от пыли воздух и с силой выталкивая его раздувающимися ноздрями, суровый, могучий, как боевой конь. Сейчас, когда до родного дома им остались считанные шаги, он окончательно убеждается в том, что все происходящее вокруг происходит наяву, что он действительно Александр Макабели, что впереди него действительно идет Марта, дочь Нико, его плоть и кровь, оправдание и утверждение его собственного существования... маленькая, слабая еще, а все-таки жизнь — упрямая, растущая, смелая, радостная и благодаря своему дяде, этому однорукому верзиле, навек спасенная, навек вернувшаяся домой». Род Макабели не прекратился. Он нашел свое продолжение в маленькой Марте, которая должна повернуть в противоположную сторону колесо судьбы всех Макабели. Марта должна взвалить на свои плечи тяжесть не только всего своего рода, но и тяжесть завтрашнего дня всего человечества. Она символический образ счастливого будущего грузинского народа.

В романе «И всякий, кто встретится со мной...» специфические особенности традиционного романа органично сочетаются с элементами современного модернистского жанра. Своеобразная манера повествования, психологическая мотиви-

рованность духовных процессов, богатая символика, голово-
кружительная цепь метафор, конечно же, не совсем обычны
для читателя, воспитанного на традициях классического рома-
на, в отличие от которого у Отара Чиладзе действительность
не исчерпывается только внешним, бытовым планом. Колли-
зии, конфликты, пространные рефлексии, включенные в по-
вествование, построены на художественном видении внутрен-
него мира героев.

В романе каждый герой, каждый предмет играет симво-
лично-условную роль. Уруки не только село, но и этическая
единица более широкого масштаба — микрогосударство, в ко-
тором действуют определенные правила и законы. Трагедия
его героев заключает в себе резонанс исторического прошлого
всего народа.

Высокохудожественное мастерство, своеобразие поэтиче-
ской речи, свойственные Отару Чиладзе, раскрывают в нем
художника и мыслителя, сочетающего в себе талант поэта и
романиста.

ПУСТЬ МАЯКОВСКИЙ ЗАЗВУЧИТ ПО-ГРУЗИНСКИ!

О ПЕРЕВОДАХ НА ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Первые художественные переводы с русского на грузинский язык и с грузинского на русский относятся к концу XVII — началу XVIII века. Особый размах переводческой деятельности в тот период был обусловлен созданием в Москве и Петербурге двух так называемых «грузинских колоний» (поселений грузин-эмигрантов), где обосновались переселившиеся в Россию грузинские цари Арчил II (1647 — 1713) и Вахтанг VI (1675 — 1737) с многочисленной свитой, в составе которой находились выдающиеся деятели грузинской культуры.

Именно тогда в Москве и возникла грузинская типография, на широкую ногу встало печатание грузинских книг. Проявив исключительный интерес к лучшим образцам русской литературы той поры, деятели грузинской литературы очень много сделали для их перевода на родной язык.

Но небывало расширились масштабы переводческой работы в Грузии после установления здесь Советской власти.

И среди тех русских советских писателей, которых особенно интенсивно начали переводить на грузинский язык в советский период, наряду с основоположником литературы социалистического реализма, великим пролетарским писателем М. Горьким был зачинатель русской советской поэзии, талантливый поэт нашей эпохи Владимир Владимирович Маяковский.

Но тогда как горьковские переводы в Грузии восходят к дооктябрьской поре, к заре нашего века, переводы В. Маяковского всецело относятся к советскому времени.

Уже к концу тридцатых годов на грузинский язык была переведена большая часть из его наиболее значительных произведений. Эти переводы принадлежат многим выдающимся

деятелям грузинской литературы, в том числе известным поэтам П. Яшвили, В. Гаприндашвили, К. Надирадзе, Ир. Абашидзе, Ил. Мосашвили, М. Патаридзе, Ил. Агладзе, Д. Гачечиладзе, Гр. Цецхладзе, В. Горгадзе и некоторым другим.

Особо следует отметить высокий уровень переводов, выполненных Ираклием Абашидзе, Паоло Яшвили, Валерианом Гаприндашвили, Колау Надирадзе и Микелом Патаридзе, которые больше всех других переводили на грузинский язык произведения Маяковского.

Их большой опыт в этом направлении дает интересный материал как для теории художественного перевода, так и для конкретных практических рекомендаций переводчикам, поскольку процесс перевода новаторского и очень своеобразно стиха Маяковского крайне сложен и сопряжен с рядом трудностей.

Но прежде чем конкретно говорить об отдельных, наиболее примечательных переводах (либо по методу, либо по качеству исполнения, остановлюсь кратко на своеобразии стиха Маяковского в сопоставительном плане с грузинским, ибо это своеобразие в какой-то степени поможет лучше понять те факторы, которые облегчают либо затрудняют перевод его произведений на грузинский язык.

В этой связи коснусь лишь одной очень интересной проблемы, которая, к сожалению, совершенно не затронута исследователями, тогда как их усилия в этом направлении могут выявить немало факторов, способствующих проникновению в творческую лабораторию поэта, более глубокому постижению некоторых специфических черт его языка и стиля.

Это вопрос о влиянии грузинского языка, грузинского устного народного творчества и некоторых образцов национальной литературной классики на творчество В. Маяковского.

Нельзя не учитывать того положения, что в его стихах очень много созвучий с грузинской идиоматикой, народно-этическим творчеством, языковыми формами. Иногда построение предложения у него крайне схоже с фразеологическими конструкциями, принятыми в грузинском языке. И это не удивительно, поскольку грузинский язык поэт изучал вместе с русским в самом раннем детстве и впитал его, как говорится, вместе с материнским молоком. Ведь все детство, отрочество и юность Маяковского прошли в грузиноязычной среде.

По многочисленным свидетельствам современников — родных, друзей и близких, поэт прекрасно владел грузинским языком, знал наизусть массу грузинских стихов как классиков и современников, так и образцы грузинского фольклора. Он любил их декламировать и часто это делал. Знал также множество грузинских народных песен. Все это не могло не повлиять на поэтический дар и художественный язык Маяковского.

Характерен в этом отношении случай, происшедший на приемных испытаниях в кутаисскую гимназию. Когда маленького Володю на экзамене по закону божьему спросили, что

такое «око», он, не задумываясь, ответил: три фунта. Древнерусское слово «глаз» он воспринял как грузинское слово, обозначающее меру веса.

Несомненно, многие грузинские слова, усвоенные Маяковским в самом раннем детстве, так укоренились в его сознании, что фонетическая, морфологическая, эмоциональная, музыкальная, смысловая и другие стороны грузинской лексики оказали на его поэтическое дарование сильнейшее влияние, проявившееся во многих сферах его творчества и, в частности, в словообразованиях, к которым он так часто прибегал. Ощущается оно также в ритмике и метрике стиха, где часто легко улавливаются грузинские соответствия, в рифмах, нередко построенных на грузинский лад, то есть на основе рифмовки омонимов (так наз. «маджам») и т. д.

И тут следует сказать о ряде компонентов поэтической формы стихов Маяковского, которые, на наш взгляд, в какой-то мере перекликаются с грузинским языком и стихосложением.

В грузинской речи очень распространено превращение прилагательного или отглагольных форм в подлежащее и перенесение на него акцента фразы. Этот прием настолько часто встречается у Маяковского, что мы даже не будем приводить примеров.

Иногда некоторые обороты речи Маяковского не только являются калькой грузинской фразы, но и импульсированы грузинской идиоматикой или какими-либо распространенными в этом языке поэтическими построениями. Например: «Выхарканный **чахоточной ночью** в грязную руку Пресни» («Облако в штанах»). Интересно, что в пору жизни молодого В. Маяковского в Кутаиси там была распространена песня «Чахоточный день».

Недаром поэт, выросший и возмужавший на юге, долго чувствовал себя на севере не совсем уютно: «Вижу — выжжена южная жизнь», «Пусть исчезну, чужой и заморский, под неистовства всех декабрей» («России»). Думается, что изумительная аллитерация в первой фразе (повторение «ж») тоже где-то вдохновлена грузинским стихом, для которого, начиная с Ш. Руставели, аллитерация является наиболее характерной чертой.

Грузинский глагол — один из богатейших в мире. Количество его форм доходит до нескольких сотен. В этом смысле он — явление поразительное и беспримерное. Хорошее знание грузинского языка определяется умением владеть всем богатством сложнейших глагольных и отглагольных форм. В. Маяковский настолько хорошо знал грузинский язык, что вполне владел «таинством» грузинского глагола.

Полагаю, что производные от глагола, столь характерные для грузинского языка и не так сильно свойственные русскому, часто импульсированы именно грузинскими глагольными формами. То же самое можно сказать и о производных некоторых других частей речи.

1935
1933

Приведем несколько примеров, где, на наш взгляд, чувствуется грузинская «основа». «Изахолустничается», «Сшатался с пятого этажа» — «Чамоэтриа мехуте сартулидан». Или такое сочетание: «жидких кровью» («цкал цкала сисх-лит»).

Мы не касаемся грузинской лексики, так щедро вошедшей в стихи поэта, в которых есть слова, словообразования и целые фразы, довольно искусственные для русской речи, кажу-щиеся чуждыми как для его народного говора, так и для ли-тературного языка, но легко объяснимые, если учесть специ-фику грузинского языка. Они как бы predeterminedены грамма-тическими особенностями, строением фразы, стремлением к составным композитам, присущим грузинской речи.

Вот несколько примеров: «И вижу: сидят людей полови-ны» («Прозаседавшися»). «Людей половины» — для русской речи звучит неестественно и странно, а в грузинском языке выражение «халхис нахевари» или «нахевари халхи» — вполне естественно и привычно.

«С волнения не уснешь» (там же) — для русского языка более правильным было бы выражение «от волнения не ус-нешь». Но в грузинском языке распространен именно пред-лог «с», то есть «ит» — «дардит вэр давидзине», или «симц-рит вер даисвенеб».

«От Волги отвернувшим морд толстоту» («Сволочи») — было бы более естественным выражение «отвернувшим тол-стые морды», но в грузинской фразеологии такие превраще-ния очень часты: «сахета симргвале, сахета сиске» и т. д.

Интересна и рифма Маяковского. В ней отчетливо видна близость к такому роду рифмы, которая характерна для гру-зинского стиха (так наз. «маджама»), т. е. «омонимной рифме». Например:

«Вдруг прожектор, вздев на нос очки,
впился в спину миноносочки»

(«Военно-морская любовь»).

«Как весело, сделав удачный удар, смотреть растопырил
ноги как, и вот врага, где предки, туда отправила шпаги ло-гика». («Эй»).

«Впутая голову ветвистую,
затравленным зверем над миром выстою».
(«Ко всему»).

«Сшатался с пятого этажа,
улица клубилась визжа и ржа».
(там же)

«Ступенями строк ввысь поведи!
До краев полное сердце вылью в исповеди!»
(там же).

Близость к грузинскому языку и стиху особенно отчетливо видна в начальный период творчества В. Маяковского. Но с годами она постепенно уменьшается и слабеет. Видимо, поэт все больше вживался в стихию родного русского языка, освобождаясь от влияния грузинского.

Говоря о переводах В. Маяковского на грузинский язык, мы коснемся лишь четырех из них, именно тех, которые считаем лучшими из всего того, что переведено грузинскими поэтами. Это: «Владикавказ—Тифлис» (1924) в переводе Ираклия Абашидзе, «Левый марш» (1918) в переводе Паоло Яшвили, «Марш ударных бригад» (1930) в переводе Валериана Гаприндашвили и «Бруклинский мост» (1925) в переводе Колау Надирадзе.

Чтобы понять метрическое и ритмическое соответствие оригинала стихотворения «Владикавказ — Тифлис», переведенного одним из лучших представителей грузинской советской поэзии, талантливейшим лириком, поэтом-академиком Ираклием Абашидзе, и его грузинского эквивалента, приведем параллельные тексты первой строфы, являющейся как бы камертоном всего произведения (грузинский текст дан в русской транскрипции).

Только
Нога
ступила в Кавказ,
я вспомнил,
что я —
грузин.
Эльбрус,
Казбек
и еще —
как вас?!

Рогорц ки
давадги
пехи Кавкасиас,
мкисве момагонда
ром ме
картвели вар,
Мкинвари,
Казбеки
да кидев
ра гквиат?!

Как видим, в русском оригинале первая строфа состоит из десяти строк, из которых первая-вторая, пятая-шестая, седьмая-восьмая и девятая-десятая — двухсложные. Поскольку в грузинском языке двухсложный размер крайне редко встречается, переводчик прибегает к трехсложному размеру как наиболее приближенному к метрике оригинала (и лишь один раз, в пятой строке ему удается сохранить двухсложный размер), но ритмически располагает их таким образом, чтобы звучание грузинского перевода как можно больше походило на оригинал.

В переводе Ир. Абашидзе много точных созвучий, полученных благодаря изобретательности и мастерству переводчика. Например:

Мы бродим,
мы
еще
не вино,
ведь мы еще
только мадчари.

Чвен вдугварт,
джер гвинод
дамдгари
ара варт,
джер кидев
варт мхолод мачари.

საქართველოს
ხალხთა რესპუბლიკის
ხალხთა რესპუბლიკის

Или же такой пример:

Я жду,
чтоб аэро
в горы взвились,
Как женщина,
мною лелеема
Надежда,
что в хвост —
со словом «Тифлис»
вобьем
фабричные клейма.

Ме вели
ам мтебши
аэро априндес.
Сакварел каливит
имеди мегульвис.
Ром внахи
мис кудзе
царцера Тбилиси
да экрас
бечеди акдамаздебулис.

Иногда звучание оригинала и перевода приближается к полной адекватности:

Если
даже
Казбек помешает, —
скрыть!

Казбекиң
ту сакмес
гишлидес, —
Моадзре!
Раушавс
Нислебши маинц
хом ара чанс.

Все равно
не видать
в тумане...

При всем стремлении к точному переводу Ир. Абашидзе все же не следует слепо за оригиналом. В нужных случаях, когда дословный перевод может повредить правильному восприятию грузинским читателем стиха В. Маяковского, его идей, образной основы, ассоциациям — переводчик тонко и осмысленно отходит от прямой передачи текста оригинала, умело заменяя одну деталь другой. К примеру, возьмем такую строфу:

Я помню:
Я вел
Руставели Шотой
с царицей
с Тамарою
шашни.

Ир. Абашидзе посчитал, что у грузинского читателя, проникнутого к царице Тамар чувством традиционного уважения (поскольку благодаря своей государственной мудрости она давно превратилась в национальную героиню), подобное фамильярно-насмешливое отношение может вызвать отрицательные эмоции. Поэтому эту строфу он перевел так:

Я помню,
отсюда я, Руставели,
воспевал
свою любовь
к царице Тамар.

Естественно, что даже в этом, в целом хорошем переводе есть некоторые несоответствия, неточности, неизбежные для художественного перевода вообще, и в особенности такого труднопереводимого поэта, как В. Маяковский.

Например, строки — «я влез веков девятнадцать насад, вот в этот самый в Дарьял» — Ир. Абашидзе переводит так: «Две тысячи лет тому назад, бродя по странам, я подошел вот к этому Дарьялу» (обратный дословный перевод). Или же возьмем такую известную строфу:

Двадцать,
а может
больше, веков

волок
угнетателей узы я,
чтобы только
под знаменем большевиков
воскресла
свободная Грузия.

А вот как выглядит подстрочник грузинского перевода:

Двадцать,
а может
больше, веков

волок
угнетателей узы я,
а сегодня здесь
реют флаги большевистские,
в другую Грузию
возвращаюсь я.

Как видим, концовки русского оригинала и грузинского перевода разные, налицо их внутреннее смысловое несоответствие.

Давно прошло время, когда о переводах судили только лишь по допущенным ляпсусам. Несмотря на редкие погрешности, Ир. Абашидзе перевел «Владикавказ — Тифлис» на высоком художественном уровне, найдя этому стихотворению хороший грузинский эквивалент.

Довольно точно и вдохновенно перевел «Левый марш» (1918 г.) Паоло Яшвили. Для сравнения приведем первую строфу оригинала и перевода:

Разворачивайтесь в марше,
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Гасдордит саэрто маршит,
Кбедебс энас даусер,
Чумат, ораторо!
тхьвен гаквт
Ситква,
амханаго маузер.
Кмара дзвели цесебит трева,
царсули: Адам да Ева,
джаглаг историас
шеемтхва марцхи.
Марцхнив!
Марцхнив!
Марцхнив!

Переводчик постарался приблизиться к Маяковскому и ритмически, и метрически, не нарушая, насколько это было возможно, обычного звучания грузинского стиха. И он этого достиг.

56935340
3025-110133

Несмотря на некоторое несоответствие отдельных строк перевода и оригинала, в целом П. Яшвили умело передал на строй, звучание, смысл образности, символику этого чудесного, по-боевому строгого и призывного стихотворения поэта революции.

Замеченные ляпсусы объясняются непереводимостью ряда слов оригинала. Так, выражение «словесной не место кляузе» — П. Яшвили переводит «болтунам язык надрежем» — что ближе к грузинской идиоматике и более доступно, чем какой-либо эквивалент «словесной кляузы».

То же самое можно сказать и о переводе двух строк третьей строфы: «Там за горами горя **солнечный край непочатый**». У П. Яшвили это звучит так: «За горами видны озаренные солнцем сады». Как видим, смысл оригинала в некоторой степени обеднен, так как выпали очень важные и нужные слова «за горами горя». Кроме того, у переводчика вместо слов «левой, левой, левой» везде звучит: «влево, влево, влево», что не идентично мысли оригинала.

Несмотря на частичные недоработки, переводы, выполненные этим большим мастером грузинского стиха (переведшим шесть стихотворений Маяковского), занимают почетное место среди переводов, принадлежащих грузинским поэтам.

Один из столпов грузинского символизма Валериан Гаприндашвили, славившийся изяществом своего стиха и ставший в советский период признанным мастером грузинской поэзии, перевел несколько стихотворений В. Маяковского.

Привлекает внимание «Марш ударных бригад», который он переложил на грузинский язык, сохранив все смысловые оттенки оригинала и уловив общий настрой, целеустремленную энергию проникнутого боевым энтузиазмом стиха.

Но переводчик видоизменил строфику Маяковского, превратив его «лесенку» в обычный для грузинской поэзии шестисложный стих. Это была одна из первых попыток перевода Маяковского на грузинский язык, и она показала, что оригинальную строфику русского поэта ни в коем случае нельзя менять. Если она будет сломана, не удастся сохранить всю интонацию, оригинальную манеру письма поэта.

Это было хорошим уроком для всех грузинских поэтов, бравшихся за перевод Маяковского.

Правда, в переводе первого вступления к поэме «**Во весь голос**» В. Гаприндашвили постарался еще более приблизиться к оригиналу, что ему лучше удалось, чем в «Марше ударных бригад», но отход от специфической строфики В. Маяковского все же дает о себе знать.

Опыт грузинских переводчиков показывает, что строфика Маяковского не чисто внешняя сторона его стиха, как это утверждали некоторые литераторы, а оригинальная и глубоко прочувствованная и поэтому наиболее органичная черта его поэтики, которую нельзя «выкинуть» так же, как невозможно выкинуть слова из песни.

Если судить только по строфике, можно предположить, что один из талантливейших грузинских поэтов Колау Надирадзе тоже пошел на некоторое упрощение, подчинив перевод

стиха Маяковского классическому размеру. Но это совсем не так. К. Надирадзе дал очень точный и близкий перевод «**Бру-клинского моста**».

საქართველოს
საბჭოთაო
საზოგადოებრივი
საბჭოთაო

Издай, Кулидж,
радостный клич!
На хорошее
и мне не жалко слов.
От похвал
красней,
как флага нашего материйка.
Хоть вы
и разбюнайтед стетс
оф
Америка.

Мхиарули хмит
дасдзахе Кулидж!
Карგი сакмистვის
არმეზოგება მე სიტყვები.
Кебис квеш мкопи
цитлдеби ისე,
რომ ჭვენი დროის პერი
გეღება,
ტუმცა ტვენა ხართ
და ბრძანდებიტ იუნაიტედ
სტეტს.
ოფ
Америка.

Из сопоставления текстов оригинала и перевода ясно видно, насколько хорошо передает грузинский перевод все нюансы поэтического почерка В. Маяковского, как хорошо уловил переводчик пульсацию русского стиха, насколько точен он в передаче смысла каждой строки. Именно в силу всего этого он и смог сохранить образность и выразительность оригинала.

Даже пример этих четырех переводов показывает, что толки о «непереводимости» В. Маяковского на грузинский язык лишены всякого основания.

Специфическая строфика, метрика и мелодика стиха В. Маяковского отнюдь не помеха для поэтического перевода его произведений на грузинский язык. Когда переводчики не только стремятся сохранить все своеобразие стиха Маяковского и, соблюдая необходимую точность в передаче смысла, в то же время умело и вдохновенно ищут художественный эквивалент, это им почти всегда удается.

Поэтому недопустимо, чтобы замечательное творчество В. Маяковского было лишь частично переведено на грузинский язык.

Грузинские писатели должны приложить максимум усилий, чтобы все творчество основоположника советской поэзии, талантливейшего поэта нашей эпохи стало достоянием грузинского читателя.

И ВОПРОСУ ДИНАМИЧНОСТИ ПОЭЗИИ

Динамичность — такое качество произведения искусства и, в частности, стихотворения, без которого все его достоинства остаются втуне. Несмотря на то, что это качество не проявляется в изобразительной форме стихотворения с наглядностью и очевидностью, подобной, скажем, рифме и метафоре, значение его удивительно велико, ибо оно объемлет всю изобразительную систему в целом. И все же: какие именно внутренние или внешние силы обуславливают динамичность стихотворения как с точки зрения самого его развития, так и с точки зрения его восприятия читателем?

Если в живописи речь может идти о динамичности красок и линий, то в поэзии она выражается в словах и фразах. В общих чертах: динамичность в живописи определяется особым расположением предметов в пространстве (плоскости), в поэзии же — их «расположением», то есть развитием и сменяемостью во времени. В эстетике понятие динамичности означает действенную и закономерную взаимосвязь составных элементов изобразительной формы художественного произведения, силу сцепления отраженных в нем предметов и явлений, что в поэзии достигается путем последовательного развития их во времени. Это общий принцип динамического построения поэтического произведения, обуславливающий также его (как и литературного произведения вообще) постепенное осмысление, в отличие от произведения изобразительного искусства, воспринимаемого сразу и целиком.

Оценивая поэтическое произведение с этой точки зрения, мы убеждаемся в том, что предметы и явления действительно отражаются в нем в соответствии с этим общим принципом. В качестве примера можно сослаться на «Мерани» Н. Бараташвили, «Рассвет» А. Церетели или «Мери» Г. Табидзе. В последнем из них названный принцип проявляется наиболее ярко. В стихотворении Г. Табидзе мысли и переживания лирического героя развиваются и изменяются, следуя развитию действий, возникают и исчезают, сменяя друг друга, картины, создающие конкретную обстановку и атмосферу: а) вот лирический герой стоит в церкви, одинокий, потерянный — его любимая венчается с другим; трепетно мерцают свечи, таинственно бледно лицо невесты, произнесены роковые слова; б) лирический герой бежит из храма, бесцельно бродит по

городу; хлещет дождь, завывает ветер; неожиданно для самого себя герой оказывается у дома возлюбленной, зловеще шелестят листвою знакомые тополя; в) лирический герой с острой безнадежностью осознает свое одиночество, покинутость... Таковы основные моменты отображенного в стихотворении события, в соответствии с которыми меняются и передающие содержание картины. Почти в каждом подлинном стихотворении происходит — где тайно, а где явно — такое же развитие явлений, их последовательное чередование.

Хотя следует отметить и то обстоятельство, что поэты далеко не всегда придерживаются этого существенного общего принципа построения стихотворения. С античности до наших дней поэты, художники и теоретики искусства порой пытаются стереть грань между живописью и поэзией, обосновать отсутствие принципиального различия между ними. «Да будет художник поэтом!» — так начинает Дюфрени свой стихотворный трактат «De arte graphicel!» Теоретики классицизма (считавшие литературу первейшей и высшей формой искусства) с жаром призывали к тому, чтобы живопись возвысилась до уровня литературы, достигла ее вершин. Придавая особое значение сюжету, они считали, что художественное полотно, подобно литературному произведению, должно передавать событие, имеющее определенное содержание. Колориту, цвету и другим компонентам живописи теоретики классицизма отводили второстепенную роль, пренебрежительно отдавая их на откуп ремесленникам, подмастерьям. В начале восемнадцатого столетия Дюбо предпослал в качестве эпиграфа к своему трактату «Кригические размышления о поэзии и живописи» слова Горация «Ut pictura poesis». Позднее Бадте утверждал, что связь между живописью и поэзией настолько тесна и неразрывна, что оценивать их можно только под одним углом зрения, в единстве, руководствуясь общим принципом, ибо единственная разница между этими двумя сферами искусства в том, что в одном случае мы оперируем понятиями живопись, цвет, линия, тогда как в другом — поэзия, фабула, стихосложение...

Симонид приводит такую антитезу: живопись — это немая поэзия, поэзия же — говорящая живопись. И действительно, между живописью и поэзией много внутренне общего. Не составляет труда провести параллель между основными ступенями творческого процесса художника и поэта. Живопись и поэзия внутренне родственны в той мере, в какой их объединяют одни и те же творческие импульсы и основы, в какой их отличает вдохновение, перевоплощение, творческая фантазия и переживание. По словам Д. Рейнольдса, все виды искусства берут начало в высшем разуме, который и составляет основу всякого искусства. И все же, несмотря на такое родство, поэзию и живопись разделяют не менее существенные моменты: во-первых, создавая свое произведение, художник пользуется «естественными знаками», поэт же — «искусственными» (словами). Кроме этого различия, отмеченного в основанной на семиотическом принципе классификации разных видов искусства, существует другое — более принципи-

46505020
2022.01.03.33

альное с точки зрения самого творческого процесса и заключающееся в различии объектов отображения живописи и поэзии. Отличаются и способы опредмечивания идеи (замысла, образа) поэта и художника. Художники, не признающие этого различия, стараются привить живописи принципы поэтического изображения, писатели же — воплотить в поэзии принципы живописи. Такие писатели внедрили в литературу характерную для живописи тенденцию к описательству, тогда как художники внесли в живопись характерную для поэзии тенденцию к содержательному разворачиванию «события». Некоторые делали это сознательно, преднамеренно, другие — бессознательно, произвольно. Однако в обоих случаях забывалось, что живопись — это расположение предметов в пространстве, тогда как поэзия — последовательность явлений во времени, что объект живописи — это объявившееся через предмет и застывшее явление (т. е. явление в предмете), объект же поэзии — само явление и объявившийся в нем предмет (т. е. предмет в явлении). Ведь в живописи предметы имеют пространственное расположение, изображаются один возле другого и называются телами. В поэзии же предметы расположены один за другим и называются явлениями.

Таким образом, объект поэзии — явление. И если поэт вздумает описать эмпирически существующие предметы так, как они на самом деле расположены в пространстве, неизбежно нарушится та иллюзия зарождения и завершения (возникновения и окончания), создание которой составляет одну из главных целей поэзии. Эта иллюзия будет нарушена уже в силу того, что естественное расположение предметов в пространстве неминуемо вступит в противоречие с расположением слов во времени (ведь художник показывает, тогда как писатель рассказывает, повествует, раскрывает).

Гораций говорит: когда поэту уже нечего сказать, он начинает живописать рощи, ручей, вьющийся по пленительным лугам, водопады. В пору зрелости Ал. Поп (в юности «поэт-живописец»), скептически оценивая свои ранние поэмы, заявлял: кто хочет именовать истинным поэтом, тот должен отказаться от описания предметов. Лессинг же в своем «Лаокооне» писал: «Перечислять читателю одну за другой различные детали или вещи, которые в действительности необходимо увидеть разом, для того, чтобы создать себе образ целого; думать, что таким путем можно дать читателю полный и живой образ описываемой вещи, — означает для поэта вторжение в область живописца и ненужную растрату своего воображения».

Это отнюдь не означает отрицание за поэзией права на телесность и картинность изображения: поэт должен создавать и картины, но не средствами живописи, а с помощью поэтической речи, образности. Поэзия не исключает картинности, поскольку поэзия — это мышление образами, и если поэт ограничится только передачей мыслей или пересказом события — без художественного видения и изображения составляющих это событие предметов, — такой поэт покажется нам не более как простым рассказчиком, а его повествование весьма скоро прискучит.

Признание объектом поэзии явления (действия) отнюдь не исключает художественного изображения поэтом предмета — тела. Однако в поэзии, в отличие от живописи, изображение предмета имеет специфический характер. Классическим образцом этой специфичности представляется мне бессмертный Гомер. Чтобы поведать о красоте Елены, он не прибегает к каким-то особым эпитетам, не начинает описывать совершенство ее лица и тела, а создает литературную ситуацию, позволяющую воссоздать этот прекрасный облик в целом: когда Елена предстает перед троянскими старейшинами, ни один из них не решается осудить ни мужей Трои, ни ахейцев, ни один не смеет бросить камень в ту, которая стала причиной стольких бедствий, кровопролитий, страданий, ибо «истинно, вечным богиням она красотой подобна». Какое описание красоты Елены могло бы сравниться по силе и полноте с этим благоговейным восхищением старцев, уже не подвластных никаким страстям и тем не менее покоренных красотой женщины?! Достиг ли бы Гомер того же эффекта, начни он описывать красоту Елены предметно, детально, педантично вырисовывать ее самыми изощренными словами? То, что невозможно передать словами (и что более доступно кисти живописца), Гомер передает, изображая чувства персонажей. Таким образом, поэт в первую очередь должен выразить тот восторг, удовлетворение, стремление, любовь, которые вызывает в нем объект творческого переживания, и уже этим путем изобразить сам объект.

Вспомним в этой связи «Песнь песней Никорцминда» Г. Табидзе. Это стихотворение убедительно и очевидно подтверждает ту старую и в то же время вечно новую истину, что поэзия требует не физического описания предмета, а выражения того чувства, которое вызывает этот предмет. Стихотворение Г. Табидзе посвящено древнему историческому памятнику — храму Никорцминда. Казалось бы, в первую очередь поэт должен был приняться за описание купола, стен, архитектурных украшений. Он же прежде всего обращается к выражению того переживания, того специфического творческого чувства, которое вызвало в нем лицезрение «предмета» и реализацию которого он осуществил с помощью словесных образов. Облик самого «предмета» конкретизирован мастерски вкрапленными и органически вплетенными в структуру изобразительной формы стихотворения деталями, которые, несмотря на свою наглядность и точную адресованность, приобретают в поэтической ткани некое символическое, тайное значение. После чтения стихотворения остается впечатление, будто в нем дано завершенное изображение храма, будто поэт детально описал его неповторимый характер и, не упустив ни одной мелочи, представил это творение древнего зодчества читателю.

При выяснении вопроса о динамичности стихотворения особое внимание необходимо уделить именно чувству, художественно-творческому эмоциональному переживанию, поскольку основная задача поэта заключается в выявлении — определении художественного чувства. Ведь поэт пытается выразить в стихотворении чувство (чувство, возникшее на основе про-

явления в сознании праобраза — идеи), а не какое-то примечательное «событие», ибо сама примечательность события обуславливается его специфическим видением и переживанием. Этот факт с самого же начала и предопределяет динамический характер развития стихотворения. Чувство вообще представляет собой силу, обостряющую, активизирующую наше мышление, наше поведение. В еще большей степени это относится к чувству, действующему в сфере художественного творчества: художественное чувство, в силу различных присущих ему свойств (направленность к идее, экстравертность, интенсивность, глубина и др.), уже в самом себе подразумевает динамическое начало — силу, стимулирующую действие. Среди этих свойств, которые обуславливают, с одной стороны, динамичность самого художественного чувства, а с другой — динамичность развития стихотворения, одним из самых важных следует признать «презентность».

Под «презентностью» художественного чувства подразумевается в основном то, что художник переживает его конкретно в рамках творческого процесса, что в стихотворении впечатления прошлого предстают оваянные не настроением когда-то виденных картин, а непосредственно действующим переживанием. Поэзию вообще характеризует направленность к более или менее далекому прошлому или будущему; но это не значит, что поэт просто вспоминает в стихотворении то или иное явление прошлого. Он оживляет прошлое и разворачивает в настоящем процесс приобретения опыта, зарождения переживаний и знаний, основанных на происшедшем в прошлом явлении.

С целью подтверждения этого положения можно привести множество стихотворений, к примеру, всем известное «К А. П. Керн» А. С. Пушкина, «Помнишь, милая» И. Чавчавадзе, «И я любил. И я изведал» А. Блока или хотя бы короткое, пронизанное чарующей простотой стихотворение А. Ахматовой:

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались,
Была в Неве высокая вода,
И наводненья в городе боялись.

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине — нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость!

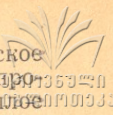
Затем, что воздух был совсем не наш,
А как подарок божий — так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

Я намеренно привожу в качестве примера это стихотворение, так как оно построено не только на воспоминании о прошлом, но и написано сначала и до конца грамматически в прошедшем времени. Набережная, встреча, поднимающаяся вода

в Неве, боязнь наводнения в городе, беседа о том, что «быть поэтом женщине — нелепость», — все эти детали вспоминаются в стихотворении как факты, с какой-то даже идеатичной точностью, без всяких словесных прикрас. Однако именно такой формой выражения и достигается в данном случае нужный поэтический эффект. Здесь поэтичность содержится почти единственно в интонации и ритме, а не в насыщенных смысловым подтекстом метафорах. На первый взгляд, поэтизированной может показаться последняя фраза, однако она «использована» с целью создания контраста, с целью подчеркнуть предшествующую ей простоту, обычность повествования.

Как раз банальность «безумных песен», которая в другом случае показала бы нестерпимой, здесь безукоризненно исполняет свою функцию, оттеняя безыскусность всего стихотворения. Это свидетельствует и о том, что нет избитых, вышедших из употребления, «поэтических» слов и фраз, а есть лишь поэты, не чувствующие слово. Очень может быть, что без этих «безумных песен» стихотворение и не состоялось бы. Этими «безумными песнями» поэтесса как бы отрицает себя, прибегая к набившим оскомину образам. Парадоксально, но здесь вычурность и банальность «безумных песен» особенно подчеркивают непосредственность и индивидуальность чувства, переданного в стихотворении. Таким образом, здесь мы имеем дело с выражением действующего в душе поэта чувства, осуществляемым в основном средствами, наиболее непосредственно выявляющими эмоциональную окраску и тональность переживаний, — интонацией и ритмом.

Однако вернемся к поставленному выше конкретному вопросу — времени выраженных в стихотворении чувств. Как уже отмечалось, в стихотворении А. Ахматовой говорится не только о «встрече», происшедшей в жизни лирической героини в прошлом, но и о чувстве, навеянном этой встречей также в прошлом, ибо саму встречу поэтесса «запомнила» «затем, что воздух был совсем не наш, а как подарок божий — так чудесен». Создается впечатление, что чувство «воздуха, как подарка божьего» пережито поэтессой в прошлом: с целью усиления этого впечатления А. Ахматова использует грамматически прошедшее время. Однако этот момент, выражающий в аспекте времени чувство прошедшего, свидетельствует как раз об обратном: поэтесса именно теперь, в настоящем осознает и переживает и «воздух», и «высокий царский дом и Петропавловскую крепость» как «подарок божий», посланный для той «последней встречи». Поэтесса в настоящем переживает то, что и как было в прошлом. Следовательно, описанные в стихотворении, как бы «сами по себе существующие», детали прошлого, создающие у читателя определенное настроение, определенное ощущение времени происходящей в стихотворении «встречи», принадлежат не только прошлому. Эти детали действуют в стихотворении как средства конкретного выражения чувства лирической героини стихотворения в настоящем. Реальность деталей прошлого заключается не в точности воспоминаний о прошлом, а в искренности и остроте переживаний в настоящем.

Поэт выражает и должен выражать то специфическое чувство, которое он переживает конкретно в творческом процессе, то есть в настоящем. В лирике же действует прошлое чувство — все прошлые чувства поэт переживает с позиций и в аспекте настоящего времени. То, что поэт

...изведал

Безумный хмель любовных мук,
И пораженья, и победы,
И имя: ВРАГ, и слово: ДРУГ...

— все это для читателя является интересным, впечатляющим, захватывающим лишь постольку, поскольку теперь:

...наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал
Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал!

(А. Блок «И я любил. И я изведал»).

Даже не пережитые непосредственно поэтом в прошлом события, даже исторические образы, носящие в самих себе те или иные смысловые содержания, поэт в сфере творчества переживает как происходящие в действительности явления; и это обуславливает его специфически сложившееся, творческое, перевоплощенное эмоциональное состояние. Смысл и эмоциональный подтекст какого-либо исторического события или образа привлекают поэта, становятся интересными, близкими лишь в соответствии с его творческой направленностью — лишь постольку, поскольку в отдаленном и «чужом» явлении он видит, прозревает, обнаруживает свое собственное отношение. Лишь в силу перевоплощенного состояния поэт присваивает «чужое» событие (или «переходит» в чужой образ) и переживает его в связи со своими внутренними, сознаваемыми или скрыто, потаенно существующими потребностями.

Так, например, в «Рахили», в одном из «Библейских стихотворений» А. Ахматовой, все детали, связанные со встречей и любовью Иакова и Рахили, служат для выражения непосредственно переживаемой веры в силу, возвышенность и самоотреченность истинной любви:

Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
Семь лет словно семь ослепительных дней!

И эта вера переживается поэтессой в настоящем как вечная истина любви. Именно эту истину, как истину, выношенную в себе, непосредственно пережила она в библейской притче об Иакове и Рахили и образно выразила в рамках прошлых событий и в прошедшем времени. То же можно сказать и о стихотворении В. Брюсова «Антоний», в котором поэт изобразил не все стороны характера этой исторической личности, а только то, что «виделось» его творческому духу, его фантазии в отношении Антония к Клеопатре:

Но ты, прекрасный, вечно юный,
Один алтарь поставил — страсть!
Победный лавр и скиптр вселенной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросил на весы, надменный, —
И перевесила любовь!

Такое понимание характера Антония обусловлено внутренним отношением самого поэта, на что прямо указывает и концовка стихотворения:

О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!

Описывая события прошлого, поэт не только «переносится» в него, но и с помощью вчувствования в прошлое переносит его в настоящее. Всякое художественное произведение, построенное на материале прошлого, безжизненно, нединамично, если оно не содержит переживания настоящего.

Анализ вышеприведенных стихотворений свидетельствует, что стихотворение приобретает динамичность не только благодаря постепенному развитию описанных в нем событий во времени, как полагает Лессинг, но и в силу самой природы и свойства «презентности» художественного чувства, что главным образом отражается в интонационном и ритмическом строе стихотворения. Несмотря на то, что при чтении стихотворения его динамичность и воспринимается как развитие описанных в нем «действий» во времени, в сущности, силу динамического развития придает описанным в стихотворении явлениям художественное чувство поэта.

Природа художественного чувства вообще и свойство презентности, в частности, обуславливают и то, что читатель становится соучастником отраженного в нем действия — зарождения, развития и завершения «события». Читатель сопереживает этому «событию» и воспринимает его как динамическое, находящееся в состоянии развития, тогда как даже самое интересное событие, описанное в художественном произведении, остается для читателей голой схемой, если его не оживляет переживание, действенность которого во многом определяется свойством презентности.

Поскольку последовательное развитие события во времени уже само по себе подразумевает ритмический элемент, функция которого в создании динамической структуры стихотворения более чем очевидна, я не стану на нем задерживаться, а остановлюсь вкратце на метафоре, которая также играет немаловажную роль в усилении динамичности стихотворения. Один из характерных признаков метафоры заключается в том, что она представляет собой феномен, находящийся в процессе переноса особенностей одного предмета на другой, характеристику одного предмета свойствами другого. Любая метафора всегда имеет две стороны, содержит две силы, между которыми происходит сцепление, и действенность

5920
0260
01033

метафоры зависит именно от характера и остроты этого сцепления. Каждая метафора включает в себя субъект и объект как средство изображения. Говоря в общем, метафора стоит в том случае, когда в соответствии с контекстом всего стихотворения, в соответствии с его основной эмоциональной направленностью — тому или иному явлению, тому или иному предмету приписывается свойство совершенно другого предмета, то есть когда субъекту приписывается такое свойство или качество, которым обладает или которое присуще объекту как средству изображения. Вспомним, например, метафору Г. Леонидзе — «Юность, ускользнувшая из рук, как ладья, исчезнувшая в море», или Г. Табидзе — «Персик в цвету, как нежная дева, как королева в чужом краю». В первом случае юность (субъект) охарактеризована как «ладья, исчезнувшая в море» (объект). Во втором случае в персиковом дереве поэт увидел «королеву в чужом краю». Что же именно вызывает такие поэтические ассоциации? Безусловно, то чувство, которое непосредственно движет поэтом в процессе творчества, в процессе реализации «замысла», которое находит центральное разрешение в фантазии и опредмечивается в стихотворении через порожденные фантазией словесные образы. Вышеприведенные «средства изображения», «характеристики» раскрывают эмоциональное отношение поэта к предметам, отраженным в стихотворении. Нельзя не почувствовать, что в приведенных в качестве примера метафорах Г. Леонидзе и Г. Табидзе, равно как и в любой метафоре вообще, противопоставление — увязывание субъекта и объекта — это акт, совершающийся на наших глазах. Формирование метафоры всегда происходит «в присутствии» читателя. Постигание метафоры читателем — не менее актуальный процесс, чем зарождение ее в сознании поэта. Это обусловлено тем, что причина зарождения метафоры кроется в художественном чувстве — чувстве, развивающемся, протекающем в настоящем. Метафора врезается в сознание читателя не только благодаря эффекту противопоставления, не только в силу своей оригинальности и неожиданности (что обуславливается фантазией), но и в силу своей действительности, своей развивающейся природы. В метафоре мы имеем дело с актом зарождения-создания явления или, иными словами, с наделением уже знакомого читателю явления новым качеством, новым значением. Метафора в стихотворении всегда вызывает эффект неожиданности, который обостряет процесс восприятия, процесс усвоения читателем почерпнутой из стихотворения новой информации и заставляет его переживать стихотворение как динамически развивающееся.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить: динамичность стихотворения определяется выявляющими природу и свойства художественного чувства ритмико-мелодическими и метафорическими элементами изобразительной формы стихотворения, посредством которых в основном и реализуется последовательное развитие события во времени.

Перевод Нелли СОЛОД.

Николай ДРОЗДОВ

«ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ»

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ АВТОГРАФЫ М. ОРАХЕЛАШВИЛИ

Многогранная личность Мамия Орахелашвили — революционера, партийного и государственного деятеля привлекает к себе внимание людей самых различных взглядов, характеров и убеждений; его талант воодушевлять, доказывать, разъяснять, наконец действовать, снискал ему уважение даже в стане врагов; его жизненный путь, партийная и общественная деятельность, известные лишь по учебникам истории, вне всякого сомнения, и в сегодняшнем поколении советских людей способны вызвать чувство глубокого и искреннего признания.

Общеизвестно, что М. Орахелашвили был блистательным журналистом. И журналистско-редакционная деятельность его и богатое публицистическое наследие, оставленное на страницах различных печатных органов Закавказья, представляют большой интерес для современного читателя.

М. Орахелашвили являлся первым редактором газет «Коммунисти» и «Заря Востока», его публицистическое наследие необычайно разнообразно по жанровой структуре и литературным признакам, известные его работы по вопросам истории, философии и идеологии интересны и актуальны по сегодняшний день. Но в настоящей статье мы хотим остановиться лишь на освещении определенного момента — истории легального органа печати грузинских большевиков, газеты «Коммунист» и появления в ней ряда передовиц, принадлежащих перу Мамия Орахелашвили.

Как известно, в мае 1920 года Коммунистическая партия Грузии получила возможность выйти из подполья. Между РСФСР и меньшевистским правительством Грузии был заключен мир, по которому Компартия легализовалась.

Из меньшевистских тюрем на волю вышло более тысячи коммунистов, в том числе Мамия Орахелашвили. Был создан вре-

менный Центральный Комитет Коммунистической партии Грузии, в состав которого вошел и М. Орахелашвили. В числе других дел Центральный Комитет поручил ему наладить выпуск легальных партийных газет — «Коммунисти» и «Коммунист», выходявшей на русском языке.

Первый номер «Коммуниста» вышел 1 июля 1920 года. К этому времени меньшевики уже основательно забыли об обязательствах мирного договора; оказавшись не в состоянии вести идейную борьбу с Компартией, правительство Жордания отвечало на выступления газеты административными репрессиями. Пятнадцатый номер газеты стал последним, 17 июля 1920 года «Коммунист» был закрыт.

Издание его возобновилось лишь спустя три месяца, когда, минуя цензурные шлюзы, 20 октября 1920 года газета вышла под названием «Коммунист Грузии».

«Коммунисту Грузии» была суждена жизнь несколько более долгая, нежели его предшественнику: с 20 октября по 17 декабря 1920 года вышло 50 его номеров.

Газета продолжала борьбу с «демократическим» режимом на открытой арене, в трудных условиях работая над организацией городской и деревенской бедноты, вызывая в бой на идейной почве и нанося поражение врагам революции трудящихся, разоблачая аристокрагию и бюрократию рабочего класса, засевавшую на вершине меньшевистской общественно-государственной пирамиды и лицемерными фразами о демократии одурачивавшую трудящиеся массы.

50 встреч газеты со своим читателем — это зеркало времени, в котором отразилось все безудержное разложение и приближающийся крах меньшевистского господства: разгул «особого отряда», ужасы массовых арестов, насилие, пытки, высылка десятков и сотен коммунистов за пределы «демократического рая».

Июль-декабрь 1920 года — пять месяцев неустанной идеологической борьбы газеты за правое дело победы идей коммунизма, с одной стороны, и с другой — пять месяцев бесплодных попыток правящего корабля меньшевистского флота утопить в море репрессий рупор политического противника; естественно, что для Мамия Орахелашвили, руководившего партийными организациями коммунистов Грузии и уделявшего особое внимание прессе, данный период стал интенсивным в области публицистического творчества.

Передовые статьи «Коммуниста» и «Коммуниста Грузии» печатались без подписи. Однако известно, что часть из них принадлежит перу Мамия Дмитриевича Орахелашвили: впоследствии, в книге «Путь грузинской Жиронды» М. Орахелашвили воспроизвел 10 своих анонимных передовиц со страниц данных газет, приведя их как пример идеологических выступлений коммунистов в канун падения меньшевистского правительства.¹

Все они вызывают живой, неподдельный интерес и сегодня. Круг затрагиваемых в них вопросов необычайно широк — почти все наиболее важные события или явления общественной жизни,

¹ См. М. Амиа. Путь грузинской Жиронды. Тифлис, Заккнига, 1926, с. 99—134.

происходившие в Грузинской демократической республике, попадали в поле зрения автора и детально анализировались им. Среди них — политические обозрения, актуальные вопросы экономики, вопросы государственного устройства, религии, характеристики лидеров меньшевистского правительства.

Публикуя несколько передовиц Мамия Орахелашвили, мы предоставляем сегодняшнему читателю возможность убедиться, насколько ценно и весомо слово публициста.

Отметим только, что Мамия Орахелашвили был наделен профессиональной интуицией, позволяющей до какого-либо важного политического события «предугадать» его ход, встретить «во всеоружии». Это хорошо видно на примере первой и второй из публикуемых статей. В последней же из них публицист предвидел агонию меньшевистских репрессий, описав ее на страницах газеты, которая спустя десять дней была опечатана и запрещена.

Роль партийного рупора в пятимесячной идейной борьбе, которую неуклонно вел «Коммунист Грузии», неоспоримо велика — в своих выступлениях газета живительной силой, неиссякаемым стоическим духом и неукротимой энергией воодушевляла трудовые массы грузинского народа, вселяла в них веру и надежду, в условиях политического террора меньшевиков преподносила своему читателю уроки всепобеждающих идей коммунизма.

Неоспоримо велика и роль вдохновителя газеты, Председателя Президиума ЦК КП(б) Грузии Мамия Орахелашвили, выступавшего на страницах ее с блестящими передовицами, которые, прозвучав прелюдией к его многостороннему журналистскому творчеству, представляли собой миниатюры к будущим статьям и книгам, оставшись в истории борьбы и побед Компартии Грузии своего рода публицистическими автографами Мамия Орахелашвили.

КАПИТАЛИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?¹

Экономическая политика меньшевиков уперлась в тупик. Мечутся во все стороны вчера еще столь уверенные в экономической прочности Грузии лидеры меньшевизма и наскоро составляют всевозможные рецепты спасения страны, оздоровления промышленности, поднятия курса рубля и т. д. и т. д.

И всем становится очевидной вполне обнаружившаяся сущность нашего пресловутого «демократизма».

Все уже видят, что наш хваленый демократический строй — как политический, так и экономический — пустое место или, в лучшем случае, свалочное место демократического тряпья, где упражняются Плюшкины желтого социализма, вкусившие от древа познания буржуазной реакции. Творчеству «демократии» не дано разрешить ни одной простейшей задачи хозяйственного возрождения хотя бы двух губерний и пары областей Грузии. Демократии не удалось и не удастся вырешить элементарнейшую задачу обеспечения, хотя бы кукурузой, населения той республики, которая считалась по пре-

¹ «Коммунист Грузии», 1920, 22 октября.

имуществу «кукурузной». Но некоторые остроумные пастыри верноподанных граждан в миллион первый раз хвастают мудростью своей политики, выражавшейся до сих пор в низких поклонах в сторону западного империализма и в свирепой расправе со всяким порывом к установлению у нас советской формы самоуправления трудящихся, политикой, которая ценой предательства революции купила благорасположение сперва германского империализма, а затем и Антанты. Свобода получения из Европы по Черному морю ненужной там гнилой мануфактуры и особенно предметов роскоши — вот те тридцать сребреников, которыми Антанта дарит почти-социалистическую Грузию. Впрочем, эквивалент, получаемый европейскими акулами в виде вывозимых отсюда марганца, шерсти и сырья, низводит стоимость этих сребреников до стоимости ломаного гроша. Но и помимо всего этого политика, довольствующаяся и даже хвастающая открытой дверью к морю, истине есть политика, не видящая ничего дальше своего носа, хотя бы и истинно кавказского. Ибо такая политика, которую как былинку может сбросить в пропасть одно дуновение недовольных губ Мильерана и Ллойд-Джорджа¹, не разрешает ни одного вопроса завтрашнего дня. Как быть, что делать, чтобы выбраться со дна той катастрофы, в которую попала Грузинская республика с ее прославленными социалистами и демократами?

Назад, к довоенному капитализму, — вопит председатель правительства и далай-лама² грузинских меньшевиков.

Без привлечения западноевропейского капитала вам не создать ничего, — каркает вслед ему отставной теоретик 2-го Интернационала К. Каутский³, обращаясь к высокому собранию сливок грузинского меньшевизма, уверяющего, что построил прочное пролетарское государство, и одновременно вынужденного кричать караул по поводу катастрофы, на дне которой оказались и возведенное государственное здание и его зодчие.

Пустое место демократии оглашается теперь такими выкриками. В этих выкриках при всей путаности и несвязности их вырисовывается основная грозная проблема, стоящая перед маленькими государствами, которые наплодил мировой империализм, чтобы двигать ими, как шахматными пеш-

¹ Мильеран, Александр Этьен (1859 — 1943), французский политический деятель. В 1920—1924 годах — президент Французской республики; проводил антисоветскую политику. Ллойд-Джордж, Дэвид (1863—1945), английский государственный деятель, лидер партии либералов. В 1916—1922 годах — премьер-министр Великобритании; один из вдохновителей и организаторов военной интервенции и блокады против Советского государства.

² Далай-лама — сан тибетских первосвященников; здесь имеется в виду Н. Жордания.

³ Каутский, Карл (1854—1938), один из лидеров германской социал-демократии и 2-го Интернационала, вначале марксист, позднее ренегат марксизма, идеолог наиболее опасной и вредной разновидности оппортунизма — центризма.

ками, в своих интересах, чтобы ими, как кордоном, ^{окружить} страну социалистической революции.

Проблема грозная и простая: за капитализмом или за социализмом.

Среднего пути нет и не может быть.

«Демократический капитализм» — сновидение запуганного мелкого буржуа, боящегося пролетарской революции, но не желающего окончательно лишиться фамильного герба оппозиционности крупному капиталу. Если даже отбросить веру, отбросить уверенность в победе мировой социалистической революции, которая, вырвав и далеко отбросив пограничные межи всех стран, а тем более курьезных государств, построит мировое хозяйство на принципе общности и планомерного сотрудничества всех народов — больших и малых, то все же нельзя уповать на какой-то новый «современный» демократический, наумяненный капитализм. Современный капитализм, поскольку он не разложился еще окончательно и не просится на живодерню истории, есть капитализм империалистической фазы, сторожевыми псами которого являются давно знакомые мировому пролетариату Мильераны, Ллойд-Джорджи, Вильсоны¹ с их белогвардейской свитой. Или с этой сворой против социализма, или против этой своры и в союзе с мировым революционным пролетариатом и его авангардом в лице Советской России. Так заостренно поставила вопрос владычица история. Само собой разумеется, что грузинские меньшевики под флагом демократизма и впредь будут стараться обходить остроту вопроса, но им не удастся утаить шила, которое так больно вонзается в тело рабоче-крестьянских масс Грузии. Никогда еще на протяжении всей истории человечества экономика не была так насквозь пропитана политикой, как теперь. И кто цепляется за фалды капитализма, тот должен рабски поклониться до земли и политике капитала — кровавому империализму и под его эгидой, привязанным к его колеснице, вести кровавую войну с социализмом.

«НАШ НАРОД ИЗЛЕЧИЛСЯ ОТ БОЛЬШЕВИЗМА»²

«Не запугаете!» — твердым голосом кричал Столыпин³ социал-демократической фракции 2-й Государственной думы. «Мой народ не приемлет разрушительных идей коммунизма, анархизма и дарвинизма, он верен престолу и отечеству», — повторял по всякому поводу царь-последыш. Увы, раз побитая революция вновь подняла голову и уже в 1914 году дело

¹ Вильсон, Вудро (1856—1924), американский политический деятель, президент США в 1913 — 1921 годах; один из главных инициаторов антисоветской вооруженной интервенции.

² «Коммунист Грузии», 1920, 5 ноября.

³ Столыпин П. А. (1862—1911), русский государственный деятель, председатель Совета Министров России в эпоху реакции. Жестоко подавлял революционное движение, насаждал кулацкие хозяйства в деревне как опору монархии. Убит в провокационных целях агентом охранного отделения.

дошло в Петербурге до баррикад. Война отсрочила ее победное шествие, но тем с большей силой вновь поднялась волна русской революции и слизнула не только режим Столыпиных и Романовых, но и режим буржуазной демократии. «Мой народ» выказал ноль внимания и преданности «престолу и отечеству» и полную преданность к противоположным устоям престола и отечества трудящихся.

История не повторяется. Но ограниченность и слепота деятелей разных эпох и периодов могут совпадать без остатка.

На съезде народной гвардии Н. Жордания¹, говоря об устойчивости внутреннего политического положения, узреть которое наверно дано лишь ясновидящим из правительствующей партии, заявил: «Можно с уверенностью сказать, что в настоящее время Грузия — единственная страна, где народ излечился от эпидемической болезни — большевизма. Большевизм у нас потерпел идейное и моральное поражение и демократия Грузии совершенно отрешилась от идей и влияния большевизма».

Состав аудитории, сан отца партии и «отца народа» обязывал Н. Жордания говорить языком древнего патриарха, каждое слово которого считается отмеченным печатью премудрости и духа святого. Но есть мера, есть граница, за которой седая мудрость становится дешевой марки хвастовством и не совсем ловким искажением действительности, на фоне непонимания грядущего дня. Эту меру и эту границу Н. Жордания оставил далеко за собой. В его положениях, носящих вид декрета правды, хвастовство, искажение и непонимание дополняют одно другим. Ни перспективы, ни предвидения. А ведь управлять — значит предвидеть. Этой способности лишилась царская бюрократия, и потому вылетела на живодерню истории. Этой способности не оказалось у истеричного «государственного мужа» Керенского² с собратьями, и они превратились в ничто.

Н. Жордания, творящий литанию перед иконой демократии и с бездонной серьезностью добренького мещанина поучающий свою аудиторию, что-де идея коммунизма сама по себе великая идея, но вот на практике, в жизни она оказалась воплощением ужасов — идет дорогой Керенского и придет рано или поздно к его призовому столбу.

Грузия — единственная страна, где народ излечился и т. д. Столыпин тоже говорил об излечении России от революции и социализма, когда ему удалось загнать революцию и социалистов в подполье. Но он жестоко ошибся, ошибся да-

¹ Жордания Н. Н. (1870—1953), лидер кавказских меньшевиков. В 1918 — 1921 годах возглавлял меньшевистское правительство Грузии; эмигрировал за границу.

² Керенский А. Ф. (1881—1970), эсер. Министр-председатель буржуазного Временного правительства и верховный главнокомандующий после Февральской революции в России; бежал за границу.

же несмотря на общий расцвет промышленности, сменивший с военным и экономическим кризисом и кризис политический.

Теперь месяц идет за год, теперь о преодолении экономического кризиса можно лишь мечтать, вспоминая безвозвратно ушедшее довоенное время. И в такое время говорить о погребении большевизма в Грузии можно лишь в припадке безудержного хвастовства.

Не так давно Н. Жордания доказывал своей аудитории, что большевизм — болезнь лишь отсталой России, что он не привьется «культурным странам». Теперь он уже вынужден признать, что эта чума привилась всему миру, что бактерия коммунизма заразила по крайней мере весь континент Европы, только Грузия спасена, — очевидно, знахарями грузинской социал-демократии. Но куда девалась Польша, Латвия, Финляндия, сама шейдемановская Германия?¹ Ведь и там ныне царство демократии, ведь в некоторых из названных стран правительствует «социалистическая демократия».

«Большевизм потерпел у нас идейное поражение...»

И это говорится на съезде народной гвардии, которая претолчно знает, **какое** поражение она нанесла и наносит, вкупе с особым отрядом, большевизму — оружием ли критики или критикой посредством оружия, тюрьмы и высылки? Это говорится в присутствии Лафайета грузинских меньшевиков — Джугели, который под заглавием «Тяжелый крест»², в центральном органе меньшевиков уже два года повествует о борьбе с трудовым народом Грузии посредством «идей», извергаемых пулеметами Кольта и полевыми орудиями. И, наконец, это говорит тот самый Н. Жордания, который в августе 1918 г., в докладе меньшевистским организациям Тифлиса, поощрял военные экспедиции против крестьян, пропуская им лошадиную дозу кровавых репрессий, обосновывая все это, разумеется, именем Маркса. Грузия увидела в июне текущего года идейное поражение большевизма, когда трудящиеся города и деревни, поверив на минуту в «легализацию» нашей партии, буквально затопили наши регистрационные бюро, желая поскорей записаться в партию «идейно» уничтоженного большевизма.

«Большевизм потерпел моральное поражение...» Это говорит тот самый Н. Жордания, который тем же гвардейцам должен был сознаться, что в меньшевистской Грузии вор на воре сидит и вором погоняет, где взятка и злоупотребления стали одним из устоев государства и единственной конституционной гарантией граждан. Говорит тогда, когда единственной партией, моральный авторитет которой не миф и не вос-

¹ Шейдеман, Филипп (1865—1939), лидер правого крыла германской социал-демократии; один из организаторов кровавого подавления ноябрьской революции в Германии в 1918 году.

² Джугели В. — меньшевик. В 1918 году являлся руководителем карательных экспедиций против восставшего грузинского крестьянства. Печатный орган меньшевиков «Борьба» публиковал его дневник начальника карательных отрядов меньшевистского правительства под заглавием «Тяжелый крест».

поминание, является партия коммунистов Грузии, которая, несмотря на обескровление, несмотря на разгром ее партийных организаций и крупнейших профессиональных союзов, тюрьмы и этапы, продолжает жить, продолжает развиваться, несмотря на удвоение и утроение числа учреждений сыска и преследования, несмотря на умножение армии архангелов из особого отряда.

В черносотенной государственной думе Коковцев¹ тоже хвастал идейным и моральным поражением социалистов. Депутат Чхеидзе² поставил ему одно маленькое условие: дайте стране свободу хоть на время выборов и тогда увидите цену «поражения» социал-демократов.

Мы могли бы повторить эти слова по адресу Коковцева грузинских меньшевиков: примиритесь с легализацией коммунистов Грузии и вы увидите, что идейно и морально разложился и смердит не большевизм. Впрочем, и без нашей легализации вы это увидите.

Загнанная временно внутрь «зараза» большевизма даст такой рецидив, что Коковцевы и Стольпины от демократии получат долговременный, вечный политический отпуск. Известно только, куда, ибо «восточный фанатизм» побеждает империалистов не только Запада, но всего земного шара.

НАША УСЛУГА МЕНЬШЕВИКАМ³

Обычно словоохотливые публицисты меньшевиков набрали в рот воды, когда их партия с треском провалилась 14 ноября на общем собрании профессионального союза печатников⁴ союза, который они считали не только авангардом тифлисского пролетариата, но и наследственной своей вотчиной.

Молчали их хроникеры, слова не промолвила и болтливая «Грута»⁵. Заговорили лишь кое-кто из верноподанных меньшевикам и прочим националистам рабочих, которые в своем усердии докатились до того, что расписались в собственной своей глупости: произошло, видите ли, недоразумение, — мы, мол, голосовали не за свой. а за список коммунистов; а посему — требуем новых выборов правления.

Как известно, в число прирожденных прав человека и гражданина, особенно в царстве меньшевиков, входит и пра-

¹ Коковцев В. Н. (1853 — 1943), русский государственный деятель. После убийства Столыпина с 1911 по 1914 год был Председателем Совета Министров России; эмигрант.

² Чхеидзе Н. С. (1864—1926), Председатель меньшевистской фракции IV Государственной думы, председатель Учредительного собрания в Грузии, эмигрировал в Париж, где покончил с собой.

³ «Коммунист Грузии», 1920, 30 ноября.

⁴ Речь идет о победе коммунистов 14 ноября 1920 года на выборах правления союза печатников, находившихся до того времени под сильным влиянием меньшевиков.

⁵ «Грута» — Грузинское телеграфное агенство при меньшевистском правительстве.

во каждого на собственную глупость, а потому коммунисты не возражали против перевыборов.

Но вот 21 ноября вновь разыгрался скандал в благородном семействе грузинских социал-националистов: коммунисты вторично победили, несмотря на все проволочные заграждения и завесу удушливых газов, через которые им приходилось пробиваться, в обстановке полной мобилизации всей противобольшевистской рати, со вспомогательными отрядами особого назначения.

Куда пойдешь и кому скажешь?

Пришлось вновь попытаться заговором молчания скрыть треск мыльного пузыря меньшевистского «глубокого» влияния в профессиональном союзе печатников.

Но христианским смирением и молчаливым страданием такого «шила» в мешке скрыть не удалось. Пришлось-таки меньшевикам признать непреложный факт своего поражения, но горечь обиды сдабривать перцем лицемерия.

Для этого почетного дела они выкатили на страницы «Борьбы»¹ свою царь-пушку г. Сана, верховного руководителя профессиональных союзов гор. Тифлиса. И вот, этот руководитель спасает потерянное дело меньшевиков юмористической такого стиля: что большевики победили — это верно, но своей победой они оказали меньшевикам неоценимую услугу, ибо заставили их вспомнить о работе в профессиональных союзах.

Диалектика, достойная кинематографического Глупышкина.

Председатель центрального совета профессиональных союзов публично признает, что правящая партия лишь теперь, после великолепного урока, данного ей коммунистами, собирается приступить к работе в профессиональных союзах. А чтобы никто не подумал, что эту очередную работу меньшевики будут совершать при содействии Особого отряда, который ей вновь поможет «завоевать» этот союз, подобно завоеванию союза металлистов, кожевников, фармацевтов и т. д., то г. Сан, равно как и передовик «Эртобы»² провозглашает неожиданный лозунг: «Побольше легальных возможностей для большевиков». Это, оказывается, будет лучшим оружием в борьбе с бациллой коммунизма.

Это называется делать веселую мину при сквернейшей игре. Но мы готovsky с охотой стать жертвой «легальных возможностей» — пусть только меньшевики попробуют осуществить эти возможности, дать нашей партии свободу телодвижения на легальной арене.

¹ «Борьба» — ежедневная газета, орган ЦК социал-демократической рабочей партии Грузии; выходила в Тифлисе в 1917 — 1921 годах.

² «Эртоба» («Единство») — ежедневная социал-демократическая газета на грузинском языке. Выходила в 1917 — 1921 годах в Тифлисе. С 26 ноября 1918 года — орган ЦК социал-демократической рабочей партии Грузии.

Мы со своей стороны обещаем им держаться и впредь исключительно легальных форм работы, окружив партию прозрачной, стеклянной стеной. Пусть только меньшевики решатся впервые за эти годы своего господства, ограничиться в борьбе с нами оружием идейной критики, а не критикой посредством Особого отряда, тюрем и высылки — и мы обещаем им доказать в самом ближайшем будущем, что бацилла коммунизма основательно обработала и остальные профессиональные союзы рабочих, что в самом непродолжительном времени будут большевистскими.

И не благодаря лишь работе наших товарищей, а главным образом потому, что все толкает рабочих на путь, указываемый коммунистической партией, все толкает их в сторону советской власти.

А мы будем, во всяком случае, оказывать меньшевикам услугу сознательного выражения этой стихийной тяги трудящихся к формам пролетарской диктатуры.

ПОХОД НАЧАЛСЯ¹

Всякий раз, как только обнаруживается глубокое разложение меньшевизма, меньшевики начинают на всех перекрестках кричать о демагогии, клевете и прочих подвохах со стороны коммунистов.

Всякий раз, когда обанкротившаяся меньшевистская политика готовит новую авантюру, меньшевики начинают вопить о большевистской измене, о нашем предательстве, о «направленном в их спину коммунистическом ноже».

Мы знаем уже по опыту, чем кончается обыкновенно такая кампания против нас.

Начинается травля сначала в меньшевистских газетах, а заканчивается она в застенках Особого отряда.

То же самое происходит и сейчас.

Трехлетнее хозяйничанье меньшевиков привело страну к полному развалу.

Во всех учреждениях, сверху донизу, воровство и открытый, циничный грабеж народного труда, народного достоинства.

Всюду нищета, голод и холод.

А рядом нравственно разложившая верхушка «аристократов», совместно с патентованными спекулянтами, утопает в довольстве и роскоши.

Рабочие и крестьянские массы ускользают из-под влияния вчерашних своих руководителей и открыто уже переходят на сторону коммунистов.

Меньшевистский трон трещит.

И вот во имя спасения своего мещанского благополучия, своего подорванного и подмоченного авторитета, начинается очередной поход против коммунистов.

¹ «Коммунист Грузии», 1920, 8 декабря.

Во всем, оказывается, виноваты исключительно коммунисты. Печатники голосуют за наш список — это закулисные махинации большевиков.

Всякое выступление рабочих, малейший протест с их стороны обязательно трактуется, как демагогические происки коммунистов, направленные против интересов республики, против ее независимости.

Коммунисты Грузии занимаются контрразведкой и выдают военные тайны врагам Грузии...

Коммунисты Грузии призывают иноземную силу для завоевания Грузии...

Коммунисты Грузии мешают обороне страны, они враги государства, они государственные изменники, подкупленные иностранным золотом агенты и т. д. и т. п.

Словом, все зло в коммунистах. Не будь коммунистов, и в Грузии наступят счастливые дни райского жития.

В России времен Николая, в критические для царизма моменты, начиналась травля евреев, заканчивавшаяся всегда еврейским погромом.

В «социалистической» Грузии роль евреев играют коммунисты.

Очередной поход против нас начался, начался уже и разгром нашей партии.

Г. Кедия¹ не дремлет и с завидным усердием принялся уже спасать отечество.

Хватают газетных сотрудников, хватают наборщиков, хватают всех, посещающих наше бюро.

Идут массовые аресты, начнутся массовые высылки, и так полные тюрьмы вновь переполнятся сверх всякой нормы. А затем начнутся, конечно, расстрелы «за попытку к бегству во время следования в тюрьму».

Картина, обычная для «оазиса революции».

К этому мы привыкли.

И, конечно, нашей революционной работы это не оставит.

До сих пор все эти скорпионы меньшевистских гонений на нашу партию ни на йоту не помогли делу.

После каждого разгрома партия наша вновь возрождалась, становясь с каждым днем все сильнее, все многочисленней.

Вновь возродится она и теперь.

И ни клевета, ни ложь, ни гонения не смогут остановить и даже замедлить роста нашей партии, роста нашего влияния: за нас история, за нас революция.

Завтрашний день принадлежит нам.

¹ Кедия — глава Особого отряда при меньшевистском правительстве Грузии.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

О КНИГЕ А. ЦЫБУЛЕВСКОГО «ВЫСОКИЕ УРОКИ»

НАШЕ литературоведение — весьма обширное и разнообразное, часто радуется удачами, серьезными исследованиями... И все же возьму на себя смелость сказать: есть некая область его, вызывающая чуть ли не хроническое ощущение неудовлетворенности. А именно — стиховедение. Речь идет не столько об истории и теории нашего стиха (немало есть монографических работ, посвященных нашим большим мастерам, по-разному и часто всерьез разрабатываются вопросы формы), сколько о самом демократическом жанре стиховедения — о критике, включая и область перевода стихов. Слишком часто теряется ощущение того немаловажного обстоятельства, что рецензент, критик пишет именно о стихах! Порой, прочитав какую-нибудь статью сперва лишь по цитатам, вы не узнаете любимого вами поэта (или попросту ничего не узнаете о неведомом вам поэте!), настолько непредставительна цитация. Создается впечатление, что критик обращается к творчеству поэта с уже готовой рабочей концепцией, потому и цитирует не то, что наилучшим, наиболее полным образом характеризует автора и его творчество, но то, что может убедительно подкрепить мысли критика (порой весьма произвольные).

Сказанное, к счастью, не правило. В том, что и о поэзии можно писать по-настоящему, убеждают, например, работы Ст. Рассадина, В. Гусева, Г. Маргвелашвили и статьи о поэзии... самих поэтов (Е. Евтушенко, например)! Вот когда явственно: критик пишет не «со стороны», он чувствует себя не посторонним в стихии стиха, не ментором, выставляющим отметки в журнале! Он — соучастник, сопереживатель, а потому любая удача радуется его, каждый срыв искренне огорчает. Такого рода критика необходимо эмоциональна — статья, но ведь о поэзии! И происходит как бы некая диффузия жанров, взаимообогащение их, получается поэтическая критика, а не просто критика поэзии, явственно то, что когда-то называлось «эссе». Этот жанр, к примеру, великолепно представлен в творчестве замечательного и, увы, до сих пор недостаточно оцененного поэта, переводчика и критика конца прошлого и начала нынешнего веков Ин. Анненского...

Раздумья надо всем вышесказанным привели меня к мысли, что очень часто одна из коренных причин будущей неудачи критика, приступающего к стиховедческой статье, кроется в неверно избранной тональности. Ведь стихи — в кровном родстве с музыкой, как у поэта, так и у талантливо-го его читателя должен быть чуткий слух.

И вот передо мной — книга, написанная, более того — пропетая с абсолютным слухом, не фальшивящая ни одной нотой, поистине поэтичная и притом глубоко и захватывающе научная, книга покойного Александра Цыбулевского «Высокие уроки», не так давно изданная издательством «Мерани». Написанная на материале поэм Важа Пшавела в переводах больших русских поэтов, это — книга и о поэзии, и о переводе, и о поэзии перевода, материал ее столь обширен, автор столь компетентен, его раздумья так глубоки и оригинальны, методология до того жива и продуктивна, что наивно было бы надеяться проанализировать все это в рамках одной, пусть даже и развернутой, статьи. Вот почему то, что я пишу сейчас, и носит такое эскизное название: да, мною движет лишь стремление поделиться размышлениями, вызванными этой прекрасной работой. Пусть кое-что и покажется иному читателю спорным, в чем-то читатель вправе и не согласиться с Александром Цыбулевским, но следует иметь в виду: продолжить столь ярко начатую работу исследователю помешала ранняя смерть...

В чем же она, основа «абсолютного слуха», а, стало быть, и безошибочной тональности? В даровании, литературном таланте? Да, это качество предполагается необходимым для каждого литератора (и до того саморазумеющимся, что, ругая порой скверное произведение, критики ищут «неверные установки» и проч. там, где коротко следовало бы диагностировать бездарность!). Читателям стихов и прозы А. Цыбулевского, почитателям его книги «Владелец шарманки» и чудных переводов из грузинских поэтов и в голову не может прийти мысль усомниться в высочайшей одаренности поэта! Как бы само собой разумеется еще одно необходимое (но столь же редкое в наше время!) условие: подлинная образованность. Она была столь органична для нашего автора, что могла в повседневном общении остаться и незамеченной: истинно знающий не кокетничает знанием. Зато в книге эрудиция А. Цыбулевского «работает» в полной мере.

Но есть, как мне кажется, свойство, отличающее подлинного творца от литературного ремесленника, — ремесленник (как и любой работник поневоле) спешит, выполнив свой урок, освободиться ради радостей бытия; творцу же — «урок не писан», он не аскет, но высшая радость его бытия — без выходных и отгулов жить в сфере духа, думать о литературе, жадно чувствовать ее. Радость такого углубления в поэзию, всегдашняя облученность ею, самоуглубленная жизнь Стихом — без этого не мыслил себя Александр Цыбулевский.

В сплаве же оба эти качества одарили его неоценимой чертой, которая как бы пронизывает — пронзает, ибо она прон-

зительна! — всю эту книгу: чистая и бескомпромиссная нравственная высота. Вот что и определяет неповторимую тональность книги, что делает А. Цыбулевского своим в кругу его замечательных собеседников — Важа Пшавела, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой и Николая Заболоцкого! Преданно любящий их, почтительный ученик, он все же имеет право здесь, на головокружительной высоте подлинной литературы, разговаривать с ними не снизу вверх, не апологетически искательно, но — открыто, искренно и честно, как сотоварищ по цеху! Ибо нет на такой высоте школярской двойной системы критериев «хуже—лучше», «точно—неточно», «полно—неполно» и проч. А есть в преходящих (как и все переводы) работах драгоценные жилы непреходящих ценностей и достижений, из которых истовый старатель Александр Цыбулевский не выронит ни крупинцы!

«...Не просто сравнительный анализ различных переводов одного и того же произведения, а неважноисключаемость различных систем перевода. Он принципиально против различия переводов «хуже—лучше» (разумеется, когда речь идет о высоких мастерах перевода), так как для него каждый перевод — это путь потерь и компенсаций. Так он проникает в самую суть проблемы перевода» — это очень верно отмечает в своем предисловии редактор книги А. А. Гвахария (к которому, к сожалению, придется высказать ряд претензий в конце этих заметок). Не следует лишь думать, что А. Цыбулевский склонен к каким-либо индульгенциям, вообще «принципиально» избегает говорить о неудачах мастеров. Отнюдь! «Слишком цветаевское, как правило, все-таки сказывается отступлением от подлинника», — пишет Цыбулевский, он и богам своим не простит неоправданного произвола или потери, с редкой точностью отметит вялость стиха или беглость пересказа, снижение образного ряда или лексики, потерю метафоры... Но там, где на его месте другой бы удовлетворенно поставил точку, А. Цыбулевский не останавливается. Потому что главное для него не «уличить», не констатировать, а отыскать объяснение, понять причину, вывести закономерность.

Первая и главная подмога ему в этом захватывающе интересном поиске — абсолютное знание материала. Причем имеется в виду не тот лишь конкретный (подлинник — переводы) материал, который заявлен в подзаголовке книги, но и вся целокупность, а вернее — целокупности поэтических миров переводящих мастеров, ведомых ему до строчки. Ибо мастер не умирает в переводе, из его личного опыта и творчества выводимы и удачи и срывы. Более того: исследователь убедительно соотносит особенности отдельных переводов мастеров (например, «Змееда») с определенными этапами их собственного творчества, демонстрируя, в чем и как именно сказались особенности периода, той поры на переводимом. И — еще более: осознавая переводческую работу как необходимый и закономерный этап на пути наших больших поэтов, мы воочию убеждаемся, сколь плодотворно эта работа скажется на замечательных поздних стихах Пастернака и Заболоцкого, например, сами придем к выводу, солидно обоснованному исследова-

дователем: «И как в этом плане поверхностны рассуждения тех, кто заключает, что переводы у Пастернака только отняли и отнимали от собственного творчества, а сколько дали!.. Кто знает, чего не было бы, если бы не переводы, не это средство и «встречи в веках». Крайне интересны тонкие наблюдения автора, обнаруживающего, казалось бы, невозможное — взаимовлияние друг на друга столь разных поэтов, как Цветаева, Пастернак и Заболоцкий, при этом не только в переводческой работе, но, как оказывается, через переводы — и в оригинальном творчестве! И продемонстрировав один из таких примеров, А. Цыбулевский резонно заключает: «Видимо, в подлинной поэзии, как в неэвклидовой геометрии, не может быть параллельных, не пересекающихся в итоге».

Мера точности — один из ответственных вопросов теории и практики перевода, путь потерь и компенсаций — ныне широко известный и практикуемый... Казалось бы, здесь исследователь в состоянии лишь «количественно» внести свою лепту, просто используя свежий материал. Он делает и это (причем, нельзя не отметить, «количество» в силу методологической плодотворности частенько приводит к качественно новым аспектам), но как бы «попутно» вдруг прорывается в область психологии творчества. Так, упрекнув М. Цветаеву за произвольную вставку, показав, что вставка эта не случайна, а как бы продолжает образный ряд «Царь-Девицы», заключив, что подобные вставки не всегда достигают цели, ибо «умозрительно мотивированные тем, что дополняют систему, они на самом деле — ни перевод, ни свое», А. Цыбулевский пишет: «Встречаются, однако, вставки, точно согласующиеся с образом переводимого произведения. Например, Этери у Цветаевой говорит: «Месяц, мне растивший кося...» — этого нет в оригинале, но образ как бы компенсирует вынужденные купюры». И далее — убедительное и удивительное по нравственной взыскательности предположение: «Можно представить, что в процессе перевода купюры накапливаются в памяти поэта и не дают покоя, и вот — выход: такое, чего нет в оригинале, но что по силе подлинности является слепком оригинала, представляет и замещает подлинник».

Взыскав точности и адекватности, автор столь чужд буквализма, что с удивлением, но и с обязательностью приводит «единственный случай дословного совпадения»: «Он, как и я, живет охотой» и «Он, как я, живет охотой» — из «Раненого барса» в переводах соответственно Н. Заболоцкого и М. Цветаевой. Анализируя «Змея» в переводах Б. Пастернака и Н. Заболоцкого, он обмолвился даже таким вот словом: «Есть отрывки качественно равнозначные до смешного» (подчеркнуто мной. Л. Т.). И тут же приглашает нас к удивлению, цитируя:

Пастернак:

Не знаю, в какой ты беде,
Что полон тоски и заботы,
Все рубят дрова и нигде
Грехом не считают охоты.

Заболоцкий:

Твою безмерную заботу
Не в состоянии я постичь,
Все люди ходят на охоту,
Деревья рубят, ловят дичь.

А так как сравнивается это в самом конце книги (стр. 127) и читатель уже стал к тому времени единомышленником А. Цыбулевского (иначе бы он или не брал бы книгу в руки или закрыл бы ее гораздо раньше), то и читателю покажется, наверное, смешным такое буквальное совпадение столь разных систем — ибо как раз исследованию различия, но и равноценности систем посвящена работа. Но это — доброжелательный и добрый смех. Сочетание доброты и взыскательности — еще один нравственный урок книги!

Еще один урок: отлично зная творчество Важа в подлиннике, исследователь гнушается сведением оригинала к роли дубинки, наказующей поэтов (нелишне отметить, что подобный прием в последние годы весьма вошел в моду!). Сравнивая переводы Цветаевой и Заболоцкого («Этери»), он пишет на стр. 14: «Что лучше? Нельзя сказать, невозможно выбрать. То одно, то другое. Может быть то, что ближе подлиннику? Но, видимо, в данном случае близость не способна решить дело в пользу одного из поэтов. Оба варианта хороши — независимо от подлинника, главный образ которого в обоих перевоплощениях не утерян». О нет! А. Цыбулевский отнюдь не отказывается ни от сравнения, ни от оценки — им движет благородная цель: «Мы пока намеренно отодвигаем сравнение поэмы с оригиналом — чтобы показать самостоятельную жизнь переводов». Благороден и благотворен вывод его: «Так всегда случается с переводами, выполненными крупными поэтами, — переводы не вызывают мгновенного соблазна сличения». Не случается ли нам забывать об этом?..

Но — тут же: «Сравнение с оригиналом еще предстоит...» И сравнений таких будет предостаточно, однако выполнять эту работу будет не бухгалтер-крохобор, а — поэт (да простится мне смелость подобного предположения: так бы, наверное, сравнивал свои русские воплощения сам Важа!). В одном месте А. Цыбулевский, не в силах, кажется, справиться с переполнившим его восторгом, непосредственно обратится к читателю, воскликнув: «Читатель — оцени!» А в другом — с праведной убежденностью сделает такой вот «ненаучный» вывод: «Один перевод не исcludes другой. «Змеед» уже немислим без двух переводов».

Но все-таки — сравнения с оригиналом. Их и впрямь немало, они очень точны и тонки, в отдельных оценках перетягивают чашу весов в ту или иную сторону. И цитировать здесь можно — до бесконечности. Но помяну лишь два интересных случая. Читатели «Литературной Грузии» обратили, должно быть, внимание на интересную статью Дмитрия Дадашидзе «Преодоление преград», напечатанную в № 7 за 1980 г. и посвященную переводам из грузинской поэзии Н. Заболоцкого. Автор сравнивает переведенное М. Цветаевой и Н. Заболоцким то место из «Этери», когда спасалар приносит царю весть о неожиданной женитьбе наследника (соответственно — «Царь! Не гневайся, могучий...» и «О царь, не сердись на меня...») Любопытнейшая вещь: «монографичность» не только материала, но и самой установки позволяет автору произвольно сокращать цитируемое, но если из Заболоцкого он изымает

16!

всего лишь четыре строки, то из цветаевского текста — «Монографическая» заданность очевидна уже в том, что Цветаева, выходит, лишь «очищала» и «живописала», тогда как переводческая установка Заболоцкого развернуто аргументируется: «...речь спасалара, который предстает перед царскими очами с докладом, да еще опасается гнева царя и вынужден подбирать выражения, должна быть плавной, неторопливой, несколько туманной. Он доброжелатель, но не защитник Годердзи, он прежде всего царский слуга и «держит нос по ветру». Именно это дает нам почувствовать перевод Н. Заболоцкого».

А. Цыбулевский цитирует оба перевода реплики полностью, но не в этом, конечно, одном лишь дело. Его цитаты — не просто иллюстрации, они интенсивно функциональны. Он пишет: «Разница Цветаевой и Заболоцкого обнаруживается особенно резко, когда оригинал можно истолковать как борьбу за правоту и справедливость — Цветаева сразу активно и автоматически в нее включается. Тут взволнованная речь Цветаевой — на высоте ораторского искусства». А ниже — сравнение: «Заболоцкому чужда ораторская речь, он тяготеет к внутреннему повествовательному монологу — то есть речи не спорящей, не убеждающей в чем-то кого-то, речь эта не обязательно предполагает собеседника, слушателя, а тем более противника». В данном же конкретном случае ораторское искусство существовать непременно должно и не ради самого искусства, а потому, что «это, кстати, демонстрирует, что персонажи сказок умны, что они выразители сил добра или зла и, в качестве таковых, далеко не бессловесны, напротив — находчивы, остры, убедительны. У Заболоцкого эта сторона притушена, речь повествовательно нейтральна; Этери у него милая и робкая жертва — она прекрасна, но не так умна, как у Цветаевой».

Сравнительные цитаты монолога в двух переводах естественно вытекают из вот какого (очень убедительного, на мой взгляд, особенно если учесть фольклорную основу Важа) заключения: «У Заболоцкого даже советник царя спасалар, которого именуют львом, пасует перед цветаевским, и царь прав в своем царственном гневе после его вялой речи, тогда как после речи цветаевского спасалара — царь неправеден, и тем сильнее звучат трагические трубы рока». Вот тут-то и следуют параллельно обе цитаты, стиховедческий и лексический комментарий... И, наконец, обращение к подлиннику: «Ограничимся количественной справкой: строк в подлиннике ровно столько, сколько у Цветаевой. Заболоцкий не нашел в этом отрывке ничего для себя и поспешил его сократить» (на целых 12 строк!).

Спустя десять страниц Цыбулевский вновь параллельно цитирует оба перевода, живописующие могилы Этери и Годердзи. Не стану цитировать цитируемое, но — вот раздумье исследователя: «В сравнении с переводом Заболоцкого, перевод этого отрывка Цветаевой при первом чтении хочется испещрить вопросительными знаками; все в нем кажется произволом: что за золотые трубы? Что за ключ бессмертия такой струится, да еще «все питая и поя»? Что за букашка? У За-

болоцкого куда естественней, конечно, он ближе к подлиннику. Раскроем Важа Пшавела...» И тут-то оказывается, что ниче-гошеньки Цветаева не выдумала и не «наворочала», все есть в оригинале — и золотые трубы, и ключ бессмертия, кашка! «Отступим же в смущеньи и снимем все вопроситель-ные знаки с цветаевского перевода...» — говорит Цыбулев-ский (и я приглашаю читателя восхититься естественным до-стоинством его прозы, столь непохожей на суконный псевдо-научный стиль!). Так что же, и на этот раз — «Ай да Це-таева!»?

То-то и оно, что нет! «И все-таки это место у Цветаевой нуждается в подпорке оригиналом, само по себе оно выглядит странно и чужеродно». А коли так, то, страшно сказать: мы встали со случаем, когда стремление большого поэта быть верным оригиналу до самой малости обернулось буквализмом. И Цыбулевский очень убедительно показывает, как этот бук-вализм нарушает ткань «действительности сказки», как точ-но почувствовал это Заболоцкий, как в арсенале собственного творчества нашел средства переплавить, преобразить (не те-ряя образности — вот что означает это слово!) очень важный фрагмент повествования В. Пшавела.

И уж если речь идет о теории переводческого дела, то не-возможно равнодушно пройти мимо тех мест книги, где А. Цыбулевский касается проблемы подстрочника. Ни один из четырех наших больших поэтов, переводы которых дотошно исследует Цыбулевский, не знал грузинского языка, они пе-реводили по подстрочнику. И А. Цыбулевский, сам отлич-но переводивший с грузинского, который он, кстати сказать, знал, дерзко возражает против пренебрежительного отношения к самому, кое-кем презираемому понятию — подстрочник. Он пытается разобраться, что же это такое: «Будучи прозаиче-ской копией, дословным прозаическим переводом того, что бы-ло стихом на родном языке, подстрочник сохраняет, ему пе-редаются некоторые стиховые качества и достоинства. Под-строчник — проза, отличная от прозы». И далее: «Поэтов узнают по подстрочнику!» С точки зрения психологической, как считает автор, подстрочник не просто прозаическая копия стихотворения, но «и его внутренний образ, или точнее — прообраз». В другом месте: «Подстрочник, как сама действи-тельность — он замещает действительность и в нем содер-жится разнообразие и пестрота возможностей». И, наконец, по-следнее — неожиданное, небеспорное, но явно продуктивное (конечно, при соответствующей высоте самого подстрочника и отношения к нему, при условии бесспорного дарования и вла-дения материалом — культурным, историческим, бытовым...): «Можно утверждать, что любое стихотворение и в подлиннике существовало и существует на уровне подстрочника, что оно неминуемо, прежде чем осуществиться, проходит стадию под-строчника. Подстрочник — своего рода общее состояние и подлинника и перевода».

Легко представляю, какое негодование может вызвать подобная апология! Ведь столько говорено, что подстрочник зло, хотя покуда неизбежное. Но — покуда? Доколе, то есть?

Учитывая, что добротные, а порой и классические стихотворные переводы дарят нам поэты, а не лингвисты, что стать лингвистом поэту не проще, чем лингвисту — поэтом (да и надо ли?), учитывая... Одним словом: существуют идеальные мечтания — прекрасные, но неосуществимые (или — трудноосуществимые), и существует и не стоит на месте богатая и многоцветная отечественная поэзия на очень многих языках. И дожидаясь того прекрасного далека, когда все без подстрочника будут всех переводить, не пора ли с должным вниманием отнестись к существующей суровой реальности, которая без подстрочника-то пока невысказима?!

Интересно и другое. Так ли уж буквально значение слов поэта: «И не знаю я, что буду петь, но только песня зреет»? Так ли бессознателен этот загадочный творческий процесс, не тянет ли нас к бумаге уже маячащий (не на уровне ли некоего «подстрочника?»), уже как-то существующий образ грядущего стиха? Скажут ли свое слово по данному поводу психологи — не знаю, но крамольные мысли о подстрочнике как стадии творчества высказал, прошу не забывать, очень хороший поэт, а не дилетант...

Уж кем-кем, но дилетантом Александра Цыбулевского не назовешь! Те, кто читает Важа Пшавела на родном грузинском языке, отлично знает, а те, кто знает его в переводах, пусть поверят, что, погружаясь в творчество великого поэта, мы как бы входим в особый, гулкий мир, где своеобразным эхом живут древние мифы, перекликаясь с народными верованиями и сказками, где ничто не однозначно, где — своя особая реальность, свои меры добра и зла и зыбки порой перемены меж ними. «Куда может привести этимология имени Этери? Этери — Иштар (вавилонская богиня утренней зари и любви) — Афродита, Астарта — что-то слишком много для бедной Этери. И, тем не менее, в образе маленькой пастушки есть отголоски тех мощных мифов, некогда пронесшихся по земле».

С постоянным интересом и упорством и в то же время с нежностью и тактом ищет Цыбулевский архетипы и прообразы, прамифы и предсказания. «Она — дитя природы и родилась для этой жизни... Это вне добра и зла, ни хорошо, ни плохо. Важа Пшавела не дает оценки, это единственно возможная для нее жизнь. У нее даже человеческого знания нет: «Я ничего не знаю так же, как скала», питается она той же, что и овцы, пищей — мотив вегетарианства, как и у Миндии». К слову сказать, сколько интересных этимологических истоков отыскал А. Цыбулевский, обратясь к «Змеееду», а сколько по поводу «Раненого барса», «Гоготура и Апшины»! Впрочем, «Гоготур и Апшина» — случай особый: исследователь почтительно останавливается перед тайной этой поэмы, ибо сам автор сказал, как отрезал: «...это моя личная тайна, которую я унесу с собой в могилу...» Зато исследователь знает, что «тайна, настаивающая на тайне, не бездеятельна: создается символический план, лишаящий повествование собственно повествовательности, — это план вечности, план углубления, план мифа...»

Вот Этери неизвестно почему роняет совершенно не относящуюся к делу жалобу: «И мачеха у меня злая...» Читатель прошел бы мимо. Ну, посочувствовал бы... Но для Цыбулевского это — сигнал, знак, он — посвященный. Мачехе, как оказывается, взяться-то неоткуда — отец и мать героини, можно предположить, погибли вместе. И невозможно удержаться от еще одной цитаты: «За простой сказкой с мачехой пульсирует миф более древний, восходящий кто знает в какие дебри». И вспоминается Энкиду из сказания о Гильгамеше — его судьба родственна Этери. Автор пишет: «Самому Важа Пшавела более близко древнее наслоение. Бытовая сторона: мачеха — падчерица для него не основа, из которой может произрасти поэма. Одной стороной, более поверхностной, маскируется другая, глубинная. Она прячется, и тем сильнее ее смутное воздействие, равное забытому воспоминанию — даже не личному, Важа Пшавела эпик, а воспоминанию общечеловеческому». Не забудем: Важа Пшавела сын древней земли, сын народа, обладающего памятью, которая, как явь, хранит следы Эллады и еще более древних времен. Он, Важа Пшавела, гениален и потому задолго до нас, обычных, почувствовал и осознал притягательность той непредставимой древности, загадки которой влекут и мучат нас, порождая в современной действительности псевдоразгадки мифов типа Денекена и проч.

Книга Александра Цыбулевского уже выдержала своеобразный экзамен временем: ведь впервые Институт востоковедения АН СССР издал ее ротопринтным способом в издательстве «Мецниереба» шесть лет тому назад. И нынешнее — с символом крылатого коня Мерани, как я полагаю, — не последнее. Тут-то приспело время обратиться со словами горького недоумения к А. А. Гвахария — научному редактору обоих изданий. Как прикажете понимать фразу — «Именно в эпичности, как **текстовой**, он усматривал источник народности»? А никак ее понять и нельзя, если (на стр. 31) не исправить подчеркнутое мною слово: не «текстовой», но — таковой! На стр. 55 вас озадачит фраза — «Поэтому **название** языка оригинала поэтом-переводчиком может и не препятствовать переводу...». Естественно, само по себе «название» ничему не препятствует, а речь идет о незнании! На стр. 113, где говорится о Пастернаке и Заболоцком, оказывается, что «такая их **полярность**, конечно, условна...» С этим утверждением можно бы и согласиться, но А. Цыбулевский-то, сопоставляя творческие манеры, говорил о полярности переводческих установок! Кончая сравнительный анализ переводов «Змеида», автор цитирует по этому поводу тонкое замечание Георгия Маргвелашвили и соглашается с ним: «Нам кажется, что это — глубокий, новый, неожиданный и верный аспект понимания **прозы**» (стр. 129). Вас удивит — откуда вдруг проза? И правильно: вместо нее должно быть слово поэма!

Не хочется быть мелочным, отмечая все буквенные и пунктуационные пропуски, огрехи, опечатки, да это и физически почти невозможный труд. Но вот случай, право же, уни-

кальный. На стр. 42 цитируются четыре строки из обращения Этери к царевичу, цитируется каждая строка в отдельности по-грузински (русская транскрипция четверостишия приводится в сноске), переводится на русский язык и комментируется. И вот как начинается перевод-комментарий третьей строки, где после грузинского написания следует — «Важа» — восклицание — причем русское «ох» и «ах» его не передает! «Важа», грубо говоря, переводится как «муж». Охи-ахи имеют же отношение, по-видимому, к «вахме»... Да что же это такое?!!

Производственный процесс дело, что и говорить, нелегкое. Но когда у книги два редактора — научный и издательский, то, даже если подобные ошибки уже и допущены в тираже, делом чести становится хоть вклейка в конце «Замеченные опечатки». Неужели же **незамеченность** подобного рода опечаток, грубо искажающих смысл, должна подтверждать старую и грустную поговорку о семи няньках?..

В данном случае «безглазое дитя» тем обидней, что книга будет иметь большого читателя — большого в разных смыслах (и это, на мой взгляд, тоже один из высоких уроков Александра Цыбулевского).

В самом деле, для кого она, эта книга? Для ученых-коллег? Несомненно (считайте, стало быть, что трехтысячный тираж уже удесятерен количеством таких читателей). Для профессиональных литераторов — критиков и поэтов? Бесспорно (приплюсуйте еще столько же жаждущих). Для студентов-филологов, ценителей поэзии, поклонников грузинской музыки?.. И для всех для них — тоже (число потенциальных читателей возрастает астрономически!). И уж вовсе непредсказуемо число тех, кто, может быть, по случайности прочитает эту книгу, прочитает с увлечением и откроет для себя новый, доселе неведомый и прекрасный мир — возможно, мир грузинской поэзии, а возможно, и мир поэзии вообще?

Ибо необычайно широк сконденсированный в этой книге мир, изящно и серьезно написанная, она заразительна, она — переносчик вирусов Высокой Болезни. Есть в ней пленительный артистизм, есть и тот поэтический принцип, который, говоря об О. Мандельштаме, автор определил неологизмом «ариостоизм» (от имени — Ариосто), то есть искусство изложения, которое исторгает из самой глубины читателя вздох-просьбу: «Рассказывай еще — тебя нам слишком мало!».

А это уже само по себе — вовсе немало!

Леонид ТЕМИН

„ЗА СОЛНЦЕ НАДОБНО БОРОТЬСЯ...“

ТАКОВО извечное свойство подлинного искусства — созданное для юных, оно интересно и зрелым людям. Ведь не напрасно А. М. Горький с прозорливостью мудрости сказал ставшие ныне крылатыми слова о том, что для детей надо писать так же, как и для взрослых, только лучше. Лучше — значит, добоя свои творения до совершенства в смысле гармоничной формы и содержания, добываясь предельной ясности и четкости мысли, причем обязательно привлекательной по заложенному в ней положительному заряду и воплощенной в органично присущую ей форму образного восприятия действительности, эмоционально воздействующую на читателя.

Художественное произведение для детей, к какому бы жанру оно ни относилось, должно к тому же служить не только познавательным, воспитательным целям, но и будить мысль, будоражить фантазию. И непременно еще — волновать, пленять и увлекать непостижимой тайной, без которой нет высокой поэзии. Звать к добру, к преодолению всяческих трудностей ради его торжества.

Импульсом для столь странной тирады послужила

небольшая и какая-то вся солнечная книжка абхазского поэта Константина Ломиа «Дочь Солнца», недавно вышедшая в московском издательстве «Детская литература».

Прочитала я ее залпом, поначалу даже не подозревая, что написана она, или точнее, издана, как указано в самом начале выходных данных, «для младшего возраста». Мне просто было интересно и приятно знакомиться с нею без всякой скидки на этот «младший возраст», на который я обратила внимание, уже повторно разглядывая иллюстрации (кстати, очень украсившие текст) и перечитывая этот сборник, состоящий из шести стихотворений в переводе Я. Козловского и трех поэм, переложенных на русский язык Ю. Полухиным.

Подкупает цельность книжки, воспринимаемой как нечто единое, не дробное (хотя в отдельности каждое из составляющих ее произведений имеет вполне самостоятельное значение и законченный характер). Вся она пронизана одной главной мыслью, одним осознанным чувством, имя которому патриотизм.

Да, это поэтическое, образное выражение любви к родине, восхищения ею, жажды беззаветно служить ей. Ради благополучия и счастья родной страны и совершает свой жизненный подвиг юный герой поэмы, давшей название всему сборнику.

Легенда, положенная в ее основу, возвышенна и прекрасна. Сюжетная основа —

стройна и целеустремленна. Ее пружина действует безотказно, держа до последнего слова читательское внимание в напряжении.

Все в ней идет по исконным законам жанра сказки, где неизменно противопоставлены добра и зла, света и тьмы. Где всегда есть отважный и прекрасный принц, рыцарь или витязь, словом, молодой герой, безоглядно преданный идее добра, в какие бы формы оно ни воплощалось — любви или справедливости, преклонения перед красотой или честности, сострадания к ближним или возмездия за причиненное зло и т. д. Где присутствуют умудренные жизненным опытом старцы. Где... Впрочем, кому не ведомы атрибуты сказок и легенд самых разных народов, в которых выстраданное человечеством стремление к правде и справедливости, к мирной, здоровой, разумной и красивой жизни выкристаллизовано в ясные, простые, вдохновенные и возвышенные идеи и образы.

Причем положительные герои здесь неизменно представляют собой квинтэссенцию лучших человеческих качеств. Они красивы не только внешне, но и внутренне. Они умны, добры и смелы.

Таков и юный Ахра из поэмы «Дочь Солнца». Он великолепен, бесстрашен, всем своим существом устремлен к добру, одержим желанием вернуть свет и тепло погруженной во тьму и холод гибнущей родине.

Все это
Прежде было сказкой

(Ее я в сердце берегу)
О старине земли абхазской

Перед которой
Мы в долгу —

пишет автор, как бы переключаясь с известными строками В. В. Маяковского о его долге перед багдадскими небесами. Но таково, очевидно, мировосприятие поэтов, что они не могут не испытывать чувства ответственности и долга перед краем, где родились и выросли.

Так или иначе, именно это чувство движет творцами, со всей силой искренности изливающими в своих произведениях признательность к матери-отчизне.

И потому невозможно противостоят их завораживающему обаянию.

Так и здесь. Много узнаваемо по знакомой условности всеми, от мала до велика, любимого жанра, претворявшего мечту человека в реальность. по традиционной символически.

Однако легенда о Дочери Солнца во многом, безусловно, самобытна. При наличии общечеловеческого, в ней присутствует и то, что делает ее именно абхазской, именно созданием данного автора.

Черты национального мышления и характера, приметы страны абхазов с ее морем, горами и лесами, поэтические пристрастия поэта, ее сотворившего, получили здесь четкое художественное выражение.

Лучезарная Дочь Солнца, ставшая невестой красавца Ахры в награду за то, что он, преодолев все препятствия, бесстрашно достиг дневного светила, чтобы возвратить ро-

димой земле отнятые у нее тепло и свет, — эта Дочь Солнца и есть сама Абхазия — Апсны, о чем прямо сказано в эпилоге:

Моя Абхазия родная
И есть Дочь Солнца.
Это — так!

Вот какой впервые представилась она смелому и честному воину, вступившему в царство Ясного Солнца:

...Красы неопикуемой лицо.
Глаза огромны, яркие,
дерзки.
Густые волосы копной...

Казалось бы, традиционный портрет сказочного персонажа. И вдруг — дерзкие глаза. Это уже несколько иная краска, позволяющая предполагать независимый характер Дочери Солнца. Примечательно также, что она не только восхитительна, но и наделена еще деятельным, созидающим началом, как и положено женщине. Вместе с Ахрой, спустившись на землю, «дева прекрасная» обошла поля и горы:

Дочь Солнца
Тихо напевала.
Идя по высохшей стерне,
Из кувшина лучи бросала,
Как сеют
Зерна по весне.

От этих живительных лучей все вокруг преобразилось, ожило и:

Как вечная
Природы милость —
Щедра, румяна и ясна, —
С тех пор далеких
поселилась
В моей Абхазии весна.

Очень точная примета действительно в солнечной Абхазии почти круглый год тепло как весной.

Характерен и образ отважного юноши, сына земли абхазской — Ахры. С рождения в нем заложены элементы социального самосознания.

— Родился только лишь
вчера,
Но жить не стану жизнью
рабской, —

заявляет он.
Ахра знает свое предназначение и уверен в своих силах:

— О, хватит силы —
Спасу от гибели наш род.

В стремлении к достижению цели он опирается на волю народа:

Пускай в пути,
В горах и в поле,
Со мною будет до конца
Вся ваша сила,
Ваша воля,
И ваши верные сердца.

Это не безликая обобщенная схема. В Ахре угадывается твердый, целеустремленный характер борца за справедливость, но лишенный той жертвенности, которой наделен, скажем, горьковский Данко. И посему в нем нет налета трагизма. Благополучный исход его одиссеи как бы запрограммирован (в хорошем смысле слова) изначально.

При всех традиционно сказочных мотивах в чем-то необычен и образ Светила (не могу не отметить и гут некоторую переключку с Маяковским — Ахра тоже дерз-

ко взывает: «— Эй, солнце, солнце!») Оно доброжелательно, степенно, мудро. Но не однозначно. Обещая помочь Ахре дать его земле тепло и свет, Солнце считает необходимым прежде проучить людей. Оно говорит юному правдоборцу:

— Ты всем завет поведай мой:

За солнце надобно бороться,

Как я борюсь
С кромешной тьмой.

И далее, судя по его же словам, не так уж безмятежно существует оно в своем царстве:

Пока изволю светом
литься —

Журчат ручьи, хлеба
растут,

А лишь уйду
Вздремнуть в светлицу —
Тьма наступает тут как
тут.

И еще одна деталь. Как известно, сказка не сказка без счастливого конца. Так и тут. Вернулся на Землю Ахра с победой, с Дочерью Солнца, зажили они счастливо, все кругом цветет, зеленеет, бродят соки жизни в пробудившейся матери-земле. Но...

Порой улыбку солнце
прячет,

Дождь льет
И день и три подряд...

«По дочери светило
плачет», —

Об этом люди говорят.

И сразу сказочный символ, иносказание и метафора очеловечиваются. Все ведь хорошо, а отец все же тос-

кует по любимой дочери, живущей на далекой Земле.

Кроме того, дожди обрушивающиеся водяной лавиной, льют сутки, а то и трое, потом все стихает и снова — «солнце доброе искрился в глазах людей...»

Это присуще именно Абхазии. Тот, кто бывал там, наверное, испытал на себе особенности абхазского климата... Как и приведенный выше, другие эпизоды и моменты в легенде, словно многоцветные камешки в мастерски сработанной мозаике, создают радужную картину, пленяющую глаз своим национальным колоритом.

В связи с этим несколько слов о переводе. Познакомив русского читателя с включенными в книжку произведениями К. Ломна, переводчики сделали доброе и благородное дело. Но хотелось бы, чтобы и их палитра была столь же многоцветна, богата красками и интонациями, переливалась блеском солнечных лучей, голубизной небес, изумрудом пышных крон, бирюзой морской стихии... Чтобы некоторая монотонность, нивелированность и приглушенность тонов не сглаживали самобытности авторской речи, чтобы не вызвали досады отдельные стилистические огрехи...

Но так или иначе, поведенная поэтом легенда не оставляет нас равнодушными к ослепительной Дочери Солнца. И мы даже испытываем нечто сходное с завистью к красавцу Ахре, похитившему ее...

Эта история увлекает наше воображение, пожалуй, не только как сказка или мечта, в которых все сбывается,

словно по волшебству, но и как быль, где всего надо добиваться борьбой.

В легенде о Дочери Солнца сказка и быль слились воедино. Протянута нить от прошлого к настоящему. Отдавая дань старине, автор пишет собирательный портрет своей современной родины, обогащая преданья давних лет сегодняшним видением мира, блесками своего дарования.

Правдоподобная на диво
Народом сказка создана.
А если
Так она правдива,
То, право, сказка ли она?

Что к этому добавить?
Разве только снова перечесть поэму и сказать словами поэта: «...Над вымыслом слезами обольюсь...» А значит, сопереживу всему в ней происходящему и вынесу урок — жить и бороться подобно герою поэмы Ахре — сыну Абхазии, посвящением которой и открывается книжка Константина Ломиа.

Это двухстрочное краткостише представляется мне сродни стихотворным афоризмам древних восточных певцов и мыслителей. Оно, как и рассмотренная нами ранее поэма, таит в себе неизбежную сыновнюю любовь автора к своей стране:

...хоть и мала страна
абхазов,
Не зря о ней в лучах
тепла
Дорога из людских
рассказов
Мир златоустый обошла.

Четкость формы и содержания отличает и следующие два краткостише — «В

полет» и «Корабли». И первое выражает общечеловеческую идею мира, воплощенную в его символе — голубе, взлетевшем в синь небес, то второе — лиричная акварельная зарисовка зимнего пейзажа, увиденная равнодушным и зорким взглядом художника, которому родные холмы напоминают волны, а дым над домами — корабли, плывущие по белому морю.

Со свойственной всем юным созданиям безоглядностью мчится по шоссе во весь опор ветру навстречу игреневый стригунок. Но эта милая жанровая зарисовка из стихотворения «Жеребенок», согретая нежностью к «братьям нашим меньшим», вызывающая какие-то ассоциации с Бемби, так бы и осталась симпатичной анимистической картинкой, не заверши ее автор следующими строками:

А, может, крылатый он,
Как будто бы конь Пегас?
И всадник его рожден,
Чтобы писать о нас?

Ведь именно подобные раздумья, возвышаясь над обыденностью, и делают стихи — поэзией.

Здесь — стригунок, натолкнувший поэта на мысль о Пегасе, в другом — сюжетном — стихотворении «Наездница» — перед нами уже вполне реальный скакун, участвующий в традиционных в Абхазии конных состязаниях и, наконец, в поэме «Дочь Солнца» — сказочный крылатый конь Араш, домчавший всадника до царства Солнечных Лучей.

Конь, как, впрочем, и ветер, один из излюбленных

образов-символов Константи-на Ломиа. Вполне понятно — это не только традиция поэ-тическая, но и та реалья, без которой издавна не мыслится жизнь абхаза. И потому опи-сание конных состязаний, данное в «Наезднице», так типично и для прошлого Аб-хазии, и для ее сегодняшне-го дня. Причем при всей традиционности изображен-ных соревнований в абхаз-ском селе Лыхны на них ле-жит отсвет современности.

Наряду с «Абхазией», «Ко-раблями», «Дочерью Солн-ца», «Жеребенком» — «На-ездница» органично вписыва-ется в созданную поэтом сю-иту о Дочери Солнца — Аб-хазии, обогащая ее разнооб-разием жанров, тем, аспек-тов и интонаций.

Изысканно изящное сти-хотворение «Светлячки», по-эмы «Ветер - забияка» и «Трудное путешествие» в той или иной мере тоже до-полняют общую картину, данную автором во искупле-ние своего поэтического дол-га перед землей предков.

В названных выше поэмах, столь разных по теме и со-держанию, пожалуй, наибо-лее ярко проявились именно абхазский национальный ха-рактер и мироощущение. И в этом смысле оба произведе-ния, можно сказать, необхо-димые штрихи к портрету ро-дины, написанному ее вер-ным сыном оружием поэтиче-ского слова.

Вот налетел на рощу шальной ветер «и тотчас за-трепетали нежные листки». Это я видела сама. Именно так — от внезапно налетев-шего ветра мгновенно вздрог-нули и затрепетали, мелко

дрожа, как живые, тонкие и длинные пальцы пальмовых листьев.

Или еще — подсмотренное так же точно и достоверно и характерное для климатиче-ских условий Абхазии:

Небо слез не удержало —
Ветер зол и груб, —
Ливень хлынул,
Как из ржавых
Водосточных труб.

Но, как и все в природе, в жизни — беды не вечны, бу-ри преходящи:

Где ты, буря?
Где ты, ветер?
Сгинул и пропал.

И снова — тишина... Все вошло в свою колею — мир-но и радостно жить на свете.

Мир — один из лейтмоти-вов книжки, ибо какая жизнь без мира и дружбы на земле людей! И вот двух мальчишек-сорванцов, отпра-вившихся в трудное путеше-ствие, влекомых жадной поз-нания окружающего и попав-ших в беду, в итоге спасает дружба.

...Сизый голубь,
Друг их лучший,
От беды мальчишек спас.

Ненавязчивая дидактика этой поэмы, оваянной роман-тикой юных сердец, — оче-видна. Но без нее — какая же книжка для детей, тем бо-лее «для младшего возра-ста»? А ведь сборник «Дочь Солнца» адресован именно юным читателям, что бы учить их деятельному доб-ру. Вспомните: «За солнце надобно бороться...»

Л. ТИХОНОВА

ВСЕНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

В юности мы склонны идеализировать своих кумиров. С годами ореол необычности тускнеет и объекты нашего восхищения оказываются самыми заурядными людьми. Но бывают и счастливые исключения, когда к восхищению юношеской поры добавляется вера в человека, не изменившего своим благородным героям. Таков Нодар Думбадзе.

Когда герой нового романа Нодара Думбадзе «Закон вечности» Бачана Рамишвили говорит о том, что душа человека во сто крат тяжелее его тела и поэтому люди должны помогать друг другу нести эту тяжесть, мы

за спиной героя видим его двойника — автора, придавшего форму философской максимы тому нравственному императиву, по которому выверены и все его книги, и вся его жизнь.

Лет двадцать тому назад мы, будучи еще студентами, жили радостями и горестями Зурикелы Вашаломидзе, и нам казалось естественным, что автор говорит с нами так доверительно и откровенно, как до того не говорил никто. Сегодня, оглядываясь на пройденный грузинской литературой за эти два десятилетия путь, мы видим, каким водоразделом стал казался бы бесхитростный рассказ Зурикелы, какой невидимый барьер, какую дистанцию отчужденности между читателем и автором уничтожил этот добрый и чуточку лукавый мальчик!

Наш кумир рассказывал нам о нашем сверстнике и, конечно же, мы и самого писателя считали «своим». Но в этой нашей любви к автору и его герою у нас оказалось много соперников как в самой Грузии, так и далеко за ее пределами. Вспору было начать борьбу за «читательский приоритет»!

Сегодня, когда Ленинская премия 1980 года, присужденная Нодару Думбадзе за его роман «Закон вечности», еще раз подчеркнула всенародное признание его доброго таланта, хочется от имени всех его почитателей поздравить нашего, двадцать лет тому назад «открытого» и по сей день любимого писателя.

Заза АБЗИАНИДЗЕ

ЛАУРЕАТЫ ИЗВЕСТНЫ

ВПЕРВЫЕ присуждены премии Совета Министров Грузинской ССР «Летопись пятилетки». Лауреатами премии стали: писатели А. Гогуа — за рассказы последних лет, К. Лордкипанидзе — за художественно-публицистические произведения «Что произошло в Абаше» и «Горец вернулся в горы», Р. Инанишвили — за сценарий художественного фильма «Приди в долину винограда», А. Чхаидзе — за пьесу «Когда город спит», поставленную в Батумском драматическом театре имени И. Чавчавадзе.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР МОРИСА ПОЦХИШВИЛИ

В ДОМЕ работников искусств столицы Грузии состоялся творческий вечер известного грузинского поэта Мориса Поцхишвили.

Вечер вступительным словом открыл писатель Р. Амашукели. Поэта приветствовали профессор С. Чилая, поэт Л. Сулаберидзе, писатели Л. Саникидзе, Н. Джалагония. Выступавшие особо отметили народность поэзии М. Поцхишвили, говорили о вкладе, который внес поэт в современную грузинскую литературу.

Поэзия М. Поцхишвили очень

музыкальна, и поэтому не удивительно, что многие грузинские композиторы пишут песни на стихи поэта. На вечере выступили певица Э. Какулия, дуэт М. и А. Чихладзе, ансамбль «Орион», юные певцы.

В заключение вечера с чтением стихов выступил Морис Поцхишвили.

ИЗДАН ПОСЛЕДНИЙ ТОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Сабчота Сакартвело» выпустило в свет восьмой, заключительный том фундаментального труда «Очерки истории Грузии», охватывающего период с 1941 по 1975 годы. В книге широко отображен вклад трудящихся Грузии в победу советского народа над фашизмом, а также послевоенное строительство и дальнейшее социально-экономическое и культурное развитие республики.

Значение выпуска этого много томного издания, над которым в течение 15 лет трудились научные сотрудники Института истории, археологии и этнографии имени И. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР, а также известные ученые, литературоведы, музыковеды, театроведы и искусствоведы республики, поистине неопределимо. Оно позволит полнее и ярче представить путь борьбы грузинского наро-

да за свою свободу и независимость, против иноземных работодателей, за светлое будущее.

НАГРАДА ГРУЗИНСКОМУ УЧЕНОМУ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Грузинского республиканского отделения Общества дружбы СССР — Венгрия академик Академии наук республики, директор Института истории грузинской литературы имени Ш. Руставели А. Барамидзе награжден специальной медалью Венгерской Народной Республики. Этой награды грузинский ученый удостоен за заслуги в укреплении дружбы и культурного сотрудничества между двумя народами.

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ

В ГОРИЙСКОМ государственном педагогическом институте имени Н. Бараташвили состоялась встреча студентов и преподавателей вуза с известным грузинским поэтом, редактором журнала «Дроша» Хута Бериулава.

Встречу вступительным словом открыл проректор пединститута, профессор Ш. Курдадзе. Перед собравшимися также выступили доцент Л. Бах-

тадзе, ответственный секретарь Горийского отделения Союза писателей Грузии Д. Инджия, профессор Д. Тевзадзе и другие.

В заключение Х. Бериулава прочел свои новые стихи, поделился с присутствующими творческими планами.

ЗВУЧАТ СТИХИ ОСЕТИНСКИХ ПОЭТОВ

В ЯРКИЙ праздник дружбы между тружениками Гори и Цхинвали вылился День поэзии, проведенный в Гори. Он был посвящен XXVI съезду КПСС, 60-летию Советской Грузии и образованию Компартии Грузии.

Писателей Юго-Осетии тепло встретили общественность и трудящиеся города. Затем в районном Доме культуры состоялась встреча с поэтами, которых представил ответственный секретарь юго-осетинской писательской организации К. Маргиев.

С чтением своих стихов перед собравшимися выступили поэты Р. Асаев, Г. Дзугаев, Н. Бакаев, А. Пухаев, Г. Кодалаев и др. Стихи осетинских поэтов в переводе на грузинский язык прочитали горийские поэты.

АНДРОНИКАШВИЛИ Николай Иосифович. Род. в 1944 году. Кандидат филологических наук. Научный сотрудник Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР. Автор статей в основном по вопросам грузинской литературы XIX века, опубликованных в сборниках «Вопросы новой грузинской литературы», «Очерки по истории грузинской литературы XIX века», журналах «Мацне» («Вестник»), «Цискари», альманахах «Критика», «Детская литература», газетах «Литератури Сакартвело» и «Молодежь Грузии».

ВАСАДЗЕ Акакий Георгиевич. Род. в 1939 г. Кандидат филологических наук. Поэт, прозаик, литературовед. Работает в области психологии художественного творчества.

ГОГИЯ Заза Гурамович. Род. в 1954 г. Окончил филологический факультет ТГУ. Занимается вопросами современной грузинской прозы. Печатается с 1977 г.

ГУРЕШИДЗЕ Нодар Варламович. Род. в 1927 г. Поэт. Автор многих сборников стихов, переводит на грузинский язык русских поэтов и поэтов братских республик. В 1977 году вышла в свет драматическая поэма венгерского поэта И. Мадача «Трагедия человека» в переводе Н. Гурешидзе.

Оригинальные произведения Н. Гурешидзе переводились на русский и украинский языки.

ДРОЗДОВ Николай Григорьевич. Род. в 1944 году. Окончил отделение журналистики ТГУ. Главный редактор Грузинской студии научно-популярных и документальных фильмов. Подготовил к изданию книгу «Из публицистического наследия М. Орехелашвили», которая выйдет в нынешнем году.

ЛАБАРТКАВА Тристан Григорьевич. Род. в 1929 г. Доктор исторических наук. Автор шести книг, многочисленных статей и трудов, касающихся истории народов СССР, среди которых «Ленинский план строительства социализма», «Труд В. И. Ленина «Что делать?» и его роль в современной идеологической борьбе», «Революционное движение в войсковых частях в борьбе за победу Советской власти в Грузии» и др.

ТЕМИН Леонид Самойлович. Род. в 1932 г. Поэт. Учился в медицинском институте г. Киева, окончил филологический факультет Киевского государственного университета. Печатается с 1958 г. Автор пяти сборников стихов и многочисленных переводов. Занимается вопросами стихосложения и теории перевода.

ЦИЦИШВИЛИ Тамар Георгиевна. Окончила филологический факультет ТГУ и аспирантуру при Институте истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР, где и работает младшим научным сотрудником. Занимается вопросами истории критики.

ЧИХЛАДЗЕ Омар Григорьевич. Род. в 1939 г. Закончил факультет журналистики ТГУ. Член СЖ СССР. Работал старшим редактором телевидения в Приамурье, ученым секретарем Грузинского сельскохозяйственного института,

заведующим отделом сельского хозяйства «Зари Востока». Печатался в журналах и коллективных сборниках Москвы, Тбилиси, Баку, зарубежных изданиях АПН (на вьетнамском, арабском, польском языках). Автор переводов нескольких прозаических и поэтических произведений с грузинского, ряда сценариев, киноочерков, в том числе полнометражной документальной ленты «Прикосновение к подвигу». В издательстве «Сабчота Сакартвело» готовится к печати книга его очерков «Путь к вершине».

49-7/3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ, Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения — 93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.

На первой странице обложки: Деталь восточного фасада храма в Мартвили.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

„ლიტერატურული კრებული“

— უცვლელკვირე ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივი პოლიტიკური შურნალი (რუსულ ენაზე)

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან. № 2, თებერვალი, 1981 წ.

Сдано в набор 6.I.1981 г. Подписано к печати 23.II.1981 г. УЭ 01515. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0— усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 8.500 экз. Заказ № 29. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ДУМБАДЗЕ Н. «Закон вечности». Роман. Пер. с груз. З. Ахвледиани. Москва, 1980. 80 с. 250.000 экз. 70 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

ОКУДЖАВА Б. «Путешествие дилетантов». Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари. Роман. Москва, 1980. 543 с. 150.000 экз. 2 р. 30 к.

«ИСКУССТВО»

ТОВСТОНОГОВ Г. «Зеркало сцены». Кн. 2. Статьи. Записи репетиций. Сост. Ю. С. Рыбаков. Ленинград, 1980. 311 с. с ил. 25.000 экз., 1 р. 70 к.

«ХЕЛОВНЕБА»

ЭГАДЗЕ О. «Ленин и газета «Правда» о партийности искусства». Тбилиси, 1980. 399 с. 2.000 экз. 2 р. 40 к.

СУРГУЛАДЗЕ А. «Очерки по истории грузинской культуры XIX в.». Под ред. Д. Г. Стуруа. Тбилиси, 1980. 215 с. с ил. 4.500 экз. 2 р. 40 к.

«САБЧОТА САКАРТВЕლო»

«Народное хозяйство Грузинской ССР за 60 лет». Юбилейный стат. ежегодник. Тбилиси, 1980. 304 с. 3.000 экз. 1 р. 30 к.

«ПРОФИЗДАТ»

ПАЧУЛИЯ В. «Черноморское побережье Кавказа». Путеводитель для туристов. Москва, 1980. 240 с. 3.500 экз. 1 р. 80 к.

60 к

ИНДЕКС 76117

76117
76117

